Трехсотлѣтіе Дома Романовыхъ.

(Рѣчь, сказанная на юбилейномъ празднествѣ въ СПБ. Духовной Академіи).

. . . .

Бываютъ моменты въ исторіи народовъ, когда они, подобно больному человѣческому организму, переживаютъ кризисъ, отъ котораго зависитъ ихъ будущее. Въ такіе момены какъ бы скрещиваются нити жизни и ставится роковой вопросъ: быть или не быть? Изъ нѣдръ прошедшаго раждаются они, какъ результатъ долгаго историческаго процесса, дѣйствія факторовъ самыхъ разнообразныхъ. И послѣдствія ихъ столь же разнообразны и глубоки: ими опредѣляется судьба народовъ. Это—этапные пункты въ движеніи человѣчества.

Россія празднуетъ сегодня памятную трехсотлѣтнюю годовщину одного изъ такихъ моментовъ. Корни событія, воспоминаніе о которомъ собрало насъ сюда, уходятъ далеко въ глубь вѣковъ исторической жизни русскаго племени.

Было нѣкогда время, когда два господствующія въ новой европейской исторіи племени—германское и славянское—въ равномъ положеніи стояли на порогѣ римской культуры и римскаго государства, ожидая своего часа, когда одряхлѣетъ гордый Римъ и разомкнутся самкнутые щиты его побѣдоносныхъ легіоновъ, открывая новымъ народамъ дорогу на сцену исторіи. Въ то время славянское племя находилось даже въ лучшемъ положеніи, чѣмъ германское, потому что оно ближе стояло къ центрамъ римской государственной жизни. Но исторія, очевидно, имѣетъ своихъ любимцевъ-первенцевъ и своихъ пасынковъ. Въ положеніи послѣднихъ оказались славяне. Когда пробилъ наконецъ часъ дряхлѣющаго Рима, рим-

ское наслѣдство получили почти исключительно племена германскія, а на долю славянамъ достались сѣверныя, варварскія провинціи восточной части имперіи, при чемъ славяне русскіе совсѣмъ были обдѣлены при дѣлежѣ римскаго наслѣдства. Они остались въ сторонѣ отъ культурнаго міра, въ лѣсахъ и болотахъ мѣстности, лежащей по великому водному пути. Это распредѣленіе народовъ новой Европы опредѣлило всю ихъ будущую судьбу. Богатые города, высокую гражданственность, просвѣщеніе, науку, искусство и литературу, словомъ, культуру матеріальную и духовную нашли германскія племена въ мѣстахъ своего поселенія на развалинахъ римскаго міра. Подъ натискомъ варваровъ эта культура, конечно, понизилась, потеряла свой прежній блескъ и силу. Но она никогда не умирала и не могла умереть, ибо имѣла слишкомъ глубокіе корни. Сами варвары чувствовали благоговѣйное уваженіе къ римской цивилизаціи и послѣ перваго разрушительнаго удара, нанесеннаго Риму, они сами стали подчиняться постепенно римскому культурному вліянію, когда поселились на новыхъ мѣстахъ. Культура Италіи, Галліи, Испаніи, насажденная римлянами, сдѣлалась сѣменемъ культуры новыхъ народовъ. На мѣсто міра римскаго явился міръ романскій, самое названіе котораго показываетъ, что онъ былъ прямымъ наслѣдникомъ перваго. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ западъ Европы началъ и продолжалъ свое историческое развитіе. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находилась наша родина съ начала ея историческаго бытія. Не духовную и матеріальную культуру нашли наши предки въ мѣстахъ своего поселенія, а дѣвственную угрюмую природу, покой которой дотолѣ не нарушала нога культурнаго человѣка, которая требовала усиленнаго труда для добыванія средствъ къ существованію. Все приходилось, значитъ, начинать съ начала, приходилось въ полномъ смыслѣ слова самимъ дѣлать свою судьбу. Въ то время какъ западные народы получили на половину готовымъ то, къ чему стремится всякій народъ въ своемъ историческомъ существованіи, славяно-русское племя не получило ничего. Оно вышло на историческое поприще съ запасомъ только своихъ природныхъ силъ, а не съ накопленнымъ богатствомъ прежнихъ поколѣній.

И вотъ началась тяжелая работа по прокладыванію себѣ самостоятельнаго пути на поприщѣ исторической жизни. Разсѣлившись въ проднѣпровскихъ краяхъ, славяно-русское племя

принялось созидать свою государственность и гражданственность, принялось укрѣплять свое положеніе среди другихъ народовъ Европы. Сколь ни была обижена Русь судьбою предъ своими западными сосѣдями, но въ первый періодъ нашей исторіи ея положеніе все-таки было сравнительно благопріятнымъ. Центромъ государственной жизни въ то время былъ Кіевъ, а всей ея ареной—мѣстность, лежащая по великому водному пути. Это территоріальное положеніе имѣло несомнѣнныя выгоды. Русь домонгольская совсѣмъ не была такимъ замкнутымъ государствомъ, какимъ мы послѣ видимъ Русь московскую. Она находилась въ самомъ живомъ общеніи съ западными и южными сосѣдями, т. е. съ тогдашнимъ цивилизованнымъ міромъ въ лицѣ послѣдняго Рима — Византіи и тѣхъ народовъ, которые раздѣлили между собою римское наслѣдство. Это живое общеніе, хотя и не пріобщало насъ сразу къ культурнымъ богатствамъ цивилизованнаго міра, однако, давало надежду на послѣднее въ будущемъ. Съ матеріальной стороны кіевская Русь также была болѣе или менѣе хорошо обезпечена. Теплый климатъ и плодородная почва югозападнаго края и торговые пути во всѣ стороны открывали возможность не только безбѣднаго, но часто и зажиточнаго существованія. Обезпеченность же со стороны матеріальныхъ потребностей, какъ извѣстно, есть первое условіе для развитія культурнаго. Въ такихъ обстоятельствахъ стала слагаться первоначальная русская государственность, начинало свою исторію русское племя. Удѣльно-дружинный бытъ, съ вѣчевымъ самоуправленіемъ и свободными отношеніями между сословіями, налагалъ особый колоритъ на тогдашнюю нашу государственную жизнь и обѣщалъ, быть можетъ, въ будущемъ своеобразныя формы послѣдней. Останься Русь спокойно существовать въ этой кіевской обстановкѣ, кто знаетъ, какъ бы сложилась наша исторія. Во всякомъ случаѣ, если бы она и не догнала своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей на поприщѣ культурнаго развитія, она несомнѣнно болѣе или менѣе скоро вступила бы на путь культурнаго соревнованія и обезпечила бы себѣ безъ особаго труда подобающее мѣсто въ европейской жизни. Намъ не пришлось бы переживать многихъ минутъ національнаго униженія, не пришлось бы испытывать горькую участь отсталыхъ учениковъ въ глазахъ Европы. Кто знаетъ, быть можетъ, иною была бы тогда судьба всего славянства.

Но исторія-мачиха и здѣсь наложила тяжелую руку на своего пасынка. Положеніе русскаго племени въ срединѣ между монгольскою Азіей и Европой оказалось роковымъ. Когда начался стихійный натискъ азіатскихъ народовъ на европейскіе, то Руси пришлось выдержать главные удары и на своихъ плечахъ вынести всю борьбу съ варварскою волною. Она грудью столкнулась съ историческимъ врагомъ арійской расы и истощила всю его стихійную силу своимъ сопротивленіемъ. Европа была спасена кровью славянства; но послѣднее заплатило не только кровью, а и свободой и—главное—всѣмъ своимъ нормальнымъ историческимъ развитіемъ. Подъ ударами монгольскихъ варваровъ погибла наша первая элементарная культура, русская исторія должна была сдѣлать крутой поворотъ и русскому племени пришлось созидать новую государственность. Измѣнились невольно для него и сцена и характеръ исторической жизни. Сначала нападенія дикихъ кочевниковъ печенеговъ и половцовъ заставили русское населеніе подвигаться съ юга на сѣверо-востокъ, чтобы тамъ, среди дикой и угрюмой природы, найти естественную защиту для мирнаго труда. Потомъ татарское нашествіе окончательно отбросило русское племя на сѣверъ и заставило его начинать здѣсь снова ту государственную работу, которая уже была налажена на югѣ, при томъ начинать ее въ условіяхъ гораздо худшихъ. Насколько кіевская Русь была въ оживленныхъ сношеніяхъ съ западомъ, настолько Русь владиміро-московская сдѣлалась одинокой и замкнутой, удаленной отъ культурнаго міра. Пустынныя степи, ставшія очень трудно проходимыми, отдѣлили ее отъ когда-то «русскаго» моря и Греціи, враждебная стѣна польско-литовскаго государства стала поперекъ дороги на западъ. Татарщина и Литва съ двухъ сторонъ угрожали ея самостоятельному національному бытію бѣдная природа требовала усиленнаго труда для добыванія средствъ къ существованію; упадокъ торговли привелъ къ общему обѣднѣнію. При такихъ условіяхъ старая кіевская государственность оказывалась уже несостоятельною. Она не была приспособлена къ той напряженной борьбѣ, какую пришлось выносить русскому племени, чтобы окончательно не погибнуть, сохранить свою самобытность и выйти снова на торную историческую дорогу. Удѣльно-дружинный бытъ оказался безсиленъ при столкновеніи съ хотя бы и варварскою, но сплоченною силою. Онъ не заключалъ въ себѣ достаточно элемен-

товъ, объединяющихъ общество, націю. Въ разбитомъ на отдѣльныя государственныя единицы русскомъ племени не хватило въ нужную минуту сознанія своего племеннаго единства, а распыленная государственная власть не сумѣла понять всей опасности и организовать надлежащую оборону. Потеря свободы, государственной независимости жестоко наказала насъ за эти невольные грѣхи нашей начальной исторіи. Но тяжелыя испытанія были вмѣстѣ и самымъ назидательнымъ урокомъ.

На сѣверо-востокѣ, въ новомъ центрѣ государственной жизни, стала вырабатываться и новая русская государственность, болѣе отвѣчающая условіямъ нашего историческаго существованія. Удѣльно-вѣчевой укладъ сталъ постепенно уступать мѣсто государственному режиму единодержавія, а потомъ и самодержавія. То и другое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ были необходимы, представляя единственное средство для спасенія національной самостоятельности. Удѣльная система съ ея родовыми счетами и областнымъ сепаратизмомъ, какъ сказано, потерпѣла не только матеріальное, но и моральное крушеніе въ жестокомъ пораженіи, понесенномъ Русью отъ монголовъ. Она была не въ состояніи исполнить первое назначеніе всякой государственности—охраненіе народнаго бытія и неизбѣжно должна была уступить мѣсто новымъ принципамъ, если только народъ не потерялъ окончательно инстинкта жизни. А что же можно было противопоставить грубой физической силѣ варварства, сплоченнаго желѣзнымъ деспотизмомъ, кромѣ силы государственнаго единства? Московское единодержавіе было инстинктивной реакціей народнаго организма на угрожающую опасность. Московскіе князья—собиратели Руси, быть можетъ сами того не сознавая и преслѣдуя нерѣдко личныя цѣли, выполняли національную миссію, дѣлали то, что подсказывалось чувствомъ племеннаго самосохраненія. Въ странѣ, поставленной въ положеніе военнаго стана, угрожаемой сильными врагами съ трехъ сторонъ, всегда обязанной держать мечъ обнаженнымъ и зорко стоять на стражѣ вражескихъ замысловъ, только единая сильная власть могла обезпечить государственную безопасность. Требовалось сплоченіе всѣхъ народныхъ силъ, объединеніе той разрозненности, которая подготовила Калку и Сити; и Москва достигла того и другого. Но требовалась, опять повторяемъ, не только власть единая, а и *сильная*. Исторія человѣчества показываетъ, что военныя

государства всегда имѣютъ тенденцію къ деспотическимъ принципамъ въ управленіи. Это уже естественное слѣдствіе ихъ положенія, естественное слѣдствіе того и донынѣ господствующаго убѣжденія, что война требуетъ безпрекословнаго повиновенія единой волѣ военачальника. Отсюда тотъ самый народный инстинктъ, который подсказывалъ московскимъ строителямъ Руси идею единодержавія, подсказывалъ имъ и другую идею—самодержавія. Для отстаиванія бытія національнаго мало было государственнаго объединенія. Побѣдивши сепаратизмъ внѣшній, нужно было побѣдить и сепаратизмъ внутренній. Удѣльная система пала, но былъ живъ еще ея духъ. Среди потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей, естественно, сильны были традиціи прежней славы, прежняго значенія и они далеко не охотно мирились съ новымъ порядкомъ вещей. Не умерли совсѣмъ и вѣчевыя традиціи нѣкоторыхъ свободолюбивыхъ областей; въ низахъ народныхъ кое-гдѣ бродили то же прежнія воспоминанія. Все это лишало новую государственность, взявшую на себя великую задачу національнаго спасенія, необходимой устойчивости, ослабляло ея силы, когда требовалось ихъ наибольшее напряженіе. Самодержавная идея въ такихъ условіяхъ родилась и развивалась сама собою. Она питалась тѣмъ же инстинктомъ народнымъ, какой неуклонно толкалъ московскихъ государей къ созданію государственнаго единства.

На такихъ основахъ созидалась новая русская государственность, взамѣнъ той, какая погибла въ волнѣ азіатскаго нашествія. И дѣйствительность показала, что народный инстинктъ подсказалъ путь совершенно правильный. Подъ сѣнью державной Москвы медленно, но вѣрно, зрѣла новая великая Русь, для славяно-русскаго племени открывались новые историческіе горизонты. На Куликовомъ полѣ произошло первое генеральное испытаніе этой новой государственности и она съ честью выдержала его. Снова встрѣтилась здѣсь Русь грудь съ грудью съ Азіей и на этотъ разъ варварская волна разбилась о твердую силу объединеннаго русскаго племени. Постепенно вернулась государственная независимость, монгольскій врагъ былъ отраженъ; а скоро побѣдоносная Русь заставила почувствовать свою руку и своихъ бывшихъ поработителей. Варвары, когда-то легко сокрушившіе разрозненное русское племя, не могли устоять противъ объединенной силы того-же самаго племени. Съ Куликова поля и береговъ Угры путь

естественно шелъ къ Казани и Астрахани. Русская народность начала очищать для себя свою естественную историческую территорію, отодвигая Азію въ ея столь же естественные предѣлы. Стойкій отпоръ былъ данъ и антинаціональному натиску съ запада, притязаніямъ чуждаго польско-литовскаго государства, поглотившаго южную часть русскихъ племенъ и покушавшагося сдѣлать тоже и съ главною восточною вѣтвью. Съ обезпеченіемъ національнаго бытія начали открываться и съ другихъ сторонъ перспективы будущаго историческаго развитія. Понемногу, хотя и медленно, стала раскрываться невольная замкнутость отъ культурнаго міра, на какую осуждено было русское племя послѣ отлива его въ угрюмыя мѣста Поволжья. Оправившись отъ ударовъ судьбы, собравшая свои силы народность наша вспомнила и о своихъ правахъ на культурное наслѣдство новыхъ европейскихъ народовъ, на культурныя блага, которыми обдѣлила ее мачиха-исторія. Покончивъ съ варварствомъ, Русь обратила свои взоры на западъ, гдѣ тѣмъ временемъ счастливо преуспѣвали болѣе взысканные судьбою сосѣди, которыхъ она своею кровью ограждала отъ варварскихъ ударовъ. Уже Іоаннъ III, хотя осторожно, протягивалъ руку къ осиротѣвшей византійской коронѣ, пытаясь этимъ прикосновеніемъ къ наслѣдству второго Рима сблизить свою страну съ счастливыми наслѣдниками Рима перваго. Іоаннъ же Грозный вполнѣ опредѣленно понялъ московскую историческую задачу и прямо сдѣлалъ цѣлью московской политики открытіе дороги на западъ. Этотъ жестъ поняли наши соперники и съ своей стороны употребили усилія, чтобы помѣшать возраждающейся русской народности принять участіе въ европейской жизни. Они остановили замыселъ Грознаго, которому измѣнило военное счастье. Но эта временная задержка не измѣняла стихійнаго хода вещей. Разъ существовала созданная Москвою государственная мощь, то вопросъ о пріобщеніи Руси къ семьѣ культурныхъ европейскихъ народовъ былъ только вопросомъ времени. Государственность, побѣдившая татарщину, заключала въ себѣ залогъ достаточной силы, чтобы побѣдить всѣ сопротивленія, ставшія на ея исторической дорогѣ. Словомъ, во времена Іоанновъ казалось, что наше будущее обезпечено и долго оттираемое исторіей русское племя прочно заняло свое мѣсто въ европейской исторической жизни.

И вдругъ та самая государственность, которая служила

залогомъ русской будущности, поколебалась. Зашатались устои, заложенные цѣлыми поколѣніями создателей новой московской Руси, судьба занесла руку на долгій, упорный государственно-національный трудъ нашихъ предковъ. Настала смута и какъ тяжелая болѣзнь поразила сравнительно молодой государственный организмъ. Въ ней сказались всѣ старыя раны русской жизни, заявили о себѣ вредные соки, отразился весь нерѣдко болѣзненный процессъ созданія московской государственности. Когда прекратилась прямая линія наслѣдниковъ Калиты, заговорили о себѣ замершія было традиціи областной розни, старые счеты родовой княжеской знати, честолюбивыя домогательства русской аристократіи, сдерживаемыя доселѣ властною рукою московскихъ самодержцевъ. Та легкость, съ какою цѣлыя области отдавались въ руки разныхъ самозванцевъ, во всякомъ случаѣ свидѣтельствовала, что сознаніе органической связи съ государственнымъ центромъ было еще не вполнѣ крѣпко. Въ благопріятныхъ условіяхъ обнаруживалось это слабое мѣсто государственности и въ нихъ же болѣзнь нашла почву для дальнѣйшаго распространенія. Боярскій классъ вспомнилъ о своихъ владѣтельныхъ правахъ и, видя отсутствіе твердой власти, началъ заявлять свои притязанія на участіе въ управленіи государствомъ. Заговоры, крамола, оскудѣніе гражданской честности, готовность торговать совѣстью и родиной явились прямымъ слѣдствіемъ розыгравшихся классовыхъ аппетитовъ. Быть можетъ, конечно, тутъ дали о себѣ знать и ошибки тѣхъ, чьими усиліями слагалось до тѣхъ поръ московское царство. Объединители Руси, создатели московскаго единодержавія и самодержавія, не всегда считались съ законными правами и особенностями. Ихъ пріемы бывали иногда механичны и они довольствовались примѣненіемъ грубой силы тамъ, гдѣ нужна была бы органическая государственная работа. Слишкомъ примитивны бывали и ихъ способы подавленія честолюбивыхъ тенденцій знати, чтобы не вызвать реакціи. Жестокости Грознаго, искоренявшаго крамолу и тамъ, гдѣ ея не было, должны были воспитать запасъ злобы и ненависти къ царской власти въ средѣ родовитой аристократіи, которая и отомстила за свои обиды отчасти на Борисѣ и его семьѣ, но особенно на Шуйскомъ, которому пришлось испытать открытое униженіе подчиненности боярству. Какъ бы то ни было, основныя начала государственнаго уклада были поколеблены. Единодержавно-самодержавный режимъ пошатнулся, а

вмѣстѣ зашаталась и вся основанная на немъ государственность. Опасность для послѣдней была тѣмъ больше, что замутилась Русь не сверху только, а и снизу. Созиданіе Руси не прошло безболѣзненно и для народныхъ низовъ. Напряженіе государственныхъ силъ, въ связи съ бѣдностью массъ и постепеннымъ установленіемъ крѣпостныхъ отношеній, повело къ образованію многочисленнаго кадра людей, не захотѣвшихъ служить государственности и нести ея тяготы и ставшихъ во враждебное къ ней отношеніе, или же готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ стать въ таковое. На окраинахъ государства, да отчасти и въ нѣдрахъ послѣдняго, создались противообщественные элементы, представлявшіе горючій матеріалъ въ минуту государственнаго колебанія. И эти элементы дѣйствительно подняли голову, взялись за оружіе и ударили противъ государственнаго порядка, какъ только послѣдній поколебался. Смута сверху нашла отраженіе и поддержку снизу, и, наоборотъ, шатаніе въ низахъ питало броженіе въ верхнихъ слояхъ. Такъ создавался роковой кругъ, отразившійся въ умѣ современниковъ единодушнымъ признаніемъ, что «замутилась русская земля».

Мы можемъ понять весь трагизмъ этого признанія, быть можетъ, лучше, чѣмъ понимали его сами современники смутнаго времени. Они только инстинктомъ чувствовали, что родинѣ угрожаетъ великая опасность, что дѣло идетъ о какомъ-то великомъ переворотѣ въ участи государства. Мы же можемъ и съ точки зрѣнія историческаго разума сказать, что дѣло шло о всемъ будущемъ русскаго племени, а вмѣстѣ — и о всемъ его происшедшемъ. Колебаніе государственнаго уклада ставило на карту всю нашу историческую роль въ Европѣ, наше національное бытіе, самостоятельное культурное развитіе. Ослабленное смутой племенное единство, расшатанная государственная цѣлость, обезсиленная власть грозили не выдержать внѣшняго натиска. Сильные сосѣди занесли уже руку и выжидали, когда можно будетъ раздѣлить между собою русскую добычу. Русь въ тогдашнихъ условіяхъ могла жить и бороться за блага жизни лишь подъ охраной созданнаго государственнаго уклада. Разъ пошатнулся послѣдній, то ставился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи. Или внутренній распадъ и медленное разложеніе, или внѣшнее подчиненіе и постепенная утрата своей національной самобытности были бы ея удѣломъ, если бъ она не сумѣла выйти изъ смут-

наго хаоса. Одолѣй самозванцы — настала бы разруха общества, распадъ власти, междоусобная вражда и въ будущемъ, несомнѣнно, расхищеніе государственной территоріи сосѣдями. Воцарись Владиславъ, или, къ чему собственно шло дѣло, Сигизмундъ—восточная Россія стала бы тѣмъ же, чѣмъ была западная—плѣнницей польско-литовской государственности и культуры, постепенно ассимилирующейся съ господствующей народностью. Въ обоихъ случаяхъ одинаково погибали усилія предшествующихъ поколѣній московскихъ строителей русскаго государства, погибали плоды тяжелой народной работы въ теченіе цѣлыхъ шести вѣковъ нашей исторіи. Напрасны дѣлались жертвы на алтарь татарщины, напрасны лишенія, перенесенныя во имя національной идеи при процессѣ собиранія разрозненныхъ частей племени. Закрывалась возможность сказать и намъ свое, русское «слово» въ исторіи: за насъ и на нашъ счетъ сказали бы свое «слово» поляки. Изъ артистовъ на исторической сценѣ мы превратились бы въ простыхъ статистовъ, и великой Россіи, навѣрно, не было бы никогда.

Да, моментъ былъ трагическій, роковой; болѣзнь опасная, угрожающая жизни народной; кризисъ въ исторіи одинъ изъ тѣхъ, которые ведутъ иногда къ новой славѣ, но чаще всего къ паденію. Однако, здоровые соки народнаго организма побѣдили разрушительное дѣйствіе болѣзненныхъ элементовъ. Поколебленная государственность снова укрѣпилась, зашатавшіеся народные устои опять стали непоколебимо. Все, что оставалось вѣрно долгу и совѣсти, всѣ, въ комъ не заглохла гражданская честность, всѣ, кто понимали опасность для самой общественности отъ противообщественныхъ элементовъ, объединились въ послѣднюю минуту для спасенія отечества, для отстаиванія государственнаго порядка. Въ моментъ высшаго напряженія враждебныхъ силъ, когда почувствовалась гибель для націи, громко заговорилъ снова инстинктъ жизни и вынесъ русское государство изъ волнъ смуты. Просвѣтлѣли умы, смягчились сердца, нашлось мужество у однихъ, заразившее другихъ, и роковое навожденіе, затуманившее многихъ, исчезло. Дружными условіями лучшихъ общественныхъ силъ была спасена государственность, которою было крѣпко московское государство. Порывъ народнаго воодушевленія, родившійся изъ инстинкта національнаго, смылъ тину, загрязнившую народную душу, которую не въ состояніи было смыть

искусственное покаяніе, устроенное нелюбимымъ царемъ въ то время, когда еще молчало національное чувство. Идеи единодержавія и самодержавія, затуманившіяся въ смутномъ миражѣ, снова встали въ сознаніи русскихъ людей, какъ оплотъ и прибѣжище въ критическій часъ. Теперь, пожалуй, онѣ сдѣлались даже сознательнѣе, чѣмъ были раньше. До смуты, быть можетъ, только немногіе опредѣленно понимали, что въ нашемъ тогдашнемъ положеніи единая и сильная власть единственно обезпечиваетъ національную безопасность. Послѣ смуты это должны были понять уже многіе, всѣ, кто сознательно относился къ событіямъ. Государственная идея изъ области инстинкта перешла въ область воли,—что составляло значительный шагъ впередъ. Этимъ объясняется, надо думать, то сравнительное единодушіе, съ какимъ произошелъ выборъ новой царской династіи, окончательно укрѣпившій государственно-народное выздоровленіе. Боярская знать не забыла конечно, своихъ родовыхъ счетовъ и тогда, когда собралась на соборъ, долженствующій дать Москвѣ новаго царя. Но наученная опытомъ, она понимала, что во имя собственнаго самосохраненія необходимо пожертвовать личными честолюбивыми интересами въ пользу государственной идеи. Она поняла, что государственность, обезпечивающая бытіе народное, обезпечиваетъ и бытіе ея собственное, если только она не желаетъ измѣнить своей народности. Предъ этимъ сознаніемъ стушевались взаимныя несогласія, и Россія получила царя, который являлся нераздѣльнымъ наслѣдникомъ всѣхъ прерогативъ прежнихъ московскихъ государей. Ему вручены были тѣ самые скипетръ и держава, которые держали въ рукахъ Іоанны, какъ символъ полной народной готовности продолжать неуклонно путь стараго государственнаго строительства, вѣрно охраняющаго національное бытіе. И тѣ самые люди, которые недавно беззастѣнчиво «крамолили», перебѣгая изъ Тушина въ Москву и обратно, были не прочь ухаживать за Жолкѣвскимъ и Сигизмундомъ, теперь безпрекословно преклонились предъ вотумомъ: да здравствуетъ царь Михаилъ! Пусть Михаилъ былъ юноша, а у подножья его трона толпились сѣдовласые потомки старыхъ Рюриковскихъ родовъ: онъ былъ тотъ, кто, несмотря на свои неопытныя руки, въ данныхъ условіяхъ могъ всего крѣпче держать скипетръ русскаго царства и кому народный голосъ поручилъ продолжить прерванное дѣло прежнихъ поколѣній.

Избраніе на царство новой династіи, такимъ образомъ, означало конецъ смуты, конецъ государственнаго шатанія, побѣду жизни надъ смертью въ больномъ государственномъ организмѣ, выздоровленіе націи и начало возстановленной здоровой жизни. Русское племя снова выходило на торную историческую дорогу послѣ временнаго блужданія на перепутьи, въ опасныхъ трясинахъ государственнаго смущенія. Возобновлялось прерванное движеніе, плоды прежняго труда народнаго вновь становились залогомъ славнаго будущаго. Знаменитые строители Руси, московскіе Василіи и Іоанны, протягивали руку новому наслѣднику своей власти—Михаилу, и устанавливалась преемственность государственнаго созиданія. Теперь уже прочной становилась увѣренность, что и русское племя займетъ свое достойное мѣсто въ европейской исторіи, что старое римское культурное наслѣдство рано или поздно сдѣлается и его достояніемъ. И дѣйствительность показала, что именно такъ и было. Смута была послѣднимъ кризисомъ, угрожавшимъ нашему національному бытію. Выздоровленіе сдѣлалось скоро началомъ новаго быстраго роста, какъ то часто бываетъ и съ индивидуальнымъ человѣческимъ организмомъ, пережившимъ болѣзненное потрясеніе. Наслѣдники власти Іоанновъ скоро умножили полученное наслѣдство. То, чего не удалось достигнуть первому русскому царю, уже вполнѣ стало доступно для Михаилова сына и осуществилось великимъ Михаиловымъ внукомъ. Говорятъ иногда, что новая Россія родилась на поляхъ Куликовскихъ, въ послѣдней смертельной схваткѣ Азіи съ Европой. Другіе думаютъ, что она родилась на поляхъ Полтавскихъ, когда царь-богатырь рубилъ окно въ Европу. Намъ кажется, правильнѣе было бы сказать, что новая Россія родилась въ тотъ день, когда измученная страна нашла своего новаго царя, родилась въ мукахъ смуты и въ лучахъ восходящей звѣзды Дома Романовыхъ.

Послѣ этого понятенъ, конечно, и смыслъ нынѣшняго торжества. Великая Россія празднуетъ нынѣ день своего историческаго рожденія. И не случайно мы видимъ, какъ въ этомъ торжествѣ принимаетъ такое близкое участіе русская церковь. Настоящій день можетъ быть по всей справедливости названъ нераздѣльнымъ торжествомъ государства и церкви.

Тяжелый кризисъ, переживавшійся русскимъ племенемъ три вѣка тому назадъ, былъ роковымъ моментомъ столько же для жизни народной, сколько и для нашей церкви. Если когда

взаимно тѣсно сплетались государственные и церковные интересы, то это именно въ ту историческую минуту.

Первая наша, кіевская государственность еще не стояла въ особенно близкой связи съ церковью. Церковь въ ту пору была какъ бы въ сторонѣ отъ политической жизни, вмѣшиваясь въ послѣднюю единственно развѣ во имя мотивовъ нравственныхъ, выступая въ миссіи миротворческой, въ которой такъ нуждалось удѣльное время. Зависѣло это отъ многихъ условій. Тутъ имѣло значеніе и то обстоятельство, что митрополитами нашими тогда были греки, по существу чуждые національнымъ русскимъ интересамъ. Много значило и то, что кіевская Русь лишена была одного сильнаго государственнаго центра, съ которымъ могла бы прочно связать себя церковная власть. Но намъ кажется, самую важную роль въ опредѣленіи церковно-политическаго положенія тогда игралъ самый исторической моментъ. Кіевская государственность развивалась сама собою, естественно, изъ тѣхъ корней, какіе углублялись еще въ нашу дохристіанскую старину. Она развивалась, затѣмъ, въ условіяхъ сравнительно благопріятныхъ, въ относительно счастливую пору народной жизни. Церковь застала государственный укладъ уже опредѣлившимся и не имѣла ни повода, ни возможности передѣлывать его на свой ладъ. Судьбы народныя не представляли также особеннаго случая для церковнаго вмѣшательства. Удѣльная разрозненность была, конечно, чревата угрозами для будущаго. Но инстинктъ народный еще дремалъ, не предчувствуя близкой опасности, и не звалъ на помощь церковныя силы.

Однако положеніе вещей круто измѣнилось со времени монгольскаго удара, когда въ силу необходимости русскому племени пришлось созидать себѣ новый центръ государственной жизни и новую государственность. Въ созданіи этой государственности церковь приняла уже самое близкое, непосредственное участіе. Разумѣется, подобной перемѣнѣ способствовали всякія практическія соображенія. Явился опредѣленный государственный центръ и союзъ съ нимъ представлялъ немаловажныя выгоды. Случай связалъ церковную власть съ Москвою, а взаимная заинтересованность укрѣпила этотъ союзъ. Но опять таки корень событій надобно искать глубже. Церковь пошла на помощь государственности, потому что къ этому призывалъ ее голосъ народный. Если вообще народному сознанію стала ясной несостоятельность прежняго государственнаго уклада и

оно инстинктивно искало новыхъ формъ такового, обезпечивающихъ національную безопасность, то представителямъ церкви, какъ наиболѣе культурнымъ элементамъ, названное сознаніе было наиболѣе присуще. То, что другимъ классамъ общества подсказывалъ инстинктъ, въ нихъ говорилъ разумъ. Они скорѣе всего поняли, что̀ нужно для обезпеченія бытія государственнаго, поняли необходимость государственнаго единства, тѣмъ болѣе, что предъ ихъ глазами былъ и извѣстный историческій опытъ. Традиціи византійскія, принесенныя къ намъ съ византійской церковностью, съ самаго начала плохо мирились съ удѣльно-вѣчевымъ порядкомъ. Онѣ какъ разъ совпадали съ тѣми идеями государственными, какія подсказывались, какъ основа новой государственности. Не имѣвшая возможности активно развивать ихъ въ кіевское время, церковь, съ перемѣною обстоятельствъ, поспѣшила воспользоваться случаемъ примѣнить ихъ на русской почвѣ. Сравнительная культурность церковныхъ классовъ, моральный авторитетъ, извѣстная историческая опытность—все говорило за то, чтобы церковь взяла на себя и руководство въ выработкѣ новаго государственнаго уклада. Такъ оно, дѣйствительно, и было.

Русская церковь была пѣстуномъ московской государственности, дѣятельной пособницей въ созданіи главныхъ устоевъ послѣдней. При собираніи разрозненной Руси въ одно политическое цѣлое Москва находила всегда самую твердую поддержку въ церковномъ авторитетѣ. Съ момента союза съ Москвою при митр. Петрѣ церковная власть шла рука объ руку съ московскими князьями въ предпринятомъ ими великомъ дѣлѣ государственнаго объединенія. Ѳеогностъ, Алексій, Фотій, Іона, греки и русскіе церковно-начальники, одинаково дѣйствовали на этомъ поприщѣ. Они употребляли всѣ средства, даже не сомнѣваясь обращать мечъ духовный на достиженіе мірскихъ цѣлей, лишь бы укрѣпить новую государственную систему. Преданные служители идеи московскаго первенства, были столь же преданными служителями и велико-княжескаго единодержавія. Въ интересахъ послѣдняго, церковная власть сразу же стала на сторону новаго порядка престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, хотя бы такая позиція и не всегда совпадала съ интересами минуты. Великій процессъ собиранія Руси былъ, можно сказать, столько же заслугой церковной, сколько и княжеской.

Но, пожалуй, еще неоспоримѣе услуга, оказанная церковью

другой коренной идеѣ московской государственности—московскому самодержавію. Изъ рукъ церкви получили московскіе государи царскую корону, скипетръ и порфиру. Никто иной, какъ духовенство пересадило на Русь византійскую идею самодержавія, легшую затѣмъ въ основу нашего государственнаго уклада. Въ византійской имперіи власть императора окружалась исключительнымъ ореоломъ величія и святости. Здѣсь издавна къ ней было примѣнено все религіозное ученіе о дарахъ царскаго помазанія, о божественномъ происхожденіи власти, о необходимости повиновенія ей; здѣсь церковь осѣнила священной санкціей всю ту властную державность, какая соединялась съ императорскимъ саномъ еще въ языческой римской имперіи. Когда сильная власть сдѣлалась насущной потребностью нашего историческаго существованія, то представители церкви нашли самымъ лучшимъ для ея созданія культивировать на русской почвѣ византійскіе идеалы. Главнымъ орудіемъ проведенія новыхъ политическихъ идей первоначально сдѣлалась письменность, которая въ то время нашей исторіи была всецѣло церковною. Письменность усердно проводила мысли о высокомъ значеніи власти, о ея божественномъ достоинствѣ, почти о ея обоготвореніи... «Князь... небо есть земное, а душа его—престолъ Христовъ». Таково убѣжденіе нашей книжности уже XIII—XIV вв. И сообразно этому убѣжденію, на развалинахъ старыхъ удѣльныхъ традицій духовенство усиленно возвышало идею единой власти, примѣняя къ ней привычныя представленія о державности римскихъ кесарей. А когда палъ подъ ударами турокъ второй Римъ и не стало древняго боговѣнчаннаго царя, то церковь уже и прямо провозгласила устами своихъ идеологовъ, что теперь державное наслѣдство осиротѣвшаго царскаго престола переходитъ къ третьему Риму—Москвѣ и ея властителямъ. Для доказательства положенія, что Москва является идейной наслѣдницей Византіи, въ церковной средѣ создавались самыя фантастическія легенды, довѣрчиво принимаемыя народнымъ мнѣніемъ. Повѣсти о Мономаховомъ вѣнцѣ и бѣломъ клобукѣ должны были утвердить въ умахъ нашихъ предковъ истину, что прерогативы Византіи государственныя и церковныя составляютъ законное достояніе послѣдняго, третьяго православнаго царства, послѣ котораго четвертому уже не быть. Цѣлое поколѣніе іосифлянскихъ іерарховъ, въ теченіе вѣка державшее въ своихъ рукахъ церковную власть, всячески внѣдряло

въ русское общество идею самодержавія и не щадило усилій окружить княжескую власть ореоломъ величія римскихъ кесарей. Церковная рука протягивала корону московскимъ государямъ прежде, чѣмъ они сами рѣшились надѣть ее. «Боговѣнчаннымъ царемъ» въ устахъ представителей церкви былъ уже Василій III; «самодержцемъ новаго града Константина» величали митрополиты Васильева отца. И если Грозный рѣшился, наконецъ, взять то, что предлагали весьма прозрачно его родителю и дѣду, то опять таки по тому же церковному внушенію. Не юноша Іоаннъ, конечно, осмѣлился ухватиться за казавшійся недосягаемымъ вѣнецъ, а его надѣлъ на Іоаннову голову митроп. Макарій

Церковью выпестованная, на ея попеченіи выросшая государственность была, конечно, и близка церкви, какъ родное дѣтище. Дѣтище, тѣмъ болѣе цѣнимое, что, повторяемъ, инстинктивное народное стремленіе къ единству и крѣпости государства для церкви было разумнымъ убѣжденіемъ. Она болѣе, чѣмъ кто либо другой, сознавала, что третій Римъ находится еще только въ періодѣ формированія, что для полной зрѣлости ему еще надо восходить изъ силы въ силу, что возможно единственно при твердомъ государственномъ порядкѣ. Можно представить въ такомъ случаѣ, какъ больно поражена была церковная среда наступившимъ со смутой шатаніемъ государственныхъ устоевъ. Смутныя волны грозили смыть то зданіе, которое она такъ долго созидала, на которое потратила столько силъ и энергіи. Колебаніе государственности угрожало церкви не только по естественной связи ея съ народомъ, но и болѣе непосредственно. Три первые вѣка московской исторіи завязали крѣпко узелъ церковно-государственнаго союза и срастили всѣ нити церковной жизни съ жизнью государства. Кризисъ государственности поэтому, помимо того, что онъ былъ кризисомъ національнымъ, становился вопросомъ жизни для союзной церковной стороны.

Неудивительно, что послѣдняя напрягла всѣ свои силы въ тотъ тяжелый моментъ, когда судьба поставила на карту будущее русскаго племени. Во второй половинѣ XVI вѣка, когда главная государственная миссія церкви была почти закончена, церковная энергія какъ бы нѣсколько ослабѣла: ея содѣйствіе не требовалось въ прежней мѣрѣ. Но какъ только настала минута опасности, церковь стряхнула временную дремоту и нашла въ себѣ силы и мужество, достойныя самыхъ боевыхъ

прежнихъ моментовъ ея государственной работы. Среди общаго шатанія умовъ и со всѣхъ сторонъ обнаружившихся сепаратическихъ тенденцій, русскіе первоіерархи смѣло стали въ числѣ и во главѣ тѣхъ немногихъ элементовъ общества, которые оставались вѣрны московской государственности. Патріархи Іовъ и Гермогенъ не напрасно стяжали себѣ громкія имена въ русской исторіи. Ихъ служба московской государственной идеѣ была поистинѣ самоотверженна и она искупаетъ нѣкоторые недостатки перваго и возвышаетъ ореолъ мученичества послѣдняго. При Годуновѣ покорный исполнитель царской воли, патр., Іовъ оказался мужественнымъ гражданиномъ въ тяжелую годину бѣдствій. Когда вся Москва присягнула самозванцу, одинъ патріархъ съ высшимъ духовенствомъ не принесъ присяги и принужденъ былъ оставить патріаршій престолъ и отправиться въ изгнаніе простымъ монахомъ. Правда, его преданность не спасла трона отъ узурпатора; но она, несомнѣнно, имѣла сильное нравственное значеніе для психологіи толпы въ минуту общаго колебанія. Признай Іовъ самозванца за законнаго государя, и положеніе того въ Москвѣ было бы гораздо прочнѣе и не такъ легко было бы Шуйскому организовать свой удачный заговоръ. При Шуйскомъ вмѣстѣ съ своимъ замѣстителемъ Гермогеномъ тотъ же Іовъ, уже совсѣмъ одряхлѣвшій, пытался укрѣпить народную совѣсть, не переставшую колебаться. Для этого было устроено въ Москвѣ торжественное всенародное покаяніе, на которомъ бывшій и настоящій патріархи призывали миръ въ смущенную душу народа. Еще напряженнѣе были усилія Гермогена утишить смуту и поддержать колеблющійся тронъ. Онъ, не любя лично Шуйскаго, одинъ не отнялъ отъ него свою поддерживающую руку. Онъ увѣщевалъ мятежную московскую толпу и мятежныхъ бояръ, когда они пытались свести съ престола нелюбимаго Василія; онъ дважды спасалъ несчастнаго царя отъ этой участи, когда почти всѣ оставили его. Онъ писалъ грамоты къ сборищамъ самозванца, взывая къ ихъ патріотическому и религіозному чувству. За патріархомъ въ томъ же духѣ дѣйствовали епископы, какъ-то Іосифъ коломенскій, Ѳеоктистъ тверской, Галактіонъ суздальскій. Когда слабый Шуйскій все-таки палъ, патріархъ отказалъ низложившимъ его боярамъ признать совершившееся дѣло и не считалъ Василія монахомъ, не смотря на его невольную монашескую рясу. Когда на Москвѣ бояр-

ская партія задумала призвать на престолъ Владислава польскаго, то Гермогенъ опять оказался на стражѣ государственныхъ интересовъ. Онъ категорически требовалъ, чтобы Владиславъ, занимая русскій тронъ, порвалъ со всѣми польско-католическими традиціями и даже подъ угрозою смерти не согласился подписать грамоту, отдававшую судьбу Россіи въ руки польскаго короля. Между прочимъ, именно стойкость патріарха, быть можетъ, спасла Москву отъ Сигизмундовой власти. Когда въ польскомъ станѣ подъ Смоленскомъ была получена боярская грамота, отдававшаяся во всемъ на королевскую волю, но безъ подписи патріарха, то русскіе послы—Филаретъ, Голицынъ и другіе—отказались считать ее дѣйствительною безъ подписей духовенства, не смотря ни на какіе уговоры. Сигизмунду пришлось поэтому силою добиваться своихъ притязаній, въ каковой борьбѣ въ концѣ концовъ онъ ничего не получилъ. Когда польско-русское соглашеніе было вѣроломно нарушено съ польской стороны, то Гермогенъ первый поднялъ знамя народнаго движенія противъ иноземцевъ. Отъ имени патріарха писались грамоты по русскимъ городамъ, съ призывомъ идти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ, и, по свидѣтельству современниковъ, патріархъ въ то время сдѣлался центромъ народнаго вниманія, «начальнымъ человѣкомъ русской земли», представителемъ русской государственной идеи, лишившейся представительства царскаго. Подъ сѣнью патріаршаго авторитета совершилось и все знаменитое движеніе народнаго ополченія для избавленія Москвы отъ поляковъ. Патріархъ до послѣдняго вздоха благословлялъ освободителей и умеръ отъ ярости поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, требовавшихъ отъ него не благословенія, а прещенія, такъ какъ и они прекрасно понимали, что патріаршее слово въ ту минуту можетъ рѣшить борьбу въ ту или другую сторону. Умеръ Гермогенъ, но его дѣло уже не могло умереть. Навожденіе смуты уже исчезло, болѣзнь народная быстро шла къ выздоровленію. Гермогеновъ прахъ покоился въ мрачномъ подземельи, а надъ Москвою виталъ духъ новой, возрождающейся жизни національной. И когда корона опустилась на голову новаго русскаго царя, осѣняя возстановленную государственность на новый историческій подвигъ, то это было результатомъ столько же усилій общественныхъ, сколько и церковныхъ.

Такъ церковь неразрывно связала себя съ роковыми ми-

путами русской жизни. Она шла рядомъ съ государственностью и въ дни счастья и въ дни бѣдствій, и такъ же безкорыстно приносила жертвы на алтарь отечества, какъ каждый честный гражданинъ. Минины, Пожарскіе, Сусанины,—Іовы, Гермогены, Діонисіи, Аврааміи—все это дѣлатели общаго дѣла, создатели новой великой Россіи. Для церкви и народности одинаково шелъ вопросъ о существованіи, когда заколебался тронъ, и нація и церковь одинаково инстинктивно бросились спасать его. Справедливо поэтому и въ день нынѣшняго торжества онѣ вмѣстѣ празднуютъ счастливую прошлую побѣду, рѣшившую судьбу русскаго племени. Эта побѣда идеи государственнаго порядка, сложившихся устоевъ государственной жизни надъ элементами и теченіями антигосударственными, антиобщественными и антинаціональными, стоитъ многихъ славныхъ побѣдъ на поляхъ брани. Самая жестокая битва ничто по сравненію съ внутренней болѣзнью народнаго организма. Отъ пораженій можно оправиться, когда здоровы соки народной жизни; а отравленное внутри народное тѣло всегда бываетъ обречено на гибель.

Триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Многое измѣнилось за эти три вѣка. Отошла въ вѣчность величавая плеяда царей московскихъ. Смѣнилась вереница наслѣдниковъ полнаго титула древнихъ кесарей. Не мало пережилъ русскій народъ горестей и радостей; не мало событій пережила и русская государственность. Самый государственный укладъ, наконецъ, почти на порогѣ вспоминаемаго трехсотлѣтія, измѣнился. Время и жизнь выдвинули новыя требованія, явились новыя политическія условія; пріобщенная къ жизни европейской, Россія не могла отставать отъ послѣдней въ развитіи гражданственности; и изъ рукъ царственнаго потомка Михаила получила она новую политическую хартію, которой суждено стать основой новой эры жизни той государственности, неприкосновенность которой столь ревниво охраняли три вѣка назадъ наши предки. Сквозь призму вѣковъ и событій иногда какъ будто кажется, что цѣнности, за которыя боролась тогдашняя Русь, потускнѣли, что тогдашнія переживанія далеки не хронологически только, а и внутренне, отъ современнаго намъ поколѣнія. Но было бы великой ошибкой смотрѣть на разсматриваемый историческій моментъ подъ названнымъ угломъ зрѣнія, оцѣнивать его со стороны современныхъ политическихъ воззрѣній и идеаловъ. Ту историческую минуту

надо брать и въ ея исторической обстановкѣ; надо разсматривать ее какъ звено въ той именно исторической связи, въ какой она находилась. Для того этапа нашего историческаго пути было вопросомъ жизни то, что, быть можетъ, не всегда кажется таковымъ въ наше время. Мы должны помнить, что руками Мининыхъ и Пожарскихъ, Гермогеновъ и всѣхъ ихъ безвѣстныхъ, но незабвенныхъ соратниковъ закладывался, или, пожалуй, вѣрнѣе, возстанавливался фундаментъ того самаго зданія, подъ сѣнью котораго живутъ всѣ участники сегодняшняго торжества. Россія XX вѣка корнями уходитъ къ той скромной Руси, «спасать» которую шли нѣкогда народныя ополченія. Великая русская имперія выросла на почвѣ, удобренной кровью и костями тѣхъ, кто отозвался на призывъ п. Гермогена. И не будь тогда спасена государственная идея, мы теперь не занимали бы того мѣста въ Европѣ, какое занимаемъ. Если-бъ не разрѣшилась счастливо триста лѣтъ назадъ наша болѣзнь національная, то не было бы Россіи великодержавной. А если бы не было Россіи великодержавной, то не было бы и той «свободной» Россіи, какая раждается на глазахъ нашихъ и къ созданію которой воля Михаилова потомка торжественно призвала недавно весь народъ русскій. Такъ неразрывно связывается цѣпь исторіи, и немного надо приницательности, чтобы понять, что мы живемъ плодами трудовъ нашихъ предковъ, что самымъ бытіемъ нашимъ со всѣми нашими новыми идеалами мы обязаны поколѣніямъ, созидавшимъ и спасавшимъ русскую государственность, обезпечившую будущее русскаго племени.

Преклонимся же благодарнымъ воспоминаніемъ предъ этими поколѣніями. Онѣ не были, конечно, безгрѣшны. Своекорыстіе, честолюбіе, классовый эгоизмъ, потемнѣніе совѣсти людей русскихъ создали смуту, питали ее и поставили на край гибели московское государство. Но предки наши искупили свои быть можетъ тяжкія прегрѣшенія своими страданіями, своими жертвами, своимъ покаяніемъ и спасительнымъ подвигомъ. Нынѣ гремятъ благодарственные гимны въ честь тѣхъ, кто запечатлѣлъ имена свои на скрижаляхъ тогдашней исторіи; созидаются памятники, вьются лавровые вѣнки. Но что значатъ всѣ памятники изъ мрамора и гранита по сравненію съ тѣмъ памятникомъ, какой представляетъ сама великая Россія? Вотъ, дѣйствительно, памятникъ, который всегда будетъ напоминать не только намъ и потомкамъ нашимъ, но и всѣмъ окружаю-

щимъ насъ народамъ, настоящимъ и будущимъ, о томъ историческомъ моментѣ, когда на невидимыхъ вѣсахъ исторіи рѣшалась будущность нашего національнаго бытія и ставился вопросъ: быть или не быть когда-либо Россіи дѣйствительно великой?

Б. Титлиновъ.

Высокопреосвященный архіепископъ Смарагдъ (Крыжановскій) на Рязанской каѳедрѣ и его кончина († 1863, XI, 11).

(Съ портретомъ и автографомъ архіеп. Смарагда.)

ВЪ СУББОТУ *19 іюля* 1858 г. Смарагдъ пріѣхалъ въ Рязань на послѣдній этапъ своего многомятежнаго земного странствованія. Сначала онъ сильно «плакалъ и болѣзновалъ по Орловской епископіи», но потомъ «совершенно успокоился въ жребіи своемъ» и даже полагалъ, что «изведенъ изъ глубины золъ» Орловскихъ [1]), а наконецъ въ Рязани ему и прямо полюбилось [2]). Архипастырь былъ уже отягощенъ годами и нравственно подавленъ, между тѣмъ о немъ появлялись «предложенія уволить отъ службы» [3]). Рязанская епархія, огромная и небезпокойная, имѣла слишкомъ достаточно запущеній матеріальныхъ и нравственныхъ [4]);

[1]) См. Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 96—98 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1251—1252; ср. и „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 32 (смѣсь).

[2]) См. Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 96 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1251.

[3]) Такъ предлагалъ митрополиту С.-Петербургскому *Филаретъ* Московскій: см. его Письма къ Высочайшимъ особамъ II, стр. 222.

[4]) См. Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 95 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1250, а также у прот. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви села Городковичъ Спасскаго уѣзда Рязанской епархіи съ хронографіей ея пастырей (Рязань 1898), стр. 341. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 32 (смѣсь) въ письмѣ Смарагда

однако владыка не ослабѣвалъ трудиться на пользу ея [5]) «безъ церемоніи и хитрости» [6]) и съ такою же торжественною простотой [7]) ежегодно предпринималъ поѣздки по обширному краю, не смотря на свои недуги [8]). Достохвальна и знаменательна его церковно-строительная дѣятельность здѣсь. Для Рязани была особо священна память великаго князя Рязанскаго Романа Ольговича, пострадавшаго въ Ордѣ *19-го іюля* 1270 г. [9]), но во всей области не было ему храма.

изъ Рязани отъ 28 октября 1858 г.: „здѣсь многое запущено, но по исправленіи того, что находится въ неисправномъ видѣ, надѣюсь, все будетъ лучше, чѣмъ было въ Орлѣ".

[5]) 31 декабря 1858 г. *Смарагдъ* писалъ о. Іероѳею (см. въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г., № 10, стр. 1250, 1251 и отдѣльно на стр. 95, 96): „Жить (въ Рязани) былобъ не худо, еслибъ можно было взять гдѣ-либо прежней энергіи и дѣятельности. Однакожъ и безъ того, запущеній матеріальныхъ и нравственныхъ здѣсь столько, что онѣ скорѣе меня преподѣлятъ, нежели я ихъ возмогу одолѣть".

[6]) † Проф. *П. С. Казанскій* отъ 3 ноября 1860 г. сообщалъ: „съ Смарагдомъ можно жить, но только онъ не любитъ церемоній и хитрости, но держитъ себя далеко" (см. „Богословскій Вѣстникъ" 1904 г., т. II, стр. 78).

[7]) Такъ судимъ по доставленнымъ намъ сообщеніямъ С.-Петербургскаго протоіерея *Виссаріона Яковлевича Некрасова*, бывшаго въ Рязани при Смарагдѣ въ числѣ маленькихъ пѣвчихъ архіерейскаго хора, которымъ тамъ управлялъ тогда извѣстный церковный композиторъ прот. Михаилъ Александровичъ Виноградовъ.

[8]) 26 іюля 1859 г. *Смарагдъ* писалъ о. Іероѳею (см. въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г. № 11, стр. 1358—1359 и отдѣльно на стр. 99): „И я странствовасъ по здѣшней Рязанской Палестинѣ. Скажу вамъ откровенно, что она нисколько не ободрила охладѣвшій ко всему подобному духъ мой... Кромѣ многихъ церквей, по зданію хорошихъ и худыхъ, и я осмотрѣлъ пять здѣшнихъ Монастырей, изъ коихъ только Раненбургская Пустынь да заштатный Скопинскій Монастырь подходятъ къ благоустройству; прочіе же очень похожи на Бѣлорусскія Обители". Едва оправившись отъ тяжкой болѣзни, которою онъ былъ постигнутъ въ концѣ 1859 года, *Смарагдъ* 19 іюня 1860 г. сообщалъ о. Іероѳею (Ibid. 1911 г., № 11, стр. 1369 и отдѣльно на стр. 109): „Нынѣ собираюсь поѣхать также въ тѣ мѣста Епархіи, которыя въ прошедшее лѣто не были посѣщены мною, а именно: въ г.г. Михайловъ, Зарайскъ, Егорьевскъ и Касимовъ. Отдохну нѣсколько дней въ Николо-Радовицкомъ управляемомъ Монастырѣ, чтобъ съ большею потомъ ревностію переплывать житейское море трудовъ и попеченій". См. и письма *Смарагда* къ Пелагеѣ Васильевнѣ Шеншиной въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г., № 1, стр. 128, 133.

[9]) См. и Рязанскія достопамятности, собранныя архимандритомъ *Іеронимомъ*, съ примѣчаніями *І. Добролюбова* (изданіе Рязанской Уче-

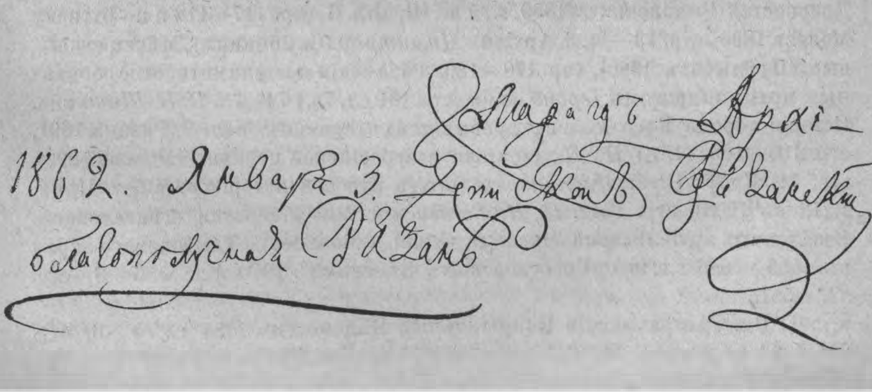
Смарагдъ задумалъ почтить благовѣрнаго мученика, въ день кончины котораго онъ прибылъ въ Рязань, и воздвигъ въ честь его церковь въ архіерейской «Новопавловской» дачѣ (въ 1 верстѣ отъ Рязани), устроивъ тамъ и домъ для лѣтняго пребыванія мѣстныхъ преосвященныхъ [10]). Замѣчателенъ по идеѣ иконостасъ, ибо въ верхнихъ ярусахъ послѣдняго нѣсколькими группами изображены лики святыхъ, соименныхъ бывшимъ Рязанскимъ іерархамъ, представлявшихъ и освящавшихъ всю исторію Рязанской іерархіи. При открытіи царскихъ вратъ, въ алтарѣ являлась предъ глазами молящихся величественная икона сорока мучениковъ Севастійскихъ, въ числѣ коихъ были и «ангелы» самого созидателя по крещенію (Александръ) и по монашеству (Смарагдъ). Съ нарочитою торжественностію и особымъ утѣшеніемъ совершено было освященіе этого храма 20 сентября 1861 года—въ день епископскаго тридцатилѣтія Смарагда, произнесшаго трогательное слово [11]), и—по отзыву хроникера—«за сей благопріятнѣйшій для Рязани подвигъ свой по истинѣ пріобрѣлъ владыка душевную признательность Рязанской паствы». Забо-

---

ной Архивной Комиссіи), Рязань 1889, стр. 18*б* (§ 50), а также ср. у † проф. *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви (Москва ²1903), стр. 66 и 196.

[10]) Впрочемъ, о семъ † проф. *П. С. Казанскій* отъ 3 ноября 1860 г. писалъ (см. „Богословскій Вѣстникъ“ 1904 г., т. II, стр. 78): „на загородный домъ съ (Рязанскаго) духовенства (Смарагдъ) собралъ болѣе 12.000 руб. серебромъ и выстроилъ затѣйливый домъ“, но у о. *І. Г. Добролюбова* сказано (Историко-статистическое описаніе церквей и монастырей Рязанской епархіи, т. I, Зарайскъ 1884, стр. 11), что этотъ домъ съ церковію „устроенъ Рязанскимъ арх. Смарагдомъ на сумму, собранную частью съ духовенства Рязанской епархіи, а частію изъ другихъ источниковъ“. Самъ архипастырь 19 іюня 1860 г. писалъ о. Іероѳею (въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 11, стр. 1369 и отдѣльно на стр. 109), что „это сдѣлалъ для своего собственнаго здоровья и утѣшенія“. Знавшіе эту Павловскую дачу, потомъ сгорѣвшую, утверждаютъ, что указанная П. С. Казанскимъ сумма преувеличена втрое, если не вчетверо (напр., бывшій при преосвящ. Палладіи Раевѣ секретаремъ въ Рязани *Петръ Ивановичъ Тихомировъ*, нынѣ секретарь митрополита С.-Петербургскаго).

[11]) См. сообщеніе прот. *Николая А. Ильдомскаго* въ „Странникѣ“ 1861 г., № 11, отд. IV, стр. 188—191: на крестѣ подъ престоломъ надпись гласитъ, что храмъ сей „освятися въ благодарственное воспоминаніе архіерейской хиротоніи Его Высопреосвященства Смарагда 20 сентября 1861 г.“.


Смарагдъ
1862. Января 3.
благополучная Рязань

тился онъ и о возобновленіи Архангельскаго собора [12]); тутъ опять находимъ сооруженную имъ икону сорока мучениковъ Севастійскихъ, среди которыхъ св. Смарагдъ изображенъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ (на правой сторонѣ у южныхъ дверей) почиваетъ архіепископъ Рязанскій (съ 13 апрѣля 1651 г.) Мисаилъ [13]), убіенный (въ апрѣлѣ 1656 г.) около села Конобѣева близъ Шацка мордвою [14]), глубоко почитавшійся преосвящ. Смарагдомъ [15]). Вообще послѣдній всегда заботился о

---

[12]) См. о немъ у *И. С(ладкопѣвцева)* въ „Прибавленіяхъ къ Рязанскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“ 1865 г., № 3, стр. 68—69.

[13]) О гробницѣ Мисаила см. у *И. С(ладкопѣвцева)* въ „Прибавленіяхъ къ Рязанскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“ 1865 г., № 7, стр. 185—186. Ср. и въ письмахъ архіеп. Смарагда къ архим. о. Іероѳею отъ 19 апрѣля 1859 г. въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1252 и отдѣльно на стр. 97: „Мнѣ не безчестно будетъ лежать бездыханнымъ совокупно съ землякомъ нашимъ Стефаномъ Яворскимъ и другими знаменитѣйшими Іерархами Рязанскими, изъ коихъ есть одинъ,—Мисаилъ мученикъ, убитый стрѣлами за проповѣданіе Мещери Христа,—братіями моими, во множествѣ погребенными въ здѣшнемъ Архангельскомъ Соборѣ“.

[14]) По благословенію патр. Никона, Мисаилъ въ 1656 году въ третій разъ отправился „мордву и татаръ въ крещеніе приводить“ въ Шацкій уѣздъ и здѣсь мордвиномъ Горечишкой устрѣленъ стрѣлою у деревни Ямбирина (Янберна, Ямбирная)—верстахъ въ 10 отъ государева дворцового села Конобѣева—во вторникъ на Страстной недѣлѣ 9 апрѣля 1656 г., а умеръ въ селѣ Огломазовѣ 17 числа въ четвергъ на Святой. См. о немъ *Тих. Воздвиженскій*, Историческое обозрѣніе Рязанской іерархіи и всѣхъ церковныхъ дѣлъ сея епархіи отъ учрежденія ея до нынѣшнихъ временъ (Москва 1820), стр. (85—) 124—129. † Архіеп. *Филаретъ* (Гумилевскій), Рязанскіе архіереи въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1859 г., ч. I, стр. 373—381. *А. Диттель*, Святыни, древности и достопримѣчательности города Рязани въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1859 г., кн. Ш, отд. I, стр. 117—118 и по оттиску Москва 1866, стр. 13—14. † Архіеп. *Димитрій* (Самбикинъ), Мѣсяцесловъ, вып. Ш (Тамбовъ 1880), стр. 178—180. Рязанскія достопамятности, собранныя архимандритомъ *Іеронимомъ*, стр. (61 сл. 73.) 74—75. *Н. И. Шишкинъ*, Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ, изд. 2, Рязань 1891, стр. 105—109. (197.) *Н. Д.*, Іерархія всероссійской церкви I (Москва 1892), стр. 71. Проф. *В. С. Иконниковъ*, Опытъ русской исторіографіи, т. II, кн. 1 (Кіевъ 1908), стр. 1042. *С. Н. Введенскій*, Миссіонерская дѣятельность Рязанскаго архіепископа Мисаила среди инородцевъ Тамбовскаго края въ 1653—1656 г.г. въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1910 г., № 7—8, стр. 527—551.

[15]) См. „Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1884 г., № 13, стр. 221—222 (и у прот. *Н. Т. Каменскаго* [† архіеп. *Никанора*] отдѣльно, стр. 121—122).

церквахъ [16]), развивалъ и поощрялъ храмоздательство [17]), всячески обезпечивалъ его и въ настоящемъ и въ будущемъ [18]), хотя особенно выдвигалъ, что здѣсь по преимуществу должны преслѣдоваться моральные интересы духовнаго прогресса, а равно благотворительныя и вспомогательныя—въ духѣ благочестія—идеи, но не собственно вещественныя постройки, пріобрѣтенія и пожертвованія [19]). Въ тоже время Смарагдъ не забывалъ о поддержаніи издавна [20]) и при немъ [21]) ветшавшаго историческаго зданія архіерейскаго дома [22]), какъ быв-

[16]) Ср. „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ VI (1879 г.), № 26, стр. 5*б*.

[17]) Такъ, Смарагдъ исходатайствовалъ орденъ Анны 3-й степени старостѣ села Никуличъ Рязанскаго уѣзда Ивану Павловичу Кубицкому за то, что—вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго храма—онъ выстроилъ для бѣдныхъ крестьянъ новую каменную церковь: см. въ Архивѣ Св. Синода дѣло № 1.606.

[18]) Поэтому Смарагдъ не сразу соглашался на необезпеченныя постройки (см. у прот. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви села Городковичъ Спасскаго уѣзда Рязанской епархіи, Рязань 1898, стр. 132 слл., 363) и не одобрялъ слишкомъ грандіозныхъ храмоздательскихъ „затѣй“—съ напрасною тратой средствъ и при недостаткѣ ихъ для будущихъ ремонтовъ (см. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, т. 243, кн. IV за 1912, стр. 33—34 въ смѣси).

[19]) См. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 4—5 (смѣсь).

[20]) См. у *І. Благовѣщенскаго*, Архіепископъ Евгеній Казанцевъ: біографическій очеркъ (Москва 1875), стр. 29—30 въ письмѣ отъ 21 октября 1831 г.

[21]) См. письмо *Смарагда* отъ 1859 г. П. В. Шеншиной въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 1, стр. 127.

[22]) Архіеп. *Никаноръ*, Біографическіе матерьялы I, стр. 249. Самъ *Смарагдъ* писалъ о семъ 4 января 186*3* (? вѣроятно, 186*1*-го) года графу Д. Н. Толстому слѣдующее (см. „Русскій Архивъ“ 1899 г., кн. VI, стр. 218): „Много и премного радуюсь, что ваше сіятельство участвуете въ комитетѣ объ улучшеніи быта духовенства. Но прежде всего, по моему мнѣнію, нужнобъ подумать о содержаніи архіереевъ, которые (кромѣ Кіевск., Моск., Воронежск. и еще немногихъ) получаютъ самое бѣдное жалованье, положенное по штату прошедшаго вѣка, при *блаженной памяти императорѣ Павлѣ Петровичѣ*. Наприм., Рязанскій, одинъ изъ старшихъ владыкъ, получаетъ жалованья 900 р. да изъ Радовицкаго монастыря до 400 р. Какъ тутъ жить и достоинство свое сколько-нибудь поддерживать?! Домъ же владыки ничѣмъ не поддерживается болѣе уже полстолѣтія, и вашему сіятельству не безъизвѣстно, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной казармы столь ветхой, безобразной и для жительства неудобной, какъ этотъ домъ, въ коемъ я потерялъ послѣд-

шаго дворца еще удѣльныхъ князей Рязанскихъ [23]). Употреблялъ онъ большія попеченія о сиротахъ,—и, напр., число таковыхъ въ Рязанскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія съ водвореніемъ этого архипастыря въ Рязани увеличивалось все болѣе и болѣе [24]), благодаря особенному его вниманію къ благоустройству этого заведенія во всѣхъ отношеніяхъ [25]). Дѣлались энергическія предписанія [26]) по упорядоченію Консисторіи со строгимъ внушеніемъ всѣмъ чинамъ объ учтивости, безкорыстіи и о готовности быть полезными для просителей. Прилагались немало усердія касательно обезпеченія духовенства, каковой вопросъ сталъ осложняться съ освобожденіемъ крестьянъ. Для сего учреждались епархіальные комитеты

нее мое здоровье, въ прошедшемъ 1860 году едва не умеръ, собственно отъ ветхостей этого дома. Не подумайте, ваше сіятельство, что у меня есть желаніе просить какихъ-либо прибавокъ. Нѣтъ. Мнѣ уже 67 лѣтъ, и просить прибавокъ я никогда не стану, если нѣтъ на это никакихъ, сообразныхъ съ вѣкомъ, трудами и достоинствами положеній...“ Касательно Рязанскаго архіерейскаго дома см. еще и письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 98 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1253.

[23]) Ср. о немъ и у *А. Диттеля* въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1859 г., кн. III, отд. I, стр. 108—109, а по оттиску на стр. 4—5.

[24]) См. „Прибавленія къ Рязанскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“ за 15-е октября 1877 г., стр. 97.

[25]) См. письмо *Смарагда* отъ 1857 г. П. В. Шеншиной въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 1, стр. 130, а также въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 35 (смѣсь) въ письмѣ Смарагда С. І. Трубицыной изъ Рязани отъ 8 апрѣля 1859 г. о томъ, что лѣтомъ предположено устроить въ пріютѣ (училищѣ) и домовую церковь.

[26]) Въ Архивѣ Рязанской Духовной Консисторіи имѣется предложеніе архіеп. Смарагда отъ 16 августа 1860 г. слѣдующаго содержанія: „1, По доходящимъ до меня неблагопріятнымъ слухамъ объ Архиваріусѣ Консисторіи Кандидовѣ, предлагаю немедленнѣйше замѣнить его другимъ благонадежнымъ лицомъ и представить. 2, Отставленнаго приказнослужителя Терентія Поспѣлова ни подъ какимъ видомъ въ Консисторію для писанія не допускать подъ личною отвѣтственностью Секретаря Консисторіи. 3, Всѣмъ чиновникамъ и приказнослужителямъ обращаться съ просителями и лицами, имѣющими нужду въ Консисторіи, съ достодолжною учтивостію, безкорыстіемъ и готовностію быть имъ полезными подъ опасеніемъ немедленнаго отрѣшенія отъ должности непосредственно данною мнѣ отъ Начальства Архипастырскою властію за противные, нетерпимые болѣе безпорядки; объявить всѣмъ имъ для исполненія подъ росписки ихъ“.

объ улучшеніи быта духовенства изъ архіерея, губернатора и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ [27]). Такъ было и въ Рязани, при чемъ Смарагдъ тоже принималъ участіе [28]), но энергически противился излишнему свѣтскому вмѣшательству, защищалъ и авторитетъ и интересы духовенства [29]), не щадя никакихъ вліятельныхъ лицъ [30]) и одинаково ограждая во всемъ и старшихъ и младшихъ клириковъ [31]). Смарагдъ отучилъ всѣхъ отъ капризныхъ жалобъ на духовенство и возвысилъ послѣднее въ глазахъ прихожанъ, которые стали относиться болѣе уважительно и осторожно [32]). Но тутъ не было

---

[27]) Ср. къ сему и письма м. *Филарета* къ А. Н. Муравьеву (Кіевъ 1869), стр. 509.

[28]) Именно по соотношенію съ дѣлами Комитета написано и приведенное (стр. 315, 22) письмо Смарагда къ гр. Н. Д. Толстому, о чемъ см. у † *Н. П. Барсукова*, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XXI (Спб. 1907), стр. 184—185.

[29]) Въ январѣ 1911 г. *И. Н. Голубовъ*, хорошо знавшій Смарагда по Орлу и Рязани, писалъ намъ изъ послѣдней: „Покойный архипастырь вообще не любилъ свѣтскихъ властей, а когда была объявлена «свобода», послужившая поводомъ къ возвышенію приходскихъ платъ и вторженію въ это дѣло Губернаторовъ, такъ онъ, просто-на-просто, выгонялъ отъ себя губернаторскихъ чиновниковъ". Ср. и архіеп. письма Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 112 и въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г., № 12, стр. 1590.

[30]) Священникъ села Корневаго въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губ. *Павелъ Васильевичъ Чельцовъ* свидѣтельствуетъ, что—вопреки Гавріилу, излишне слушавшему помѣщиковъ и сразу удовлетворявшему ихъ заявленія,—Смарагдъ всегда тщательно провѣрялъ послѣднія и за неосновательность не стѣснялся обличать гласно даже губернаторскую чету, а притязательныхъ кляузницъ умѣлъ выпроваживать вонъ. См. и у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 344—345, что въ августѣ 1862 г. въ Спасскѣ нѣкоторые чиновники пожаловались Смарагду на причты, но Смарагдъ публично обличилъ всю пустоту ихъ претензій, замѣтивъ имъ: „Губернаторъ всѣмъ вамъ приказалъ собирать сплетни на поповъ, чтобы ими обременять архіерея", а когда чиновники ушли, владыка сказалъ окружающимъ: „Ну, что? Хорошо ли я отсчиталъ этихъ господъ? Конечно, все это я дѣлалъ не для себя, а для васъ! Послѣ этого не всякій посмѣетъ соваться съ пустыми своими жалобами". „За такую крѣпкую и отеческую защиту мы,—говоритъ о. Молчановъ,—поблагодарили его и отъ души до земли ему поклонились".

[31]) Діаконъ села Пупокъ Скопинскаго уѣзда *Алексій Ив. Урусовъ* удостовѣряетъ это о дьячкѣ села Ерлина, своемъ отцѣ, у котораго, по переводѣ, помѣщикъ Ивинскій хотѣлъ взять его постройки, но Смарагдъ своимъ вмѣшательствомъ не дозволилъ этого.

[32]) Объ этомъ рѣшительно пишетъ намъ священникъ *П. В. Чельцовъ*, хорошо знавшій Смарагда.

ни малѣйшаго попустительства. Напротивъ, Смарагдъ и въ Рязани былъ строгъ и внушалъ трепетъ, не опуская безъ замѣчаній мелочей даже въ одеждѣ [33]) и отъ всѣхъ духовныхъ непремѣнно требуя себѣ земного поклоненія [34]). Все направлялось исключительно къ устроенію пастырскаго служенія, гдѣ Рязанскій владыка всѣхъ призывалъ и благословлялъ на трудъ [35]), ради котораго не стѣснялся устранять старшихъ съ замѣною болѣе способными изъ младшихъ [36]). У него не было тутъ личнаго пристрастія, и въ интересахъ дѣла онъ принималъ всякое справедливое слово [37]), охотно извиняясь за свои рѣзкости [38]). Смарагдъ не чинилъ придирчивыхъ притѣсненій [39]), не терпѣлъ кляузничества и ссоръ и предпочиталъ мирить всяческими способами [40]), избѣгая формальныхъ судовъ, чтобы не портить навсегда репутацію того или другого духовнаго лица [41]). Самъ любитель и искус-

---

[33]) См. у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 222—223.

[34]) См. у о. *І. Г. Молчанова* ibid., стр. 341.

[35]) См. у о. *І. Г. Молчанова* ibid., стр. 223.

[36]) См. у о. *І. Г. Молчанова* ibid., стр. 222.

[37]) См. у о. *І. Г. Молчанова* ibid., стр. 341—342. При первомъ представленіи этого іерея Смарагдъ замѣтилъ ему, что онъ, вѣроятно, сокрушается о своемъ родственникѣ, ушедшемъ на покой архіепископѣ Рязанскомъ Гавріилѣ (Городковѣ); тотъ согласился, но прибавилъ, что и въ немъ надѣется имѣть своего покровителя и отца. Смарагдъ сразу полюбилъ за смѣлое слово, тогда же предупредивъ его, что и онъ будетъ ему благодѣтелемъ, если Молчановъ самъ будетъ хорошъ и во всемъ исправенъ, а потомъ всегда отличалъ этого достойнаго пастыря.

[38]) См. у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 133.

[39]) См. у о. *І. Г. Молчанова* ibid. на стр. 343, что Смарагдъ за всякія упущенія духовенства не стѣснялся непосредственно дѣлать рѣзкія замѣчанія, но они „не влекли за собою никакихъ непріятныхъ послѣдствій“.

[40]) Свящ. *П. В. Чельцовъ* сообщаетъ, что когда два священника не пришли ко взаимному миру по предложенію Смарагда и черезъ день снова явились съ жалобами, то онъ стукнулъ ихъ головами и отослалъ, чтобы жили мирно, а они и дѣйствительно помирились.

[41]) См. у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 344, что Смарагдъ предпочиталъ наказывать келейно, „формальныхъ бумажныхъ судовъ не любилъ и внесеніе штрафовъ въ формулярные списки терпѣть не могъ; почему за все время его управленія епархіею, клировые списки ни у одного изъ подчиненныхъ ему не были замараны“.

ный свершитель торжественныхъ церковныхъ служеній,—Смарагдъ и другихъ пріучалъ къ церковному благолѣпію [42]). Духовно-учебныя заведенія держались подъ бдительнымъ контролемъ, чтобы функціонировали исправно и успѣшно [43]). Обращалось вниманіе на монастыри по устроенію ихъ—со введеніемъ общежитій и вспомогательныхъ учрежденій [44]). А наряду со всѣмъ этимъ Смарагду приходилось въ Рязани еще завѣдывать временно и Тульскою епархіей [45]).

И въ Рязани Смарагдъ пользовался общимъ уваженіемъ. Правда, даже самою своею «смуглою и выразительною физіономіею восточнаго типа» онъ нагонялъ страхъ, усугублявшійся многими его особенностями, не чуждыми и нѣкоторыхъ эксцентричностей. «Человѣкъ ума быстраго и обширнаго, характера рѣшительнаго и властнаго»,—Смарагдъ, однако, «и строгъ и рѣзокъ былъ иногда до крайности, а иногда былъ и добръ и снисходителенъ тоже до послѣдней степени» [46]), исполнялъ подчиненныхъ «безпредѣльной благодарности за его живое и

---

[42]) По словамъ о. *П. В. Чельцова*, новоопредѣляемыхъ—особенно дьячковъ—задерживали въ Рязани по мѣсяцамъ и болѣе, обучая ихъ при Крестовой церкви чтенію и пѣнію, поворотливости и т. п.

[43]) Діаконъ *А. И. Урусовъ* пишетъ, что Смарагдъ строго и грозно ревизовалъ Скопинское училище (при ректорѣ о. Іоаннѣ Антизатровѣ и инспекторѣ Вас. Павл. Смирновѣ), обращая вниманіе и сомнѣваясь, исправно ли ведутъ уроки преподаватели въ духовномъ санѣ, а про одного изъ нихъ, оставшись недоволенъ отвѣтами его учениковъ, владыка тутъ же сказалъ: „блинчики, поминочки, крестиночки,—когда же ему учить?“...

[44]) О Сушкинской женской Никоновой общинѣ въ Спасскомъ уѣздѣ и о Казанскомъ Явленскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ г. Рязани см. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 33—34, 36—39 (смѣсь). См. еще Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 95—96 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1250—1251.

[45]) См. о семъ Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 111 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 12, стр. 1507 и прим.: послѣ перевода изъ Тулы (22 августа 1860 г.) преосвящ. Алексія (Ржаницына) на Таврическую епархію, Тульской Консисторіи по дѣламъ, касающимся архіерейскаго разсмотрѣнія, постановленіемъ Св. Синода отъ 3—8 сентядря 1860 г. было предписано обращаться къ Преосвященному Рязанскому (см. дѣло Архива Св. Синода 1860 г. № 1.063)—впредь до назначенія новаго Тульскаго епископа, какимъ былъ Никандръ (Покровскій), опредѣленный на это мѣсто 22 октября 1860 г. († 27 іюня 1893 г.).

[46]) См. у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 341, 343.

сердечное участіе» [47]). Смарагда считали «мудрымъ архипастыремъ» [48]), и онъ умѣлъ обращаться просто, откровенно и такъ ласково, что казался мудрымъ и добрымъ отцомъ [49]), у котораго «рубашка на распашку» [50]). И послѣ смерти Смарагда и свѣтскіе люди отзывались о немъ съ почтительностію и сочувствіемъ, защищая его память [51]). Но силы быть уже надломлены, и архіерею при 66-тилѣтнимъ возрастѣ не легко было управлять новою обширною епархіей [52a]), а полнокровіе и тучность [52]) оказывались слишкомъ обременительными въ старости, хотя, обладая отъ природы атлетическимъ организмомъ [53]), упорный владыка съ непреклонностію до конца боролся со своими недугами и слабостями. До Рязани его здоровье было вообще крѣпкимъ [54]) и въ началѣ держалось тамъ удовлетворительно [55]), но въ 1859 г. постигла «жестокая бо-

---

[47]) См. у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 138.

[48]) См. у о. *І. Г. Молчанова* ibid., стр. 137.

[49]) Такъ пишетъ, напр., о. *Пав. Вас. Чельцовъ* по поводу представленія со своимъ тестемъ Смарагду при опредѣленіи во священники.

[50]) См. у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 343.

[51]) † Архіеп. *Никаноръ*, Біографическіе матерьялы I, стр. 244.

[52]) † *Н. С. Лѣсковъ*, Мелочи архіерейской жизни въ Полномъ собраніи его сочиненій по изданію „Нивы“, т. XXXV, Спб. 1903, стр. 77. См. Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 93 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1248.

[53]) † Архіеп. *Никаноръ*, Біографическіе матерьялы I, стр. 251.

[54]) „Воспоминанія“ о. *Іероѳея* на л. 1, 29 обор., 98 обор. См. еще „Христіанское Чтеніе“ 1912 г., № 7—8, стр. 802; 1911 г., № 12, стр. 1516 и отдѣльно въ „Письмахъ архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею“ на стр. 120.

[55]) Въ письмѣ архим. Іероѳею отъ 20 іюня 1858 г. *Смарагдъ* констатируетъ „разстроенное здоровье“ (см. „Христіанское Чтеніе“ 1911 г., № 10, стр. 1247 и отдѣльно на стр. 92), но 31 декабря 1858 г. говоритъ: „здоровье еще мало мнѣ измѣняетъ“ (ibid. 1911 г., № 10, стр. 1251 и отдѣльно на стр. 96); 19 апрѣля 1859 г.: „во всю зиму и болѣнъ не бывалъ“ (ibid. 1911 г., № 10, стр. 1252 и отдѣльно на стр. 97); 26 іюля 1859 г.: „здоровье еще держится“ (ibid. 1911 г., № 11, стр. 99 и отдѣльно на стр. 1358). Письма *Смарагда* П. В. Шеншиной въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 1, стр. 125: „здоровье мое не худо“ (отъ 29 марта 1859 г.); 130: „Здоровье общее и частное хорошо. Такъ (въ добрую пору сказать) хорошо, что подобнаго давно уже не было“... (отъ 26 іюля 1859 г.). Въ письмѣ С. І. Трубицыной отъ 28 октября 1858 г. въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 32 (смѣсь): „Благодареніе Господу Богу! я здоровъ и исполняю мои дѣла безпрепятственно“; ibid., стр. 35 отъ 8 апрѣля 1858 г.: „Я благодареніе

лѣзнь, въ которой Смарагдъ былъ переворачиваемъ на простыняхъ, не владѣлъ руками и ногами и не имѣлъ силы даже подписывать къ Начальству бумагъ» [56]), однако поправился и поспѣшилъ въ объѣздъ по епархіи [57]). Слѣды ревматизма постоянно давали себя знать (въ ногахъ) [58]) и—послѣ нѣкотораго подкрѣпленія [59])—опять обнаружились въ частыхъ недомоганіяхъ [60]); 23 января 1863 г. Смарагдъ уже называлъ себя немощнымъ старцемъ, прибавляя: «нынѣшнюю зиму провожу болѣзненно» [61]), а 4-го іюня сообщалъ о. Іероѳею: «впалъ съ Февраля мѣсяца въ тяжкій ревматическій недугъ по всему тѣлу, и особенно въ рукахъ и ногахъ; отъ чего при всѣхъ медицинскихъ пособіяхъ претерпѣвалъ адскія мученія; не въ состояніи былъ владѣть ногами и дѣйствовать руками; даже простѣйшихъ бумагъ къ Начальству не могъ подписывать» и выздоравливалъ столь слабо, что усталъ даже отъ этого писанія [62]) и затруднялся отвѣтами [62а]), хотя прежде былъ неутомимъ по этой части [63]). Онъ жилъ лишь вѣрою, исповѣдуя и заповѣдуя

Господу! во всю прошедшую зиму былъ здоровъ и способенъ къ отправленію лежащихъ на мнѣ обязанностей. Въ духѣ совершенно, благодатію Божіею, умиротворенъ, и дальнѣйшее мое служеніе Вселенской Церкви вручаю всеблагому Промыслу Того, Кто Единъ есть Глава Ея".

[56]) См. Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 108 и въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г., № 11, стр. 1367.

[57]) Ibid. на стр. 109 и „Христіанское Чтеніе" 1911 г., № 11, стр. 1369 въ письмѣ о. Іероѳею отъ 19 іюня 1860 г.; см. и письмо отъ 8 іюня 1860 г. П. В. Шеншиной ibid. 1911 г., №1, стр. 133.

[58]) „Христіанское Чтеніе" 1911 г., № 12, стр. 1509 и отдѣльно на стр. 113 въ письмѣ о. Іероѳею отъ 26 мая 1861 г.; ср. у о. *І. Г. Молчанова*, Церковная лѣтопись прихода Успенской церкви, стр. 346.

[59]) „Христіанское Чтеніе" 1911 г., № 12, стр. 1512 и отдѣльно на стр. 116 въ письмѣ о. Іероѳею отъ 4 февраля 1862 г.

[60]) „Христіанское Чтеніе" 1911 г., № 12, стр. 1544 и отдѣльно на стр. 117 въ письмѣ о. Іероѳею отъ 15 апрѣля 1863 г.

[61]) „Христіанское Чтеніе" 1911 г., №12, стр. 1516—1517 и отдѣльно на 119 въ письмѣ о. Іероѳею отъ 23 января 1863 г.

[62]) „Христіанское Чтеніе" 1911 г., № 12, стр. 1516—1517 и отдѣльно на стр. 119—120 въ письмѣ о. Іероѳею отъ 4 іюня 1863 г.

[62а]) См. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ", т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 35 (смѣсь) въ письмѣ отъ 3 января 1862 г.

[63]) Смарагдъ самолично велъ огромную переписку и, напр., послалъ до 160 писемъ одному о. Іероѳею (см. его „Воспоминанія" на стр. 2 обор.—3 и въ „Письмахъ архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею" на стр. 3—4 и въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г., № 3, стр. 382—383), а, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, уже къ 10 ноября 1853 г. имѣлъ до 300 пи-

о. Іероѳею такое убѣжденіе: «чти врача противъ потребы его [Сир. XXXVIII, 1], а болѣе прибѣгай къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ, памятуя, что смерти не избѣгнемъ вси» [64]). Наконецъ,—постигнутый отъ ревматизма тяжкою водянкой,—Смарагдъ все-таки не слегъ въ постель, а проводилъ послѣдніе дни жизни въ креслѣ и «умеръ на ногахъ» [65]). Онъ почилъ о Господѣ [66]) послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни (въ понедѣльникъ) 11 ноября 1863 г., въ 5¼ часовъ по полудни, къ общему прискорбію Рязанской епархіи [67])—по истеченіи 32 лѣтъ и одного мѣсяца со днемъ епископскаго святительства, проживъ всего 67 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ съ двумя днями включительно [68]). Перенесенное 15 ноября въ Рождественскій соборъ,—тѣло почившаго владыки было отпѣто въ субботу 16 числа съ благоговѣйною торжественностію [69]) преосвящ. Дмитровскимъ Леонидомъ (Краснопѣвковымъ, † 15 декабря 1876 г. архіепископомъ Ярославскимъ) [70]) и—при огромномъ стеченіи народа (не менѣе ¼

для отвѣта, между тѣмъ для сего онъ не держалъ личныхъ секретарей вплоть до Рязани и лишь по временамъ пользовался услугами о. Іероѳея и потомъ г. Бруевича (см. „Воспоминанія“ о. *Іероѳея* л. 21 обор. 9 обор.; Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 52 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 7—8, стр. 976).

[64]) Въ письмѣ *Смарагда* отъ 19 апрѣля 1859 г. о. Іероѳею отдѣльно на стр. 69 и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 10, стр. 1251.

[65]) † Архіеп. *Никаноръ*, Біографическіе матерьялы I, стр. 252.

[66]) Митроп. *Филаретъ* въ письмѣ А. Н. Муравьеву (стр. 612) отъ 22 ноября 1863 г. говорилъ: „Преосвященный Смарагдъ скончался. Благовременно слово: Блаженни умирающіи о Господѣ“.

[67]) Такъ сообщается въ оффиціальномъ рапортѣ Рязанской Дух. Консисторіи отъ 13 ноября 1863 г. (№ 8.021) Св. Синоду (въ Архивѣ послѣдняго за 1863 г. № 1.763): „къ общему прискорбію Рязанской Епархіи Архипастырь нашъ Преосвященный Смарагдъ, Архіепископъ Рязанскій и Зарайскій, послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни, скончался 11-го числа сего ноября въ 5¼ часовъ пополудни“. См. еще и у м. *Филарета*: Письма къ Антонію IV, стр. 411;—къ Муравьеву (стр. 612) о кончинѣ Смарагда, но о нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ, связаныхъ съ нею, будетъ сказано ниже.

[68]) „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1906 г., № 20, стр. 594—согласно „Воспоминаніямъ“ о. *Іероѳея* (на стр. 3 обор., прим.).

[69]) См. „Рязанскія Губернскія Вѣдомости“ за 23 ноября 1863 г., № 47, стр. 463. Одинъ протоіерей *(В. Я. Некрасовъ)*, бывшій при самомъ отпѣваніи въ числѣ архіерейскихъ пѣвчихъ, пишетъ намъ, что „погребеніе Смарагда совершалъ Леонидъ и своимъ чуднымъ теноровымъ голосомъ произвелъ при богослуженіи прекрасное впечатлѣніе“.

[70]) Намѣстнику Антонію м. *Филаретъ* писалъ (IV, стр. 411): „Преосвященному Смарагду вѣчная память. Отправляю викарія [Леонида]

всѣхъ жителей Рязани)—перенесено для погребенія въ возобновленный и избранный имъ для сего Архангельскій соборъ [71]), согласно завѣщанію [72]), при чемъ туда и въ другія Рязанскія церкви переданы очень многія изъ его дорогихъ вещей [73]). Насколько скорбѣла Рязань о своемъ архипастырѣ, уважаемомъ при жизни [74]),—видно изъ того, что—по случаю кончины Смарагда—были прекращены въ городѣ всѣ общественныя удовольствія на 9 дней траура [75]) и устроены «огромныя

на его погребеніе". См. въ Синодальномъ архивѣ за 1863 г. № 1763, откуда видно, что сама Рязанская Консисторія нижайше относилась къ м. Филарету „съ испрашиваніемъ назначенія Викарнаго Преосвященнаго для погребенія" Смарагда.

[71]) Родственниками почившаго архипастыря въ лѣвой сторонѣ Архангельскаго собора на столбѣ водружена металлическая дощечка съ изображеніемъ святительскихъ регалій и съ надписью: „Здѣсь погребено тѣло Смарагда Крижановскаго, съ 1831 года управлявшаго викаріатствомъ Ревельскимъ, епархіями: Полоцкою, Могилевскою, Харьковскою, Астраханскою, Орловскою и Рязанскою. Скончался 11 ноября 1863 года, 69 лѣтъ". Гробница архіеп. Смарагда доселѣ сохранилась въ благообразномъ видѣ.

[72]) См. письмо *Смарагда* отъ 19 апрѣля 1859 г. о. Іероѳею на стр. 97—98 и въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г., 10, стр. 1252—1253, а равно и выше на стр. 314, 13.

[73]) Въ рапортѣ непосредственнаго Смарагдова преемника, архіепископа Рязанскаго Иринарха, отъ 31 марта 1864 г. значится, что „опредѣленіемъ Консисторіи 31 Декабря 1863 года заключено учинить слѣдующее: изъ церковныхъ вещей—ковчегъ серебряный позлащенный, потиръ, дискосъ, лжицу, звѣздицу, копіе и двѣ тарелочки и серебряное позлащенное кадило передать въ Каѳедральный Соборъ для поминовенія представившагося Преосвященнаго (Смарагда) въ Архангельскомъ Соборѣ (который возобновляется), гдѣ Преосвященный погребенъ, и предписать Каѳедральному Протоіерею (Н. А. Ильдомскому) съ братіею, чтобы на поддонкѣ потира были вырѣзаны слова, показывающія, что оные сосуды переданы въ Каѳедральный Соборъ для поминовенія покойнаго Преосвященнаго, равно передать въ Каѳедральный Соборъ стихарь и орарь для употребленія онаго протодіакономъ при архіерейской службѣ; крестъ, кадило серебряно-позлащенное, ладоницу и воздухи передать въ Крестовую церковь Архіерейскаго дома также для поминовенія представившагося; Митры же (2), Саккосы (2), Омофоры (2), Епитрахили (2), Палицы (2), Пояса (2), Поручи (2), Подризники (2), Сулки (2), подушки (2), Орлецы (2) и Мантію передать въ Архіерейскую ризницу при указѣ Ризничему". См. въ Синодальномъ Архивѣ дѣло за 1864 г. № 765.

[74]) См. Письма архіеп. Смарагда къ архим. Іероѳею на стр. 98, 2 и въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1911 г., № 10, стр. 1253, 2.

[75]) „Рязанскія Губернскія Вѣдомости" за 16 ноября 1863 г., № 46, стр. 453, гдѣ сообщается о смерти и погребеніи Смарагда, о чемъ

поминки» [76]). Послѣднимъ завѣтомъ святителя своимъ духовнымъ чадамъ является трогательная просьба украшающаго могилу его четверостишія, сочиненнаго имъ незадолго и какъ бы въ предвѣдѣніи своей смерти [77]):

Отцы и братія! прошу васъ непрестанно:
О мнѣ Царю—Христу молитесь постоянно,
Да въ царство вѣчное меня Онъ возведетъ
И да вселитъ туда, гдѣ животворный свѣтъ.

Н. Глубоковскій.

см. и „Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1899 г. № 1 (за 1-е января), стр. 36.

[76]) Одинъ изъ С.-Петербургскихъ протоіереевъ *(В. Я. Некрасовъ)*, бывшій въ 1863 г. архіерейскимъ пѣвчимъ, сообщаетъ намъ, что „по почившемъ Смарагдѣ были устроены огромныя поминки,—по крайней мѣрѣ, для третьей части всѣхъ жителей города Рязани“.

[77]) *И. С(ладкопѣвцевъ)* въ „Прибавленіяхъ къ Рязанскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“ 1865 г., № 7, стр. 187, а вообще см. у † *Г. М. Пясецкаго*, Исторія Орловской епархіи, стр. 963—964; „Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1884 г., № 13, стр. 222—223 (и у прот. *Н. Т. Каменскаго* [† архіеп. *Никанора*] отдѣльно на стр. 122—123); „Странникъ“ 1863 г., ноябрь, отд. IV, стр. 27.

Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.).

Когда въ 1909 г. происходилъ извѣстный монашескій съѣздъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, тогда по всей Руси святой прогремѣло имя отца Іерона—одного изъ участниковъ иноческаго синклита. Старый, согбенный лѣтами, удрученный многочисленными житейскими заботами, трудами, невзгодами..., онъ непреклонно отстаивалъ чистые иноческіе интересы, не боясь никого и ничего, не смущаясь, смѣло, твердо..., съ энергіею юношескою, голосомъ мужественнымъ. «На человѣка не зрѣлъ»... Казалось, всталъ изъ гроба одинъ изъ древнихъ представителей великаго иночества первыхъ христіанскихъ вѣковъ, временъ — преподобныхъ—Антонія Великаго, Макарія Египетскаго, Пахомія Великаго и т. под. Вниманіе всей Руси родной приковалось къ старцу. Всѣ почуяли въ немъ что-то близкое-близкое, дорогое, безцѣнное, чуждое лести, лицемѣрія, незнакомое съ искательствомъ... Всѣмъ ясно было, что ново-аѳонскаго старца ничѣмъ не подкупить, съ позиціи не сбить..., что его нельзя устрашить никакими угрозами, что онъ видитъ предъ собой только одного Христа и готовъ исповѣдывать Его и словомъ, и дѣломъ... и только Его..., — что внѣ Христа и Христовыхъ заповѣдей для него ничего не существуетъ... Да, за такимъ великимъ мужемъ,—думалось,—можно смѣло слѣдовать всюду, идти твердо, безъ смущенія. И чѣмъ рѣже такія чудныя лица встрѣчаются въ наше печальное время, въ эпоху нынѣшней расшатанности духовной, современнаго нравственнаго одича-

нія, повсюднаго фарисейства нашихъ дней..., тѣмъ болѣе они дороги, тѣмъ болѣе хочется на нихъ любоваться, ими восторгаться, восхищаться, брать ихъ себѣ въ примѣръ, въ образецъ...

Я лично крайне заинтересовался, — помню, — гигантскою духовною личностью этого участника иноческаго съѣзда,— отцомъ Іерономъ, звавшимъ всѣхъ къ древне-христіанскому монашескому идеалу, нынѣ часто-часто скрытому подъ всевозможными наслоеніями иногда далеко не-иноческаго склада... Очень хотѣлось увидѣть старца, низко-низко ему поклониться, получить отъ него благословеніе и... побесѣдовать съ нимъ. Но—увы!—желаніе такъ и осталось однимъ только желаніемъ. Попасть на Новый Аѳонъ не удалось..., а между тѣмъ доблестный вождь иноковъ Симоно-Кананитской обители, ко всеобщему сожалѣнію, скончался..., мирно опочивъ о Господѣ... Но, если мнѣ не удалось лично познакомиться съ живымъ— о. архимандритомъ, то я рѣшилъ собрать о немъ возможно— полныя свѣдѣнія хотя бы теперь, послѣ его блаженной кончины, чтобъ всесторонне уяснить себѣ его духовный обликъ и извлечь для себя, а можетъ быть—и для другихъ хорошіе— назидательные уроки. Я обратился съ просьбою къ одному изъ иноковъ Ново-Аѳонскаго монастыря, бывшему, по дѣламъ этой обители, въ С.-Петербургѣ, къ о. іеродіакону [1]) Патрикію (обычно живущему на рыбныхъ монастырскихъ промыслахъ въ «Кумбашахъ», Бакинской губерніи, Ленкоранскаго уѣзда, на Каспійскомъ морѣ). Крайне любезный и предупредительный о. Патрикій быстро устроилъ дѣло, и я получилъ изъ Ново-Аѳонскаго монастыря и печатный, и, что особенно для меня цѣнно, рукописный матеріалъ до автобіографическихъ записокъ почившаго о. Іерона включительно. Все, что мнѣ нужно, отнынѣ у меня въ рукахъ,—особенно если присоединить сюда тотъ книжный матеріалъ, какой имѣется въ столицѣ и находится въ какомъ-либо отношеніи къ характеризуемой мною выдающейся личности ново-аѳонскаго дѣятеля нашихъ дней [2])...

---

[1]) Нынѣ о. іеромонаху.

[2]) Впрочемъ, печатный матеріалъ имѣлъ для насъ *почти* исключительно побочное лишь значеніе. Нашъ очеркъ опирается *по возможности* всюду на матеріалъ рукописный (въ существенномъ)... (ср. объ этомъ и ниже)...

Когда я разсматриваю фотографическіе снимки, присланные съ Новаго Аѳона, то невольно поражаюсь красотою и грандіозностью этой обители. Величественный «верхній монастырь»—сплошное великолѣпіе... Не оторвалъ бы отъ него и своихъ глазъ! «Видъ древняго храма св. Ап. Симона Кананита» переноситъ Вашу мысль далеко-далеко назадъ..., ко временамъ Самого Господа, избиравшаго Своихъ Апостоловъ.., которые, затѣмъ, разсѣялись по «вселенной», чтобы уловить ее въ сѣти Христовы, и зашли даже и въ заброшенную, дикую Абхазію... О, сколь священно это мѣсто, скрывающее останки великаго Господня Ученика! «Часовня и древняя башня на вершинѣ Иверской горы»... Башня напоминаетъ о многомъ-многомъ изъ сѣдой старины... А часовня своимъ положеніемъ и своею конструкціею уноситъ Вашу мысль вверхъ — къ Богу. «Видъ съ озера на часовню у пристани» — нѣчто въ высшей степени волшебное и восхитительное! А «кипарисовая аллея къ храму» св. Ап. Симона? А такая же «аллея, ведущая къ обительскому саду», — «кипарисовая» же по бокамъ дороги къ «верхнему монастырю», — «озеро и фонтанъ»,— «видъ острова и домика на озерѣ»,—«водопадъ»,—«монастырская пасѣка», — «пальмы въ лимонномъ саду», — «фонтанъ близъ церкви св. Симона»,—«озеро за водопадомъ»,—«виноградники»..., — множество монастырскихъ зданій,—пристань, «дороги»?.. Все это говоритъ о массѣ труда, энергіи, ума..., вложенныхъ здѣсь человѣкомъ, преодолѣвшимъ невѣроятнѣйшія трудности, поставленныя ему на дорогѣ самою природою... Тамъ, гдѣ такъ еще недавно были—непроходимая глушь, пустыня, старыя развалины..., — нынѣ — чудный райскій садъ съ великолѣпными Божіими храмами, оглашаемый ангелоподобнымъ восхваленіемъ Творца и Бога... Все благоустроено, все благоукрашено... Все предусмотрѣно, разсчитано мудро, осторожно... Потребовалось срѣзать гору, свершить этотъ гигантскій трудъ, — человѣкъ не остановился и передъ такимъ подвигомъ... Смотрите на всѣ эти «виды»... и проникаетесь безконечнымъ удивленіемъ и восхищеніемъ... Но кто же,— спросите, — вложилъ во всѣ эти чудеса свой умъ, свой талантъ, энергію, любовь?.. Кто этотъ волшебникъ, превратившій дикій край въ небесное жилище?.. На эти вопросы, невольно возникающіе при созерцаніи чудныхъ ново-аѳонскихъ видовъ, отвѣчаютъ мнѣ три фотографическихъ карточки, изображающихъ одно и тоже лицо — о. Іерона, архимандрита но-

вой обители — этой жемчужины русской на Кавказѣ. Предъ столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами, сидитъ съ перомъ въ рукахъ старый-старый инокъ, худенькій, изможденный... и о чемъ-то думаетъ, что-то соображаетъ... При видѣ его—этого скромнѣйшаго на видъ старца въ подрясникѣ—трудно и представить себѣ, что вотъ онъ-то и есть искомый нами волшебникъ — воплощеніе ума, энергіи, преданности Христу и Его святой Церкви... А между тѣмъ это — такъ. Онъ сидитъ и, быть можетъ, обдумываетъ какое-либо сооруженіе: какую-либо плотину, мельницу..., тѣмъ болѣе, что сзади его на стѣнѣ висятъ всякія хозяйственныя и т. под. приспособленія, орудія... На другой карточкѣ о. Іеронъ сидитъ, видимо, въ своей моленной, склонивъ голову внизъ и глубоко задумавшись..., видимо погрузившись весь въ молитву... Божіей Матери, цѣлителю Пантелеимону..., изображеннымъ на св. иконахъ. И лишь на третьей онъ — въ «игуменскомъ» своемъ одѣяніи и съ жезломъ въ правой рукѣ... Но и здѣсь, несмотря на внушительныя регаліи на груди о. архимандрита, — его добрые-предобрые глаза сразу же показываютъ, что за человѣкъ предъ Вами...

Въ самомъ дѣлѣ, что же это за человѣкъ?!...

I. До Аѳона.

«Мірское» [1]) имя о. архимандрита Іерона было — Иванъ Васильевичъ Васильевъ [2]). Родился онъ въ 1835 году. Мѣсто

---

[1]) Отсюда дальнѣйшая рѣчь наша ведется по руководству рукописныхъ автобіографическихъ набросковъ о. Іерона.

[2]) Въ *„Душеполезномъ Собесѣдникѣ“* (изд. *„Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря“*; 1912 г., декабрь; выпускъ 12-й; Москва) сказано, что фамилія о. Іерона „въ міру“ была „Носовъ“ (стр. 396; статья: *„Памяти почившаго старца архимандрита Іерона, игумена Ново-Аѳонскаго, Симоно-Кананитскаго монастыря, на Кавказѣ“*), о чемъ ни слова въ автобіографіи его. Статья этого журнала объ о. Іеронѣ разногласитъ съ автобіографіей и въ другихъ отношеніяхъ: а) годомъ рожденія знаменитаго старца въ статьѣ называется не 1835-й, а 1829-й (ibid.); б) говорится, что купецъ, у котораго о. Іеронъ жилъ въ столицѣ до поступленія въ монастырь, будто бы „хотѣлъ выдать за него свою единственную дочь“... (ibid.), о чемъ автобіографія молчитъ; в) она не знаетъ ничего и объ „юродивомъ Иванушкѣ“, который будто бы еще „въ домѣ родителей“ о. Іерона предсказывалъ, что послѣдній „будетъ на Аѳонѣ, на Кавказѣ, гдѣ станетъ церкви строить, мельницы, корпуса“... (ib.); автобіографія говоритъ въ данномъ случаѣ о другомъ „юродивомъ“ (повидимому)—Кузьмѣ, жившемъ у хозяина о. Іерона въ С.-Петербургѣ...

родины — деревня Большое Лоходомово, Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда, Кантіевской волости. Родители — государственные крестьяне — Василій и Епистимія. Послѣдняя была второю женою Василія. Отъ первой остался сынъ Кузьма. Отъ второй родились: пять сыновей—Василій, Иванъ, Михаилъ, Павелъ, Иванъ и дочь Пелагія. Младшимъ въ семьѣ былъ Иванъ 2-й, называвшійся, въ отличіе отъ старшаго, просто малымъ. Малюткѣ исполнилось всего лишь два съ половиной года отъ роду, какъ отецъ его умеръ. На рукахъ вдовы осталось семь человѣкъ дѣтей. Матеріальнаго достатка не было. Въ условіяхъ нужды, иногда принимавшей острый видъ, приходилось малышамъ расти и подготовляться къ жизни... Всѣмъ, кому случалось бывать и живать въ русской деревнѣ, особенности крестьянскаго быта, конечно, хорошо извѣстны.

Главою семьи, по смерти отца, сталъ, разумѣется, старшій сынъ—Кузьма, человѣкъ вспыльчивый, строгій... Шутить не любилъ. Жить съ нимъ было очень и очень тяжело..., но мириться, конечно, волей-неволей приходилось...

Отецъ Іеронъ вспоминаетъ, что уже семилѣтнимъ малышемъ онъ долженъ былъ забыть о дѣтскихъ играхъ и забавахъ, столь свойственныхъ этому возрасту и столь для послѣдняго естественныхъ. Малому Ивану приходилось въ ту пору своей жизни не гулять на улицѣ и не играть вмѣстѣ со своими сверстниками и подобно имъ, а наравнѣ съ прочими взрослыми постоянно быть при какомъ-нибудь дѣлѣ, посильномъ для него, для его дѣтскаго организма. Лѣтомъ съ утра до вечера собиралъ въ лѣсу грибы или сдиралъ съ ракитника кору для продажи на кожевенные заводы или съ березъ кору для дегтярнаго производства. Зимой прялъ куделю для толстаго холста, идущаго на мѣшки и другія, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ, вещи. Словомъ, все время проходило за дѣломъ. О праздности не было и помину. Уже въ тѣ дѣтскіе годы постепенно вырабатывался серьезный взглядъ на жизнь, на жизненныя задачи...

Богомольная мать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ любила ходить въ церковь ближайшаго села Рябцева. Брала съ собой и маленькаго Ваню. А церковь,—нужно замѣтить,—находилась въ разстояніи отъ Лоходомова въ 8 верстахъ. На пути лежалъ перелѣсокъ и находилось нѣсколько рѣчекъ. Домашнія обстоятельства иногда задерживали мать и не дозво-

ляли идти въ Рябцево. Отпускать одного малыша за 8 верстъ было, конечно, нѣсколько рискованно: могъ утонуть, могъ заблудиться въ лѣсу... Но всякій знаетъ, что крестьянскія дѣти съ малыхъ уже лѣтъ ко всему привыкаютъ и всюду могутъ оріентироваться, всюду найдутся—какъ поступить, куда идти... Ваня, посему, сталъ просить свою мать не задерживать его дома въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама не могла идти въ церковъ, и отпускать его одного къ обѣднѣ: онъ-де и дорогу знаетъ, и достаточно остороженъ... Мать дала свое согласіе. И вотъ онъ, вставъ раненько, отправлялся въ путь съ маленькимъ колобкомъ въ пазухѣ. Иногда были попутчики, а иногда шелъ одинъ... и всегда приходилъ въ Рябцево задолго до звона и затѣмъ за церковною оградою ожидалъ начала службы. По окончаніи литургіи, выходилъ изъ церкви и, не останавливаясь, возвращался домой. Дорогою за селомъ, вынувъ изъ-за пазухи колобокъ, съѣдалъ его,—а придя домой, обѣдалъ...

Ванѣ очень хотѣлось учиться грамотѣ... Но уже учился старшій предъ нимъ братъ. А одновременно учить обоихъ было для матери обременительно... Учитель, просвѣщавшій деревню, былъ, конечно, изъ простыхъ лишь грамотѣевъ, каковыхъ въ тѣ времена въ глуши встрѣчалось очень и очень немного и каковыми, посему, дорожили. А школъ въ родѣ нынѣшнихъ тогда не было и въ поминѣ. Нашъ учитель взималъ по пяти рублей на ассигнаціи съ каждаго мальчика въ зиму. За двоихъ, слѣдовательно, пришлось бы платить десять рублей на ассигнаціи, что составляло на серебро цѣлыхъ три рубля. А три рубля для того времени и особенно для бѣдной и многочисленной семьи были деньги большія. Ими моя мать, разумѣется, не располагала... Въ нашемъ селѣ училось семь мальчиковъ, между ними и мой братъ Павелъ. Такъ какъ особаго школьнаго зданія не было, то обученіе происходило въ домахъ учениковъ. Учитель приходилъ въ избу одного изъ своихъ семи школяровъ, куда собирались и прочіе ученики, и здѣсь велъ свое дѣло въ теченіе недѣли. На слѣдующую недѣлю преподаваніе переносилось въ домъ другого ученика и т. д. По истеченіи семи недѣль повторялся прежній порядокъ... Седьмая недѣля обычно приходилась на нашъ домъ, разсказывалъ Ваня. Я, говорилъ онъ, всегда радовался, когда учились у насъ, потому что чему либо могъ научиться и самъ, научиться хотя бы контрабандой, такъ какъ учиться съ другими я не имѣлъ права безъ предварительнаго взноса условленной за обученіе

платы. Какъ уже сказано, Ваня зимой всегда занимался пряжей кудели для толстаго холста. Ежедневно онъ долженъ былъ напрясть опредѣленное количество нитокъ и вечеромъ показывалъ результаты своего дневного труда, такъ сказать, сдавалъ экзаменъ, отдавалъ отчетъ... И вотъ, когда мальчики учились въ нашемъ домѣ,—говорилъ Ваня,—я въ теченіе всей недѣли неотлучно сидѣлъ за своею пряжею позади школяровъ и съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ то, чему они учились. А какъ только учитель за чѣмъ либо, бывало, выйдетъ изъ избы, хотя бы на самое малое время, я, не пропуская секунды, подбѣгалъ къ учившимся и упрашивалъ ихъ показать мнѣ что-либо изъ азбуки. Спрашивалъ ихъ: какая буква—азъ, какая—буки, какая—глаголь, какая—добро и т. д.? Мальчики охотно показывали, торопясь, пока не вернулся учитель,—и какъ только отворялась дверь, я моментально садился за свою работу. Впрочемъ, иногда учитель, случалось, замѣчалъ, что школяры занимались со мною. Тогда онъ строго взыскивалъ съ нихъ за самовольство и за потерю времени. Ученье продолжалось только зимою: съ «Покрова» или даже и съ болѣе поздняго времени и до Пасхи. Что могли ученики узнать за это время, то зналъ и я. Во время праздниковъ и въ воскресные дни охотно показывалъ мнѣ мой братъ, какъ могъ и что зналъ самъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ желанія учиться, учился плохо, а за лѣто забывалъ и то, что успѣлъ узнать зимой, такъ что въ концѣ концовъ мнѣ же приходилось учить его и заставлять его повторять то, что онъ училъ въ истекшую зиму. Не умѣлъ онъ пользоваться представившимся ему счастьемъ—учиться. А я, понемногу кое чему научившись,—насколько могъ, читалъ въ свободное время книги, какія оказывались подъ рукою въ деревнѣ,—но съ тѣмъ вмѣстѣ не оставлялъ и ежедневныхъ обычныхъ работъ, выпадавшихъ на мою долю.

Когда мнѣ шелъ 12-й годъ,—пріѣхалъ изъ Питера мой братъ Василій, умѣвшій не только читать, но и писать. Это меня крайне заинтересовало. Мнѣ очень хотѣлось узнать, какъ пишутъ... Я просилъ своего брата поучить меня письму, но, къ сожалѣнію, въ нашемъ домѣ не имѣлось ни бумаги, ни чернилъ. Впрочемъ, бѣду кое-какъ поправили: чернила сдѣлали изъ сажи, перо нашлось куриное; отыскали у сосѣдей и три листа простой писчей бумаги. Братъ принялся за обученіе. Были исписаны всѣ три листа, на чемъ дѣло и остановилось

по необходимости, но нѣкоторый успѣхъ все же былъ, конечно, достигнутъ.

Семья наша, какъ и сказано уже, была довольно велика. Я былъ еще малъ для тяжелыхъ полевыхъ работъ..., и толку отъ меня оказывалось не много. Посему мать и отдала меня на 12-мъ году одному родственнику съ тѣмъ, чтобъ онъ отвезъ меня въ Питеръ и тамъ или оставилъ бы у себя, или передалъ бы кому-либо другому... Все чему-нибудь да научился бы я, а главное—дома лишній ротъ не требовалъ бы хлѣба. Мать любила меня больше другихъ своихъ сыновей и не скрывала этого. За то ей приходилось часто выслушивать укоры отъ пасынка, бывшаго въ семьѣ, какъ и сказано, за «старшóго». На работу-де насъ мало, попрекалъ онъ, а за столъ садится много. Вотъ, чтобы утолить братній гнѣвъ, меня и послали въ столицу...

Взявшій меня съ собой родственникъ, по пріѣздѣ въ Питеръ, не оставилъ у себя, а отдалъ въ желѣзную лавку въ услуженіе безъ всякаго за то жалованья и, при томъ, на четыре года, лишь бы кормили меня, да одѣвали. Мой небогатый хозяинъ, по истеченіи года, долженъ былъ прекратить свою торговлю и передалъ меня другому хозяину на тѣхъ же условіяхъ. Съ моими личными чувствами, конечно, не справлялись, да и считали излишнимъ дѣлать это. Другой—новый хозяинъ былъ, въ свою очередь, тоже не изъ богатыхъ, но торговое дѣло велъ честно. Во всѣ праздничные и воскресные дни запиралъ свою лавку и со всѣми своими домашними ходилъ къ литургіи неопустительно. Это мнѣ нравилось въ высшей степени.

У своего новаго хозяина [1]) я прожилъ три года. Онъ былъ уже старъ и самъ былъ почти уже неспособенъ къ торговлѣ. Во всемъ полагался на своего приказчика, жившаго у него давно (былъ когда-то взятъ еще мальчикомъ), да и бывшаго землякомъ, слѣдовательно, до нѣкоторой степени близкимъ человѣкомъ. Но вотъ этотъ приказчикъ почему-то сталъ капризничать и даже оскорблялъ своего хозяина, его облагодѣтельствовавшаго. Изумленный хозяинъ сталъ дѣлать ему замѣчанія, а приказчикъ, въ отвѣтъ на послѣднія, началъ требовать раз-

---

[1]) По словамъ *„Петербургскаго Листка“*, это былъ купецъ, торговавшій во „Введенскомъ рынкѣ“ (1912 г., № 225 за 17-е августа; статья: *„Архимандритъ отъ. Іеронъ“—В. П—ва*)...

счета и заявилъ, что жить у него больше не желаетъ. Послѣ неоднократныхъ столкновеній, выведенный изъ терпѣнія хозяинъ, наконецъ, разсчиталъ приказчика и приказалъ мнѣ занять его мѣсто, т. е., быть въ лавкѣ за старшаго. А какимъ я могъ быть старшимъ, когда мнѣ было еще только какихъ-либо 14 лѣтъ (здѣсь въ автографѣ, вѣроятно, ошибка: Ваня на 12-мъ году уѣхалъ въ СПБургъ; здѣсь прожилъ годъ у одного хозяина и три года у другого, послѣ чего ему было предложено мѣсто старшаго приказчика; Ванѣ было лѣтъ 15 по меньшей мѣрѣ,—шелъ 16-й годъ)... Но, сколько я ни отказывался отъ предлагаемаго мнѣ старшинства, все было напрасно: хозяинъ заставилъ меня быть главнымъ его приказчикомъ, между тѣмъ какъ помощниками моими оказались приказчики, много меня старшіе. И такъ, все было довѣрено мнѣ. Самъ хозяинъ въ такой степени полагался на меня, что въ тѣхъ случаяхъ, когда бралъ изъ выручки деньги, говорилъ мнѣ, сколько онъ взялъ...

Въ такомъ положеніи я прожилъ 15 лѣтъ. Сдѣлался за это время, такъ сказать, вполнѣ своимъ у хозяевъ. Люди посторонніе не хотѣли и вѣрить, что я—чужой хозяину человѣкъ, а не сынъ. Въ теченіе этого времени положеніе мое, какъ главнаго приказчика, заставило меня вести книги. И я понемногу научился писать, помимо всякихъ грамматикъ,—какъ Богъ помогъ, просто самоучкой.

Изъ пережитаго мною за то время помню, между прочимъ, слѣдующее. На 14-мъ году своей жизни, незнаю—какъ, я привыкъ непрестанно творить про себя Іисусову молитву,—и это продолжалось цѣлый годъ. Товарищи, замѣчая, что я постоянно что-то шепчу про себя, прозвали меня шептуномъ. Но я не открылъ имъ того, что шепталъ, и съ неизмѣннымъ терпѣніемъ переносилъ всѣ ихъ насмѣшки...

Между тѣмъ торговое дѣло шло хорошо. Съ каждымъ годомъ прибыль умножалась. Естественно, что хозяинъ и хозяйка относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ и съ самыми родственными чувствами, опасаясь, чтобъ я не перешелъ къ какому-либо другому купцу... Они надѣялись на меня вполнѣ, и я, насколько было то возможно, старался заслужить, оправдать... ихъ лестное для меня довѣріе...

Однако, хотя я и торговалъ уже давно, но сердце мое совсѣмъ не лежало къ торговлѣ. Мнѣ хотѣлось какого-то иного образа жизни. Но я никакъ не могъ себѣ уяснить, чего

ищетъ моя душа... Однажды, въ то время, какъ я раздумывалъ и мысленно спрашивалъ себя: чего мнѣ недостаетъ и почему я никакъ не могу полюбить торговаго дѣла, хотя всѣ меня любятъ и уважаютъ, да и торговля идетъ хорошо, — я вспомнилъ случай изъ дѣтской еще моей жизни. Когда мнѣ было еще только семь лѣтъ отъ роду, моя мать ходила въ монастырь преподобнаго Геннадія [1]) на богомолье и, возвратившись домой, разсказывала о томъ, что видѣла тамъ интереснаго. Между прочимъ, она говорила, что видѣла въ монастырѣ пѣвшихъ мальчиковъ... и слышала ихъ пѣніе. Какъ только я услышалъ о мальчикахъ,—помню,—сейчасъ же спросилъ, что это за мальчики, которые допущены въ церковь обительскую пѣть?.. Мать мнѣ просто сказала: да что-жъ тутъ удивительнаго? Еслибъ вотъ и ты захотѣлъ жить въ монастырѣ, то и тебя нарядили-бы въ черный кафтанъ, длинный-длинный, да опоясали-бъ чернымъ ремнемъ. Вотъ и ты сталъ бы такой же, какъ и они—тѣ мальчики. Въ отвѣтъ на слова матери я замѣтилъ, что готовъ поступить въ монастырь. Пошлите меня туда, и я буду жить тамъ. Мать сказала, что теперь Ванѣ еще не время, и на этомъ разговоръ со мной и прекратила и дальше стала продолжать бесѣду съ чужими, окружавшими ее и разспрашивавшими...

Мой хозяинъ, какъ и сказано уже, былъ человѣкъ старый. Дѣтей мужескаго пола у него не было. Посему былъ принятъ имъ и усыновленъ подкинутый кѣмъ-то къ дверямъ дома мальчикъ—еще младенецъ въ пеленахъ. Это случилось во время ихняго деревенскаго праздника, когда и гости, и хозяева были уже нетрезвы. Какъ только увидѣли они, что къ нимъ подкинутъ младенецъ, подняли крикъ и, видимо, сильно перепугали младенца, который такъ и остался на всю жизнь заикою и не съ полнымъ разумомъ. Его имя—Кузьма. Онъ жилъ въ Питерѣ, но какимъ-либо дѣломъ, напр., торговымъ, заниматься не могъ. Мнѣ было поручено надзирать за нимъ, чтобъ онъ не избаловался. Кузьма и очень боялся меня, и уважалъ. Много было положено труда на то, чтобъ дать ему образованіе, но

[1]) Это, вѣроятно, „Любимскій Спасо-Геннадіевъ монастырь“, ярославской губ., любимскаго уѣзда, „основанный въ 1505 г. прп. Геннадіемъ, ученикомъ прп. Корнилія Комельскаго“ (см. *Л. И. Денисова „Православные монастыри Россійской Имперіи“*; Москва, 1908 г., стр. 920—921). „Мощи прп. Геннадія, обрѣтенныя 19 августа 1644 г.“ (а онъ скончался „23 янв. 1565 г.“), „покоятся подъ спудомъ“...

безуспѣшно: съ трудомъ могли только выучить его читать, да и то плохо, а писать не могли научить никакъ. На этомъ его образованіе и остановилось. По своему характеру Кузьма былъ страннымъ и непонятнымъ. Постоянно задумывался. Встанетъ, бывало,—задумается и не видитъ, что около него дѣлается. За столомъ во время обѣда или ужина тоже или задумается, или тихо про себя смѣется. Онъ вообще принималъ очень мало пищи и безъ всякой жадности... Смотря на него, я думалъ, что онъ юродствуетъ, чтобы такимъ путемъ скрыть свой духовный подвигъ. Онъ не читалъ никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ,—и если, бывало, я иногда стану ему читать что либо изъ житій св. угодниковъ Божіихъ, то онъ всегда слушалъ съ такимъ напряженіемъ, что забывалъ все и готовъ былъ внимать читаемому хотя бы цѣлыя сутки,—и внималъ напряженно... Никогда не задремлетъ... Не пропуститъ, бывало, ни одного воскресенья, ни одного праздника: всегда въ такіе дни приходилъ въ церковь къ службѣ. Войдетъ, выберетъ себѣ мѣстечко, гдѣ поменьше народа, станетъ, устремивъ глаза на св. иконы, истово крестится, кладетъ низкіе-низкіе поклоны въ продолженіе всего Богослуженія и не подумаетъ переминаться съ ноги на ногу, чтобъ хоть немного отдохнуть отъ продолжительнаго стоянія,—не сдвинется съ мѣста, весь уйдетъ въ себя, никого не замѣчаетъ изъ стоящихъ около него... По окончаніи службы возвращается домой. Здѣсь ни къ кому не проявлялъ такого расположенія, какъ ко мнѣ, но, съ другой стороны, никого и не боялся такъ сильно, какъ меня же. Не смотря на свою молодость, я серьезно смотрѣлъ на жизнь. И мнѣ очень хотѣлось предохранить Кузьму отъ дурныхъ дѣлъ. Поэтому за всякій неприличный поступокъ я обычно или упрекалъ его, или даже наносилъ ему побои, надѣясь такимъ путемъ не допустить его до повторенія подобныхъ вещей. Всякій разъ, какъ онъ проявлялъ непослушаніе въ отношеніи къ своимъ родителямъ,—а это съ нимъ бывало,—даже и они обычно угрожали ему, что пожалуются мнѣ—Ивану. И этого было достаточно для того, чтобъ Кузьма укротился... Для меня онъ такъ и остался какой-то загадкой. Постникъ строгій, подвижникъ—аскетъ...—онъ представлялся мнѣ, какъ и сказано, юродивымъ, но твердо въ томъ я не былъ увѣренъ. Если я наказывалъ его, онъ обычно ничего не говорилъ въ свое оправданіе, а лишь твердилъ: «вотъ все я», повторяя эти слова много-много разъ и всегда выводя меня этимъ изъ терпѣнія.

Но, что̀ бы я ни дѣлалъ съ нимъ въ такихъ случаяхъ, онъ и сквозь слезы, бывало, все повторяетъ непрерывно одно и тоже: «все—я», «все—я»... А иногда повторяетъ съ прибавленіями: «двери—я», «все—я», «окошко—я», «печка—я», «все, что только есть, все—я» и т. д. И трезвонитъ своимъ языкомъ безъ конца. Если я въ этихъ случаяхъ молчу, на-время задумается и Кузьма, а потомъ опять начинаетъ свой обычный трезвонъ. Надоѣстъ до послѣдней степени. Бывало, начну упрашивать его деликатно, чтобъ пересталъ раздражать меня своимъ трезвономъ. Но все было напрасно. Кузьма какъ заладитъ свое: «все—я», такъ и твердитъ, твердитъ неумолчно. Такую наведетъ тоску, такъ разстроитъ..., что иногда я даже билъ въ такіе моменты... этого не то полоумнаго, не то юродиваго «звонаря»...

Однажды въ воскресный день, когда мнѣ шелъ уже 20-й годъ отъ рожденія, на меня напала невыносимая скука. Мнѣ неудержимо хотѣлось куда-либо уѣхать..., тѣмъ болѣе, что у меня вообще никогда не было расположенія и склонности къ торговлѣ, какою по необходимости пока занимался. Мнѣ постоянно хотѣлось чего-то другого, но чего именно, я никакъ не могъ уяснить себѣ этого. Родные всячески старались склонить меня къ женитьбѣ, но безуспѣшно: мои желанія были иныя... Въ упомянутое воскресенье съ тоскою на сердцѣ я вышелъ за ворота своего жилища, остановился и долго самъ съ собою раздумывалъ глубоко-глубоко о томъ, что̀ мнѣ дѣлать. Вѣдь ужъ пора была избрать окончательно какой-либо опредѣленный родъ жизни, на чемъ-либо твердо остановиться. Стою и думаю... Ко мнѣ подошелъ нашъ сосѣдъ—купеческій сынъ, человѣкъ набожный, образованный и уже семейный. Онъ ударилъ меня по плечу. А когда я оглянулся,—спросилъ, о чемъ я такъ задумался? Николай Григорьевичъ,—говорю ему,—на меня напала такая тоска, что не знаю, какъ и отдѣлаться отъ нея. А откуда она явилась, не знаю... Но ничто мнѣ не мило. Вотъ я нарочно ушелъ отъ другихъ подальше, чтобъ здѣсь наединѣ съ собой подумать, поразсудить о причинѣ моей тоски,—гдѣ она? Мой собесѣдникъ, слушая меня, вздохнулъ, прослезился и сказалъ: о, еслибъ ты зналъ мою скорбь, какъ я тоскую!.. Только я никому, какъ говорится, не подаю и виду. Молчу и нерѣдко сквозь слезы даже веселюсь. Мнѣ дѣваться некуда: связанъ по рукамъ и ногамъ. Много разъ приходила въ голову даже мысль—наложить на себя руки, чтобъ избавиться отъ угнетающей меня скорби. Вѣдь я не

хотѣлъ и жениться, но меня принудила мать. Жена мнѣ не по сердцу; дѣти умножаются; торговое дѣло наше разстраивается, не смотря на то, что я, какъ ты самъ видишь, всегда занимаюсь имъ усердно; капиталъ значительно уменьшается, хотя я никогда и не трачу денегъ по-пусту... Еслибъ я, подобно тебѣ, былъ холостъ, то ушелъ бы на Аѳонскую гору святую. Никому бы и не сказалъ объ этомъ. Такъ говорилъ мнѣ Николай Григорьевичъ. А когда я спросилъ его: да гдѣ же находится Аѳонская гора,—онъ отвѣтилъ: въ Турціи. А кто тамъ живетъ,—продолжалъ я свои вопросы... Да развѣ ты не читалъ книги Святогорца [1]),—отвѣтилъ онъ вопросомъ на вопросъ. Я сказалъ: нѣтъ. Такъ вотъ почитай,—говорилъ мой сосѣдъ,—тогда узнаешь, какъ тамъ живутъ и какъ спасаются. Узнаешь, что эта гора—жребій Божіей Матери, что по всей горѣ живутъ только одни монахи, проводя время въ строгихъ и суровыхъ подвигахъ, и что въ ихъ числѣ—много и русскихъ. Я спросилъ своего собесѣдника: а какъ туда проѣхать? Вѣдь нуженъ заграничный паспортъ, а получить его такъ, чтобъ о томъ не узнали ни мать моя, ни мои родственники, невозможно... Какъ же тутъ быть? Николай Григоровичъ сказалъ на это, что горе не столь велико: можно проѣхать на Аѳонъ и тайно изъ Одессы или другихъ приморскихъ городовъ. Слѣдуетъ узнать, какое отходитъ туда судно,—затѣмъ—уговориться съ капитаномъ, и онъ преисправно провезетъ потихоньку, никто и не узнаетъ. На Аѳонской же горѣ никакихъ «видовъ» не спрашиваютъ. Дѣло въ томъ, слѣдовательно, чтобъ только проѣхать туда благополучно.

Все, что говорилъ мнѣ мой сосѣдъ, я близко принялъ къ сердцу. Сталъ серьезно думать объ Аѳонѣ и о путешествіи туда. Наконецъ, твердо рѣшилъ отправиться въ Одессу и оттуда тайно проѣхать на святую гору.

---

[1]) О немъ см., напр., у *Брокгауза-Ефрона* (въ „*Энциклопедическомъ Словарѣ*“, полут. 57; Спб. 1900 г., стр. 267), гдѣ названы и его труды: „*Письма къ друзьямъ своимъ о св. горѣ Аѳонской*“ (Спб. 1850 г.),—„*Путеводитель по св. горѣ Аѳонской и указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей*“ (Спб. 1854 г.),—„*Аѳонскій Патерикъ*“... (Спб. 1860 г.),—„*Русскій Пантелеймоновъ монастырь на св. Аѳонской горѣ*“ (Спб. 1854 г.), „*Шестнадцать писемъ Св. о св. горѣ Аѳонской*“ и др. Разговоръ, передаваемый нами, происходилъ въ 1854—1855 гг. Посему разумѣется въ данномъ случаѣ одна изъ книгъ Святогорца, вышедшая не позже этой поры...

Я привелъ въ порядокъ всѣ дѣла по лавкѣ, какія на мнѣ лежали,—чтобъ не возникло потомъ, по моемъ удаленіи, какихъ-либо недоразумѣній при подведеніи торговыхъ итоговъ,—взялъ изъ кассы сумму, какая мнѣ причиталась, въ качествѣ жалованья, за мою службу и, никому ничего не сказавъ, покинулъ и свою торговлю, и Петербургъ и направился въ Кіевъ и Одессу.

Добрался до Кіева, помолился святынямъ и затѣмъ достигъ и Одессы. Здѣсь началъ разыскивать отходившее въ Турцію судно, но безуспѣшно. Прошло въ поискахъ двѣ безплодныхъ недѣли. Въ одинъ день по обыкновенію пришелъ на морскую пристань и спрашиваю о судахъ: не отправляется ли какое-нибудь на Аѳонъ или хотя бы въ Константинополь? Неожиданно подошелъ ко мнѣ довольно пожилой человѣкъ, повидимому—монахъ и, какъ бы читая въ моей душѣ, сказалъ: что, братъ,—вижу, что хочешь проѣхать на Аѳонъ, а заграничнаго паспорта, вѣроятно, не имѣешь, да, можетъ быть, не испросилъ на то и родительскаго благословенія?.. Не такъ ли? Такъ вотъ что посовѣтую тебѣ: сначала возьми-ка у родителей своихъ благословеніе, а потомъ и отправляйся съ Богомъ. А иначе,—хотя бы ты и уѣхалъ на Аѳонъ,—будешь тосковать, и не будетъ мира въ твоей душѣ. Сказалъ онъ это и сейчасъ же скрылся. Куда,—такъ я и не могъ узнать, а между тѣмъ очень хотѣлъ его видѣть, чтобъ разспросить и развѣдать что-либо объ Аѳонѣ и тамошней жизни. Но слова монаха произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, и я постепенно пришелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно безъ родительскаго благословенія не будетъ никакого успѣха въ предпринятомъ мною дѣлѣ. Посему я рѣшился—возвратиться обратно въ Петербургъ... Это для меня было очень тяжело: я сгоралъ отъ стыда за то, что сдѣлалъ, и не могъ себѣ представить, какъ явлюсь на глаза своему хозяину послѣ тайнаго отъ него ухода... Но другого исхода для меня, однако, не было... Приходилось возвращаться. Вернулся... И при первомъ свиданіи не было и конца удивленію хозяина по поводу всего со мною случившагося. Выслушавъ меня, онъ очень сожалѣлъ объ одномъ,—о томъ, что подалъ «объявленіе» о моемъ исчезновеніи и паспортъ мой передалъ въ полицію, какъ то и другое и требовалось, конечно... Оставить меня у себя безъ паспорта естественно боялся. А потому и далъ мнѣ совѣтъ—ѣхать домой въ деревню, взять паспортъ и съ нимъ возвращаться

въ столицу на прежнее мѣсто—къ нему въ лавку. Снабдилъ меня необходимыми денежными средствами на дорожные расходы, и мы разстались.

На родинѣ нашелъ всѣхъ въ удрученномъ состояніи. Родные мои сѣтовали и недоумѣвали, не зная, что со мной случилось, куда я пропалъ... Моей матери въ это время не было дома: она ушла на богомолье по монастырямъ, чтобъ успокоить свою душу... Когда я неожиданно явился домой, родственники встрѣтили пропавшаго съ радостными слезами. А мнѣ самому было крайне стыдно и неловко смотрѣть въ глаза имъ и разсказывать о своей тайной отлучкѣ. Но пришлось все претерпѣть,—дѣваться было некуда... Вѣсть о моемъ возвращеніи разнеслась быстро... И моя мать, услышавъ объ этомъ, поспѣшила возвратиться домой. Я подождалъ ее и видѣлъ, когда она подходила къ нашему селенію. Забывъ о своей старости и немощахъ, она съ каждою минутою старалась учащать свои шаги и на ходу часто крестилась, благодаря Всевышняго за мое возвращеніе. Когда она входила въ домъ, я вышелъ къ ней на встрѣчу, палъ къ ея ногамъ и просилъ прощенія за то, что причинилъ ей столько горя и скорби своимъ тайнымъ бѣгствомъ изъ Петербурга въ Одессу,—бѣгствомъ, всюду огласившимся и навлекшимъ безславіе на весь нашъ родъ. Она же отъ избытка радостныхъ чувствъ и отъ душившихъ ее слезъ не могла ничего говорить и только обнимала меня и цѣловала... Успокоившись, наконецъ, она стала высказывать предо мною свою скорбь, вызванную моей отлучкой,—прибавляла при этомъ, что уже не надѣялась когда-либо меня увидѣть, но что теперь неизреченно рада моему возвращенію, столь неожиданному... Я, чтобъ усугубить ея радость, передалъ ей всѣ свои денежныя сбереженія, припрятанныя мною на черный день въ книгахъ, оставленныхъ мною въ родномъ домѣ. Возвратившись домой, я прежде всего отыскалъ мой сундукъ съ книгами, коего, уѣзжая въ Петербургъ, я настойчиво просилъ домашнихъ своихъ не трогать. Книгъ, правда, осталось уже немного, но, тѣмъ не менѣе, уцѣлѣли тѣ изъ нихъ, въ которыхъ спрятаны были мною когда-то деньги, чему я былъ очень радъ. Иначе нечѣмъ было бы порадовать мнѣ своей старой матери. Вѣдь явиться въ деревню съ голыми руками было бы во всякомъ случаѣ не очень то утѣшительно... Шатался, молъ, человѣкъ по бѣлу свѣту безъ дѣла и безъ толку... Деревня смотритъ на все это очень строго...

И такъ, я водворился на родинѣ. Но мое прежнее намѣреніе уѣхать на Аѳонъ не оставляло меня и здѣсь даже и на минуту. Все зависѣло лишь отъ моей матушки: необходимо было получить ея благословеніе, безъ котораго я ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы привести въ исполненіе свое давнишнее и пламенное намѣреніе. Начать съ матерью разговоръ объ этомъ я не рѣшался. А вдругъ разъ на-всегда категорически откажетъ? Какъ тутъ быть? И вотъ я сталъ втайнѣ молиться Богу, просить Его о томъ, чтобъ матушка сама начала со мною разговоръ объ этомъ. Мое желаніе исполнилось. Однажды, затворившись въ отдѣльной комнатѣ, я молился Господу все о томъ же. Вдругъ неожиданно вошла ко мнѣ мать. Я постарался ничѣмъ не обнаружить того, что молился. Повернулся къ ней въ почтительной позѣ и ожидалъ, что она скажетъ. А она посмотрѣла на меня очень-очень внимательно и спросила: Ваня, скажи ты мнѣ откровенно, будешь ли жениться? Мы—родные твои—много разъ приготовляли тебѣ невѣсть, а ты каждый разъ уклонялся подъ тѣми или другими предлогами. Вопросъ былъ предложенъ слишкомъ прямо, и я очень этому обрадовался, надѣясь, что, наконецъ-то, все дѣло вполнѣ выяснится. Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—не имѣю намѣренія жениться. Такъ что же,—спросила меня матушка,—быть можетъ, желаешь уйти въ монастырь и стать монахомъ? Да,—сказалъ я,—желалъ-бы быть инокомъ. Матушка, видимо, ожидала этого отвѣта,—задумалась на нѣсколько минутъ, перекрестилась и потомъ сказала грустно: жаль мнѣ тебя, Ваня! Ты знаешь, что я любила тебя больше всѣхъ моихъ дѣтей, а въ особенности люблю теперь, когда всѣ твои братья поженились и живутъ уже своими семьями, а ты остался единственнымъ моимъ утѣшеніемъ... Тяжело мнѣ, посему, разставаться съ тобою. Но, тѣмъ не менѣе, не возбраню тебѣ на такое святое дѣло... Снова призадумалась она и затѣмъ сквозь слезы сказала: какая буду я счастливая мать, если ты станешь монахомъ! Прочія дѣти мои служатъ Царю земному и живутъ въ міру на-ряду со всѣми «мірскими». А ты будешь служить Богу. Ты знаешь, какой обширный нашъ родъ, но изъ него, однако, никто еще доселѣ не былъ монахомъ,—ты первый хочешь этого... Если ты настаиваешь на своемъ рѣшеніи, то... Богъ съ тобою. Я не возбраняю... Я до безконечности былъ обрадованъ такимъ поворотомъ дѣла и сказалъ: благослови же меня теперь, матушка, своимъ материнскимъ благословеніемъ.

Она взяла св. икону святителя Николая Чудотворца. Я палъ ницъ. Матушка сдѣлала святою иконою надъ моей головой троекратное крестное знаменіе,—вручила мнѣ икону и сказала: Ваня, я благословила тебя на монашество. Если хочешь, то иди въ монастырь хотя-бы сейчасъ или вообще—когда вздумаешь. Я поклонился ей до земли, поцѣловалъ ея руку и попросилъ ея святыхъ молитвъ на приведеніе въ исполненіе задуманнаго мною дѣла. Я не скрылъ отъ матушки, что хочу уѣхать на Аѳонъ и что, посему, мнѣ необходимъ заграничный паспортъ. Я и просилъ ее исходатайствовать послѣдній у Начальства. Матушка готова была оказать мнѣ всякую помощь. Но сначала посовѣтовала мнѣ поговѣть и пріобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ. Дѣло происходило на сырной недѣлѣ...

На первой седмицѣ Великаго поста я и матушка отправились говѣть, а потомъ предполагали съѣздить въ волостное Правленіе за паспортомъ. Но одно предполагали, а другое случилось. Я желалъ исповѣдаться у священника подольше и полнѣе и потому выжидалъ, когда онъ всѣхъ отпуститъ и освободится... и можетъ спокойно заняться мною. Подошелъ къ нему. Священникъ какъ будто зналъ, какой исповѣди я желаю, и исповѣдывалъ меня неторопливо по требнику, а въ концѣ исповѣди соросилъ: не намѣренъ ли я уйти въ монастырь и стать монахомъ? Мнѣ не хотѣлось, чтобъ другіе узнали о моихъ намѣреніяхъ, но скрыть о нихъ предъ духовникомъ я, разумѣется, не могъ и потому сказалъ ему: да,—я намѣренъ поступить именно такъ. Священникъ, однако, не одобрилъ моего намѣренія, но, указывая на мою молодость, совѣтовалъ жениться,—а потомъ,—прибавилъ онъ,—если будетъ Богу угодно, то окажешься и въ монастырѣ, послѣ того какъ поживешь семейно въ міру. Арсеній Великій,—говорилъ батюшка,—поступилъ въ монастырь уже 45-я лѣтъ отъ роду [1]). Сдѣлай такъ же и ты. Теперь ты еще очень молодъ. А доживешь до 45-и лѣтъ, тогда и можешь поступать въ монастырь... Слушая духовника, я совсѣмъ растерялся. Его совѣты совершенно не отвѣчали моимъ намѣреніямъ. Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что нужно послушаться батюшки: вѣдь онъ говорилъ въ храмѣ Божіемъ, облеченный въ эпитрахиль, предъ св. крестомъ и

[1]) Слѣдовало сказать: 40-а (см.. напр., *архіеп. Сергія „Полный Мѣсяцесловъ Востока“*... Т. II: *„Святой Востокъ“*; 2 е изд. Владиміръ. 1901 г., стр. 172) (ср. 1-й т. *„Православной Богословской Энциклопедіи“*, изд. проф. *А. П. Лопухина*; Спб. 1900 г., col. 1052—1054)...

Евангеліемъ Христовымъ. Я сталъ просить у него окончательнаго и рѣшительнаго совѣта, какъ у духовника, чтобъ знать, какъ же мнѣ поступить? Вѣдь я,—говорилъ ему,—завтра намѣренъ ѣхать въ Правленіе за паспортомъ, такъ какъ считалъ это дѣло рѣшеннымъ для себя. Но батюшка твердилъ все одно и тоже, т. е., упорно совѣтовалъ до 45-и-лѣтняго возраста въ монастырь не поступать... Пришлось послѣдовать его совѣту. Я вышелъ отъ него. На душѣ моей чувствовалась какая-то большая радость, но съ примѣсью скорби, сомнѣнія... Все перемѣшалось, и у меня какъ будто бы исчезли и моя воля, и мой разумъ...

На слѣдующій день я пріобщился Св. Христовыхъ Тайнъ. Пріобщилась и моя матушка. Вышли изъ церкви. Мать поздравила меня съ принятіемъ Св. Тайнъ и спросила: ну, что же, Ваня? Быть можетъ, пойдемъ въ Правленіе прямо отсюда? Я чувствовалъ себя крайне неловко. Но разсказалъ о томъ, что совѣтовалъ мнѣ духовникъ, указывавшій мнѣ на мою молодость и рекомендовавшій жениться. Матушка на это сказала: Ваня,—я, конечно, буду очень рада, если ты останешься дома, но отнынѣ на это будетъ уже твоя только воля... Отъ тебя только уже будетъ зависѣть—теперь или когда-либо послѣ уйти въ монастырь и постричься. Отъ меня благословеніе тебѣ уже дано. Разсуждай о себѣ самъ...

Вернулись домой. Я получилъ съ почты два письма изъ Петербурга. Мой хозяинъ просилъ меня немедленно пріѣхать въ столицу: самъ-де онъ заболѣлъ, и дѣла его торговыя, поэтому, разстраивались. Въ этомъ приглашеніи я нашелъ самый благопріятный выходъ изъ моего страннаго положенія въ деревнѣ. Вмѣсто заграничнаго паспорта я взялъ обычный—годовой и заявилъ матушкѣ, что отлагаю свое намѣреніе касательно Аѳона на годъ, — а что будетъ потомъ—черезъ годъ...,—это знаетъ только одинъ Богъ. Онъ все и устроитъ къ лучшему.

Въ столицѣ хозяева встрѣтили меня съ необыкновенною радостью и въ день моего пріѣзда просили взяться, немедля, за управленіе всѣми ихъ торговыми дѣлами. Послѣднія, какъ и прежде, пошли очень успѣшно... Въ теченіе двухъ недѣль я былъ веселъ. А потомъ напала на меня такая ужасная тоска, что я не зналъ, какъ отъ нея и избавиться. А главное: не могъ дать себѣ яснаго отчета въ ея возникновеніи. Дѣла шли, какъ и сказано, прекрасно. Слѣдовало бы, кажется, только радоваться. А между тѣмъ тоска мучила непрерывно

и въ особенности по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда я не былъ занятъ торговлей. Въ эти дни я обычно уходилъ послѣ обѣда въ лѣсъ, иногда на Крестовскій островъ, и тамъ проводилъ въ слезахъ всѣ остальные часы дня до вечера. Наплачусь досыта и къ вечеру возвращаюсь домой. Такъ продолжалось въ теченіе всего лѣта до осени. Послѣ обильныхъ слезъ мнѣ всегда становилось легче...

Въ одинъ изъ подобныхъ дней, ходя по лѣсу, я уже достаточно наплакался и въ своемъ уединеніи сталъ тщательно искать причины моей скорби, объясненія мучившей меня тоски. Тамъ усердно помолился я Богу среди деревьевъ, прося Господа, чтобъ Онъ не попустилъ чему-либо худому случиться со мною и чтобъ указалъ мнѣ путь ко спасенію. Въ эти минуты какъ будто бы кто-то сказалъ мнѣ съ удивленіемъ: да зачѣмъ ты ищешь причины своей скорби? Развѣ ты не взялъ у своей матери благословенія на монашескую жизнь, о которой прежде такъ много и такъ сильно думалъ? А теперь, послѣ того какъ заручился материнскимъ благословеніемъ, ты медлишь идти въ монастырь?! Какъ только услышалъ я этотъ внутренній голосъ, внушавшій мнѣ, вразумлявшій...,—очень обрадовался, истово перекрестился и твердо рѣшилъ съ этой же минуты непремѣнно и энергично хлопотать о заграничномъ паспортѣ, чтобы, получивъ его, сейчасъ же и ѣхать на Аѳонъ. Тоска моя исчезла... На другой же день я написалъ матушкѣ письмо, прося ее выхлопотать мнѣ нужный паспортъ. При этомъ я присоединялъ, что меня приглашаютъ съ собою ѣхать въ Іерусалимъ купцы, которые-де берутъ на себя и всѣ путевые расходы, лишь бы только я отправился съ ними. Я просилъ матушку по возможности ускорить высылку паспорта, боясь, что купцы уѣдутъ безъ меня...

Матушка, получивъ мое письмо, немедленно же принялась за хлопоты... Но окончить дѣло скоро было, конечно, невозможно. Требовалась публикація о неимѣніи препятствій къ моему выѣзду; нужно было выполнить и другія, необходимыя въ подобныхъ случаяхъ, формальности... Въ ожиданіи паспорта я приводилъ всѣ свои торговыя дѣла въ надлежащій порядокъ, желая, чтобъ мой хозяинъ, по моемъ отъѣздѣ, не потерпѣлъ какого-либо ущерба отъ неясности счетовъ, книгъ и пр. Это не укрылось отъ хозяйскаго глаза, и хозяинъ прямо спросилъ меня, зачѣмъ я это дѣлаю... Я далъ уклончивый отвѣтъ. А между тѣмъ получилъ отъ матери письмо, извѣ-

щавшее, что скоро будетъ высланъ заграничный паспортъ. Такимъ образомъ оставалось только одно затрудненіе: какъ сказать хозяину, что покидаю его, послѣ того какъ прожилъ у него всю свою жизнь, начиная съ дѣтства, такъ что многіе, какъ и сказано, не хотѣли и вѣрить тому, что я былъ ему чужой,—не сынъ... Обидѣть добрыхъ людей, у которыхъ я выросъ, не хотѣлось. Какъ тутъ быть? По обычаю я обратился съ молитвой къ Богу... Мнѣ хотѣлось, чтобъ хозяева чѣмъ-либо меня оскорбили: легче было-бъ уходить отъ нихъ...

Вотъ что произошло дальше, по Божьей волѣ.

Былъ праздникъ. Хозяева ушли въ гости. Вечеромъ дома остались только мы двое: я и пріемышъ Кузьма. Я сидѣлъ въ залѣ, а онъ—въ кухнѣ, отдѣленной отъ зала прихожею комнатою. Оба молчали. Я думалъ все объ одномъ: дождусь ли заграничнаго паспорта и уѣду ли на Аѳонъ? Раздумываю, сокрушаюсь сердцемъ... и какъ будто вотъ—вотъ жду извѣщенія. Вдругъ Кузьма вскочилъ со своего стула, заскакалъ, измѣнился въ лицѣ, замахалъ руками, прибѣжалъ въ переднюю и закричалъ: я поѣду заграницу, буду на Кавказѣ, я буду..., все—я! При его словахъ: «поѣду заграницу» я подумалъ, что Кузьма отвѣчаетъ на задуманный мною вопросъ. Желая узнать отъ него что-либо болѣе ясное и опредѣленное, я подошелъ и, какъ будто шутя, сталъ его спрашивать: ужели, Кузьма, ты вздумалъ ѣхать заграницу? Кузьма же съ обычнымъ ему своеобразнымъ смѣхомъ отвѣчалъ: да, я поѣду заграницу, на Кавказъ и проч. Когда я улышалъ слово «Кавказъ», то подумалъ: нѣтъ, это относится не ко мнѣ,—вѣдь я о Кавказѣ и не помышлялъ. Потомъ, послѣ непродолжительнаго размышленія, я спросилъ его: а когда же поѣдешь? Кузьма сейчасъ же сказалъ: въ февралѣ мѣсяцѣ. Тогда я предложилъ ему новый вопросъ: а заграничный паспортъ у тебя есть? Я думалъ, что онъ скажетъ о моемъ паспортѣ, котораго съ нетерпѣніемъ я ждалъ изъ деревни. Однако, Кузьма оставилъ мой вопросъ безъ всякаго отвѣта... Пришелъ въ свое обычное настроеніе и сталъ отнѣкиваться незнаніемъ, говоря: нѣтъ, Иванъ, я—дуракъ и ничего не знаю,—не помню, что говорю... Тѣмъ все и окончилось. Послѣ я думалъ, что о моемъ намѣреніи ѣхать заграницу, на Аѳонъ,—извѣстномъ только мнѣ одному,—быть можетъ, Богъ открылъ Кузьмѣ... Страннымъ и непонятнымъ мнѣ казалось только одно: зачѣмъ онъ говорилъ тутъ еще о Кавказѣ? Вѣдь на Кавказъ я не собирался...

Тѣмъ не менѣе Кузьма оказался пророкомъ. Мнѣ пришлось уѣхать на Аѳонъ дѣйствительно въ февралѣ. Не говорю уже о томъ, что не миновалъ я впослѣдствіи и Кавказа, относительно котораго теперь недоумѣвалъ.

Въ Александро-Невской Лаврѣ въ то время жили для «сбора»... аѳонскіе иноки—іеромонахъ Макарій и схимонахъ Селевкій. Чрезъ одного молодого человѣка я познакомился съ ними и открылъ имъ о своемъ желаніи уѣхать на Аѳонъ... и стать инокомъ. Обое совѣтовали мнѣ осуществить мое желаніе безотлагательно, пока я не женатъ и свободенъ отъ мірскихъ узъ. Между тѣмъ матушка выслала мнѣ заграничный паспортъ. Прямо съ почты я отнесъ его въ Лавру къ аѳонскому о. іеромонаху Макарію и отдалъ ему на храненіе, боясь оставить у себя изъ опасенія потерять и остерегаясь, какъ бы снова не явилось какой-либо для меня помѣхи къ отъѣзду на Аѳонъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, хозяева мои были у кого-то въ гостяхъ. Вернулись домой не совсѣмъ трезвые, стали капризничать и даже оскорблять меня, чего раньше никогда еще не случалось... Я очень обрадовался этому случаю, дававшему мнѣ благовидный поводъ отказаться отъ службы у хозяевъ, и немедленно же отправился въ Лавру къ аѳонскимъ монахамъ.

Іеромонахъ Макарій снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ аѳонскимъ старцамъ, далъ необходимыя наставленія и указанія... И въ февралѣ 1862 года я отправился въ путь.

Сначала направился въ Кіевъ. Тамъ говѣлъ... Исповѣдывался у духовника Выдубицкаго монастыря—о. іеросхимонаха Іоны. Въ ту пору онъ еще только собирался строить свой скитъ. Отецъ Іона почему-то былъ предубѣжденъ противъ староаѳонскихъ старцевъ—о. о. Макарія и Іеронима и совѣтовалъ мнѣ лучше ѣхать въ Бѣлобережскій монастырь (орловской губ., брянскаго уѣзда). Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, и мнѣ на Аѳонѣ самому лично пришлось видѣть и читать письмо его къ этимъ двумъ старцамъ, о которыхъ онъ отзывался уже съ любовію о Христѣ и къ которымъ онъ относился уже съ глубокимъ почтеніемъ. Въ Кіевѣ же своимъ отзывомъ о старцахъ о. Іона ввелъ меня въ большое сомнѣніе... И я рѣшился продолжать свое путешествіе на Аѳонъ только благодаря тому, что случившійся въ то

время въ Кіевѣ одинъ купеческій сынъ, бывшій иноkъ аѳонскаго Пантелеимонова монастыря, по имени Павелъ—очень сильно хвалилъ этотъ монастырь, какъ самый лучшій для спасенія души.

Изъ Кіева я прибылъ въ Одессу, гдѣ и прописалъ свой заграничный паспортъ. Море въ это время замерзло. Посему пришлось жить въ Одессѣ недѣлю, пока не получилась возможность выѣхать пароходу изъ гавани. На Аоонъ былъ предназначенъ пароходъ «Олегъ». Кое-какъ проломали ледъ въ морѣ на большомъ-таки пространствѣ, и лишь послѣ этого пароходъ выбрался на «свободную» воду, послѣ чего благополучно прибылъ въ Константинополь.

Здѣсь отвели намъ мѣсто въ «русскомъ агентствѣ»—въ сараѣ. Пришлось испытать ужасный холодъ... и вспомнить о теплыхъ помѣщеніяхъ на покинутой родинѣ. Прожили въ сараѣ четыре дня. Потомъ продолжали путь на св. гору.

Половину дороги проплыли благополучно, но въ теченіе второй насъ ужасно трепала морская буря. Качка была очень сильная; не прикрѣпленныя къ палубѣ вещи снесло въ море; пароходъ заливало волнами. Пассажиры чувствовали себя плохо. Я вышелъ на палубу, отыскалъ узкій проходъ между какими-то частями парохода, уперся въ одну сторону прохода спиной, а въ другую руками и въ такомъ положеніи кое-какъ держался..., хотя и съ большимъ трудомъ. Капитанъ, помню, смотрѣлъ на меня съ любопытствомъ...

Но, тѣмъ не менѣе, доплыли до св. горы... Вотъ и монастырь св. Пантелеимона. Съ берега были высланы къ пароходу двѣ лодки съ монахами. Но съ одной изъ нихъ случилось несчастіе: почти у самого парохода нашего ее перевернуло волной. Изъ двухъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ, монаховъ одинъ успѣлъ ухватиться руками за пароходный канатъ, и его подняли на пароходъ, а другой остался въ морѣ. Это былъ о. Гавріилъ. Лодку унесло. Другая лодка успѣла удержаться за пароходный канатъ и уцѣлѣла. Но, при подобныхъ условіяхъ, нечего было и думать о перевозкѣ пассажировъ на берегъ. Поэтому уцѣлѣвшую лодку привязали къ пароходу, а иноковъ вмѣстѣ съ пассажирами повезли въ Салоники. Оттуда они и могли вернуться въ свою обитель... Монахъ Гавріилъ, однако, не утонулъ, къ удивленію... По истеченіи нѣкотораго времени, мы увидѣли его на поверхности воды, но оказать ему помощь съ парохода не успѣли; затѣмъ онъ снова пока-

зался, и мы снова безуспѣшно пытались ему помочь, послѣ чего онъ, казалось, ушелъ на глубину, ко дну,—а глубина здѣсь доходила до 70 саженъ. Всѣ крайне сожалѣли о гибели монаха, котораго не могли спасти. Подбоцманъ спустился на канатѣ къ самой водѣ и повисъ надъ нею въ ожиданіи появленія о. Гавріила на поверхности. Ждали и другіе, готовые каждую минуту подать помощь. Спустя нѣкоторое время, монахъ дѣйствительно показался; ловкій и мужественный подбоцманъ успѣлъ схватить его за руку и, при помощи другихъ, вытащилъ утопленника на пароходъ. Къ сожалѣнію, о. Гавріилъ казался уже мертвымъ. Но бывшіе на пароходѣ два врача не хотѣли мириться со смертью инока,—постарались согрѣть его, выкачать изъ него воду и пр.,—и онъ, къ общей радости, ожилъ. У меня былъ новый «романовскій» полушубокъ. Я съ радостью отдалъ о. Гавріилу. Послѣдній въ немъ согрѣлся и оправился совсѣмъ... Между тѣмъ въ обители узнали, что лодка перевернулась. Ее потомъ выбросило на берегъ,—выбросило и камилавку о. Гавріила. Отсюда и заключили, что онъ утонулъ. Сейчасъ же стали молиться объ упокоеніи его души...

Между тѣмъ мы прибыли въ Салоники. Здѣсь намъ пришлось жить цѣлую недѣлю въ ожиданіи возвращенія парохода, на которомъ (а не другимъ какимъ-либо путемъ) мы хотѣли достигнуть Аѳона. Въ это время случилось мнѣ въ первый разъ увидѣть смертную казнь преступника—убійцы. У него отсѣкли голову. Убійца-преступникъ былъ турокъ. Занимался портняжнымъ ремесломъ и торговалъ одеждой. Онъ убилъ портного же—грека-христіанина за то, что тотъ требовалъ съ него долгъ. Убивъ, закопалъ жертву во дворѣ своего дома. Но все это видѣлъ одинъ еврей. Послѣ убитаго остались—жена и двѣ дочери—невѣсты. Жена очень горевала о пропавшемъ мужѣ. Два дня безплодно разыскивали его. Еврей пришелъ ко вдовѣ и заявилъ, что за вознагражденіе скажетъ, гдѣ ея мужъ... Получивъ деньги, онъ открылъ истину, но просилъ не выдавать его, боясь, что иначе убьютъ и его. Онъ посовѣтовалъ вдовѣ взять чиновника и свидѣтелей, какихъ хочетъ, и отправиться съ ними въ домъ этого турка—портного. Пусть произведутъ у него обыскъ. А я,—говорилъ еврей,—въ это время стану ходить по двору и, гдѣ остановлюсь и постою, тамъ и копайте и найдете убитаго. Такъ и сдѣлали. Нашли убитаго,—посадили убійцу въ тюрьму, а

потомъ судили его и приговорили къ смертной казни. Описываю этотъ случай подробно потому, что, по словамъ грековъ, то былъ первый примѣръ столь суроваго наказанія турками турка за христіанина, съ которыми раньше вообще не церемонились нисколько. Греки теперь возликовали по поводу проявленія турками справедливости, столь неожиданной и диковинной. Осужденнаго привели на мѣсто казни изъ тюрьмы мимо базара... На небольшую площадь. Руки убійцы были связаны за спиной веревкой, за конецъ которой держался солдатъ-турокъ. За ними шли—чиновникъ, долженствовавшій прочитать приговоръ, и нѣсколько солдатъ. Ноги преступника были свободны. На площади поставили убійцу и передъ нимъ жену убитаго и обѣихъ ея дочерей на разстояніи отъ преступника около двухъ саженъ. Чиновникъ развернулъ большой и крупно исписанный листъ и сталъ громко читать, что турокъ за совершонное имъ убійство осужденъ на смертную казнь,—но что вдовѣ предоставлено право взять съ убійцы извѣстную сумму денегъ, если только она захочетъ, послѣ чего преступникъ былъ бы освобожденъ отъ смерти. Было предложено вдовѣ назвать, если желаетъ она, ту сумму, какую хотѣла бы получить съ убійцы. Но вдова не захотѣла идти ни на какія сдѣлки и требовала смертной казни преступника. Предложеніе было повторено до трехъ разъ, но съ одинаковымъ результатомъ. Тогда, наконецъ, судья далъ знакъ, по которому приговоръ слѣдовало привести въ исполненіе. Подошелъ мулла, что-то поговорилъ осужденному, далъ ему что-то выпить и отошелъ. Потомъ подошли два солдата: одинъ долженъ былъ совершить казнь, а другой обнажить шею убійцы. Преступникъ былъ человѣкъ высокаго роста и здоровый дѣтина. Увидѣвъ поднятый надъ нимъ мечъ, онъ бросился бѣжать по направленію къ женщинамъ; а женщины въ испугѣ побѣжали, въ свою очередь, отъ него. Произошелъ переполохъ. Солдатъ не могъ удержать убійцу. Тогда чиновникъ выхватилъ пистолетъ и уже хотѣлъ стрѣлять. Но, къ счастью, тутъ же были еще другихъ четыре солдата. Изъ нихъ одинъ, такой же рослый и сильный, быстро подбѣжалъ и ударилъ убійцу сзади подъ колѣнками столь сильно, что послѣдній упалъ на колѣна... И въ тотъ же мигъ другой солдатъ дважды ударилъ преступника мечемъ по шеѣ. Однако, не могъ отрубить головы прочь; она повисла, а казненный упалъ... Зрѣлище было отвратительнѣйшее. Трупъ лежалъ на мѣстѣ казни въ томъ же

положеніи, въ какомъ преступникъ упалъ, въ теченіе трехъ часовъ... Этотъ случай крѣпко—крѣпко засѣлъ въ моей памяти... И не могу о немъ не вспомнить въ настоящій разъ...

Послѣ недѣли ожиданія увидѣли желанный пароходъ, прибывшій въ Салоникскую гавань,—сѣли на него и благополучно прибыли на св. Аѳонъ *).

Профессоръ **А. Бронзовъ.**

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Очерки по исторіи славянскаго перевода Библіи.

Черты бытовой исторіи славянской Библіи съ конца XV до XVIII вѣка.

(Къ 200-лѣтію со времени изданія перваго царскаго указа объ усовершеніи славянскаго текста Библіи) [1]).

IV.

Какими славянскими текстами, кромѣ Геннадіевской Библіи, располагали острожскіе исправители, насколько намъ извѣстно, никѣмъ указано не было, а, между тѣмъ, это уясненіе имѣетъ значеніе и для исторіи славянскаго текста и для психологіи исправителей, для характеристики той атмосферы, какая царила вокругъ князя Острожскаго. Предисловіе говоритъ о поискахъ списковъ для изданія въ заграничныхъ странахъ, въ монастыряхъ греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ и чешскихъ. Что это за тексты, привлеченные въ острожское изданіе въ дополненіе къ основному геннадіевскому тексту Библіи? Каковы вообще источники Острожскаго изданія?

Въ книгѣ Бытія, благодаря изданію проф. А. В. Михайлова [2]), возможно легко прослѣдить отклоненіе острожскаго текста отъ геннадіевскаго въ сторону южно-славянскихъ списковъ.

---

[1]) См. „Хр. Чт." февраль 1912 г.

[2]) Проф. А. В. Михайловъ, Книга Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ, въ 4-хъ выпускахъ, Варшава 1900—1904. Списки, содержащіе южно-славянскій текстъ въ этомъ изданіи, отмѣчены слѣдующими условными обозначеніями: Г., М., Сав., Рз, т. е. Г—списокъ собранія Григоровича, въ Румянцевскомъ Музеѣ, № 1684 XVI в., М—рукопись Михановича, въ библіотекѣ Югославянской Академіи Наукъ (въ Загребѣ), XV в., Сав.—рукопись Румянцевскаго Музея, № 1431,

Вотъ примѣры изъ 11, 18, 35, 37 и 38 главъ книги Бытія:

11₃ илова и лаина Ген.=плинѳы Остр. Л. Г. М. Рз. Сав.

11₄,₈ соупъ Ген.=столпъ Остр. Л. Г. М. Р₃ Сав.

11₆ творити Ген.=творити и не престанѹтъ дондеже скончаютъ Остр., др. сп. тоже, съ небольшимъ измѣненіемъ: и нынѣ не прѣстанутъ отъ сего, елико изволиш҃ творити Рз. М. Г. Сав., и нын҃ не оскудѣютъ отъ нихъ вс҃ елико изволѧтъ створити Л., и нынѣ не уимѣтс҃ имъ все еже изволѧть творити Ар.

18₆ и потщавс҃ авраамъ Ген.=и потъщавс҃ авраамъ въ храмину Остр., и потщас҃ авраамъ въ кущю Л. Г. М. Сав. (Рз. Ар.).

35₁₉ Ефрантъ, домъ хлѣбныи Ген.=Виѳлеемъ Остр., М. Г. Кр. Сав., въ Виѳлеемъ Р₃, въ Виѳлеомѣ—Л. Ар. (А. Кз. Р₁).

35₂₁ израиль Ген.=иаковъ Остр., Г. Кр. Сав.

35₂₂ к҃і. сынъ лїинъ Ген.=к҃і сынове лїини Остр., Л. Ар. Г. Кр. М. Рз. Сав.

35₂₃ сынове Ген.=сынове же Остр, Л. Ар. Г. М. Р.з Сав.

35₂₆ сынове їаковли сїи Ген.=сынове їаковли еже=Остр., М. Г. Сав.,—їже Кр. Рз. Л. Ар.

37₂ овца отца своего Ген.=овца отца своего съ братьею своею Остр., съ Остр. согласенъ одинъ списокъ Л.

изъ собранія Севастьянова, сербскаго письма, начала XV вѣка, Рз—списокъ Румянцевскаго музея № 29, 1537 года, болгаро-валашскаго письма. Въ ближайшемъ родствѣ съ этими списками стоятъ еще двѣ юго-славянскихъ рукописи, по обозначенію изданія Михайлова, Аѳ. и Кр., т. е. Аѳ.—списокъ библіотеки монастыря св. Павла, на Аѳонѣ (р-си этого монастыря сгорѣли), и Кр.—рукопись Крушедольскаго монастыря (на Фрушкой горѣ, близъ г. Карловца. Вся эта группа списковъ южно-славянскаго происхожденія. Къ этой же группѣ списковъ, по особенностямъ чтеній, въ значительной мѣрѣ относится русскій списокъ Л—Пятокнижіе Троице-Сергіевой Лавры XIV в., № 1, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ Ар—списокъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 902/1468 XV в., но эти списки представляютъ особое русское теченіе текста. Острожская Библія, знакомая съ тѣмъ и другимъ теченіемъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ склоняется на сторону заимствованій изъ группы Г., М., Сав., Рз.

37₂ хулу Ген. = злу хулу Остр., Л. Ар. Г. Кр. М. Рз. Сав.

37₇ мнѧхомсѧ Ген. = мнѣхомсѧ Остр., М. Г. Кр. Сав., мнѣхсѧ Л. Ар. (P_2. С).

37₁₃ утрѣ — — идошѧ Ген. = еда ли — — не насутъ Остр., Г. Кр. М. Рз. Сав. Л. Ар.

37₃₃ снѣлъ Ген. = изѣлъ Остр., съ Остр. согласенъ одинъ списокъ Л.

38₁ Аиръ Ген. = Ирасъ Остр., Л. Ар. Г. М. Кр. Рз. Сав.

38₁₇ сп же рече Ген. = сїа же рече: что ми даси еже вънидеши къ мнѣ; онъ же отвѣща Остр., Л. Ар. Г. Кр. М. Рз. Сав., при этомъ всѣ списки, кромѣ Рз, читаютъ влѣзеши, вмѣсто внидеши.

38₂₄ ужгуть Ген. = сожгуть Остр., Л. Г. Кр. М. Сав.

38₂₅ пусти Ген. = посла Остр., Л. Кр. Эта же особенность слововыраженія наблюдается въ 37 ₁₃. ₁₄ ₃₂. 38 ₁₇. ₂₀ (здѣсь съ Остр. = Л.), ₂₃. Кромѣ 38 ₂₀, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Остр. остается въ своемъ чтеніи одинокимъ.

38₂₈ прилѣпитисѧ Ген. = прилѣплѧтисѧ Остр., Г. Кр. М. Сав. Рз.

Рядъ этихъ примѣровъ изъ книги Бытія указываетъ, что для издателей Острожской Библіи въ книгѣ Бытія весьма существенное значеніе имѣли южно-славянскіе и русскіе списки особаго типа, не того, который далъ геннадіевскій текстъ книги Бытія. Списки эти слѣдующіе: южно-славянскіе Г. М. Кр. Рз. Сав., русскіе Л. Ар. Если справщики острожскаго текста и пользовались геннадіевскимъ текстомъ, то все-таки въ книгѣ Бытія они весьма часто предпочитали ему текстъ этой негеннадіевской группы текстовъ. Возможно, что своимъ основнымъ текстомъ въ этой книгѣ справщики прямо полагали чтеніе этой особой группы.

Но этими примѣрами намѣчается только общее направленіе, группа списковъ, а отнюдь не самые списки. Подробное разсмотрѣніе Острожскаго текста показываетъ, что списки острожскихъ издателей были чище по своему тексту, чѣмъ дошедшіе до насъ южно-славянскіе и русскіе списки особаго состава: тѣ списки послѣдовательно выдерживаютъ свои типичныс особенности, тогда какъ нынѣ извѣстные списки, внесенные въ изданіе А. В. Михайлова, въ

этихъ особенностяхъ дѣлаютъ отступленія въ сторону типа списковъ геннадіевской Библіи.

Вотъ примѣры большей послѣдовательности острожскихъ списковъ: 37 24 *потокъ* Ген. = *ровъ* Остр., М. Г. Кр. Рз. Сав. То же самое слово встрѣчается въ той же главѣ— 37 28, 29; здѣсь оно передается во всѣхъ спискахъ, включая и сейчасъ указанные, по типу геннадіевскаго чтенія *потокъ*, только Острожская Библія ставитъ послѣдовательно *ровъ*. Другой примѣръ. Въ Быт. 38, 12 всѣ тексты читаютъ *пастухъ его Оделамитъ*. Острожское изданіе: *пастыръ стадъ его Оделамитъ*. Собственное имя не имѣетъ разночтеній. Но то же чтеніе въ той же главѣ, въ 20 стихѣ, во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ воспроизводится иначе: *рукою пастуха своего Адамасита*. Собственное имя подвергнуто существенной переработкѣ. Острожское же изданіе и здѣсь точно воспроизводитъ чтеніе, данное въ 12 ст.: *рукою пастыря своего Оделамита*. Въ томъ и другомъ случаѣ Острожское изданіе сохраняетъ чтеніе *пастыря*, несомнѣнно болѣе древнее, чѣмъ *пастуха*. По этимъ примѣрамъ, текстъ Острожской Библіи опирается на болѣе исправный и древній текстъ, чѣмъ дошедшіе до насъ южно-славянскіе и русскіе списки.

На основаніи указанныхъ наблюденій, цѣлый рядъ особенностей Острожскаго текста мы ставимъ въ связь съ извѣстностью исправителямъ Острожской Библіи лучшихъ, болѣе исправныхъ и болѣе древнихъ южно-славянскихъ и русскихъ текстовъ: 35 1, 3 *требникъ* Ген. = *олтарь* Остр.; 35 14 *масло древѧное* Ген. = *елеи* Остр.; 37 25 *вонѧлиць* Ген. = *истакти* (στακτῆς) Остр.; 38 36 *рабичищь* Ген. = *евнухъ* Остр.

Къ этой же категоріи особенностей я отношу и слѣдующія характерныя слововыраженія: 35 7. 8. 10. 15. 18. *нарече* Ген. = *прозва* Остр., съ этимъ согласны Л и русскіе списки; 35 10 *племени* Ген. = *сѣмени* Остр.; 37 13 *ходи да тѧ пущу* Ген. = *ходи да пошлю тѧ* Остр.; 38 18 *влѣзе* Ген. = *вниде* Остр., съ этимъ совпадаетъ Рз. По всей вѣроятности, тѣмъ же вліяніемъ древнихъ списковъ объясняется 35 16 *обоѧ полъ костела Гадеръ* Ген. = *недалече столпа Гадеръ* Остр. (съ позднимъ *недалече*).

По всѣмъ особенностямъ слововыраженія, въ текстѣ Острожской Библіи мы имѣемъ лучшаго представителя типа списковъ южно-славянскихъ М. Г. Кр. Рз Сав. и русскихъ списковъ состава Л и Ар. Острожскому изданію этотъ типъ

былъ доступенъ еще до переработки его по тексту геннадіевскаго типа. Это ясно видно изъ большей древности словаря этихъ текстовъ сравнительно съ чтеніемъ переработанныхъ списковъ и изъ большей послѣдовательности и выдержанности этого словаря. Въ Острожскомъ текстѣ книги Бытія, по нашему убѣжденію, въ значительной мѣрѣ сохранился давно искомый наукой *меѳодіевскій переводъ* книги, лишь очень слабо намѣтившійся въ изданіи книги Бытія проф. А. В. Михайлова, вслѣдствіе того, что ему оказались доступными только сильно переработанные списки этого меѳодіевскаго перевода.

Едва ли не такого происхожденія добавленія 38 21 *вѣпроша же мужь населныхъ* Ген. = *вѣпроша же мужеи населныхъ и рече имъ* Остр.; 38 23 *да имать то* Ген. = *рече же Іуда: да имать то* Остр.; 38 26 *очистисѧ Ѳамаръ* Ген. = *очистисѧ Ѳамар паче мене* Остр. Къ этой же или, можетъ быть, къ другой категоріи источниковъ—къ самостоятельной свѣркѣ доострожскаго текста съ самостоятельно выбраннымъ греческимъ оригиналомъ—относятся исправленія текстовъ Острожской Библіи, въ родѣ возстановленія пропусковъ: 35 25 *опущ.* Ген. = *Изыде же оттуду Израиль, постави кущи за столпомъ Гадеръ* Остр. Какого рода греческій текстъ былъ подъ руками у острожскихъ исправителей, съ этимъ вопросомъ мы нѣсколько подробнѣе встрѣтимся дальше, въ другихъ библейскихъ книгахъ.

Виднымъ источникомъ исправленій острожскаго текста, какъ открывается изъ разсмотрѣнія тѣхъ же 4-хъ главъ книги Бытія, былъ также текстъ латинской вульгаты. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: Быт. 37 7 *ваши же снопове поклонишасѧ* Ген. = *ваши же снопове окрестъ стояще кланѧшесѧ* Остр. = vestrosque manipulos circumstantes adorare. 37 17 *иде Иосифъ въ домъ братіѧ своеѧ въ Дофаимъ* Ген. = *и иде Іосифъ въ слѣдъ братіѧ своеѧ въ Дофаимъ*—южно-слав. и русск. сп., но Остр. идетъ дальше ихъ: *и иде въ слѣдъ братіа своеѧ и обрѣте ѧ въ Довѳаимъ.* Прибавка Остр. Б. заимствована изъ Вульг.: et invenit eos in Dothain. Въ греческихъ спискахъ соотвѣтствія этимъ особенностямъ Остр. Б. мы не находимъ.

Иногда Вульгата, въ соединеніи съ другими текстами, образуетъ въ Острожской Библіи сложную композицію. Быт. 35 14 *столпъ каменъ* Ген. = *столпъ на мѣстѣ, идьже гла-*

гола съ нимъ, и постави Иаковъ столпъ каменный, и жрѧху на немъ жертвы. Остр. текстъ составной: первая часть состоитъ въ распространеніи славянскаго текста, вторая *и жрѧху на немъ жертвы* соотвѣтствуетъ латинскому libans super eum libamina. Можетъ быть, было здѣсь и иное посредство.

Особое мѣсто занимаютъ исправленія текста кн. Бытія въ Острожской Библіи, вызванныя научными или вѣрнѣе—временными конфессіональными соображеніями. Къ такимъ исправленіямъ принадлежатъ произвольныя измѣненія хронологіи въ 5 и 11 главахъ кн. Бытія. Вотъ эти исправленія въ 11 главѣ: 11 11 *Ген.* Симъ жилъ 500 = *Остр.* 335 лѣтъ; 11 13 Арфаксадъ жилъ *Ген.* 303 = *Остр.* 330 лѣтъ; 11 13 Каинанъ жилъ *Ген.* 403 = *Остр.* 330 лѣтъ; 11 14 Сала жилъ *Ген.* 134 = *Остр.* 130 лѣтъ; 11 15 Сала жилъ *Ген.* 270 = *Остр.* 330 лѣтъ; 11 16 Еверъ жилъ *Ген.* 130 = *Остр.* 134 года; 11 17 Еверъ жилъ *Ген.* 210 = *Остр.* 370 лѣтъ. Были, наконецъ въ Острожской Библіи исправленія стилистическаго свойства, вытекавшія изъ пристрастія исправителей къ извѣстнаго рода слововыраженію и строю рѣчи. Напр., при общемъ стремленіи текста удерживать оставляемыя безъ перевода греческія слова, встрѣчаются, наоборотъ, переведенныя слова, въ народной формѣ, тамъ, гдѣ геннадіевскій типъ удерживаетъ слова въ греческомъ начертаніи: Быт. 37 36 *архимагирови* Ген. = *воеводѣ вои его* Остр. Къ этой области придется отнести рядъ обычныхъ синонимическихъ замѣненій. Впрочемъ, точное уясненіе этой области составляетъ задачу спеціальнаго изслѣдованія Острожскаго текста, какимъ мы въ настоящемъ случаѣ не задаемся.

Наблюденія надъ другими книгами, слѣдующими за Бытіемъ, также свидѣтельствуютъ, что справщики Острожской Библіи руководствовались, на ряду съ Геннадіевской Библіей, иными славянскими текстами. Укажемъ Исходъ 4 3 *что есть* Ген. Л. = *се азъ Господи* Остр., а съ нею Кир. Бѣл. биб. № 3/8 XVI в. и Рум. 27. Здѣсь Острожская Библія стоитъ въ иной средѣ списковъ, чѣмъ въ Бытіи. Но, повидимому, геннадіевскій текстъ въ книгахъ Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконіе не такъ усердно и послѣдовательно замѣнялся другими текстами, какъ въ кн. Бытія.—Пропуски текста, наблюдаемые въ Геннадіевской Библіи, особенно въ концѣ книги Исходъ, здѣсь восполнены.

Книга Іисуса Навина даетъ больше возможности судить

объ острожскомъ текстѣ, такъ какъ о ней мы располагаемъ изслѣдованіемъ г. Лебедева [1]), хотя и не приспособленномъ къ отвѣту на историко-литературные вопросы. По сравненію съ доострожскимъ (т. е. геннадіевскимъ) текстомъ, острожскій текстъ кн. Іисуса Навина представляетъ полное совпаденіе только въ тринадцати стихахъ: весь остальной текстъ въ большей или меньшей мѣрѣ отступаетъ отъ геннадіевскаго чтенія. Вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи идутъ эти отступленія, разрѣшается для насъ въ томъ же смыслѣ, какъ и въ книгѣ Бытія. Острожская Библія нерѣдко въ своихъ отступленіяхъ отъ типа геннадіевскихъ текстовъ сохраняетъ чтенія, свойственныя меѳодіевскому переводу: *пусти* (ἀπέστειλεν) Ген.= *посла* Остр. 2 1. 6 16. 24. 7 2. 22. 8 3. 9. 10 3. 11 1. 14 7. 11. 22 13; *вльзоста* (εἰςῆλθον) Ген. = *внидоша* Остр. 2 1; *излъзоста* Ген. = *изыидоста* Остр. 2 5. 8. 18. 19. 23. 3 8. 15. 4 17. 18. 5 16. 6 4. 5. 21. 22. 8 7. 19. 10 19. 14 9. 11. 15 6—8; *минуста* (διέβησαν) Ген. = *преидоста* Остр. 2 23. 4 10. 13; *ковчегъ* (τὴν κιβωτόν) Ген. = *кіотъ* Остр. 3 3. *ратныхъ* (τῶν ὑπεναντίων) Ген. = *сопостатъ* Остр. 5 13; *имѣніе* (θησαυρός) Ген. = *сокровище* Остр. 6 18; *трѣбьникъ* (θυσιαστήριον) Ген. = *олтарь* Остр. 6 30; *имѣніе* (τὰ σκῦλα) Ген. = *корысти* Остр. 11 14; *пруго* (παγίς) Ген. = *сѣть* Остр. 23, 13: *страна* (ἔθνος) Ген. = *языкъ* Остр. 24 4.

О тѣхъ же признакахъ меѳодіевскаго первоначальнаго текста говорятъ характерныя словоупотребленія и особенности въ переводѣ отдѣльныхъ частицъ и собственныхъ именъ: *сего дѣля* (διὰ τοῦτο) Ген. = *сего ради* Остр. 7 26; *противу* (εἰς συνάντησιν) Ген. = *въ стрѣтеніе* Остр. 8 5; *дубрава* (λίβανος) Ген. = *весь Ливанъ* Остр. 13 5.

По изслѣдованію г. Лебедева мы не имѣемъ возможности видѣть, въ какой мѣрѣ указанныя особенности поддерживаются существующими рукописями и какова была исторія постепеннаго вытѣсненія меѳодіевскаго текста другимъ типомъ, вошедшимъ потомъ въ общій обиходъ при посредствѣ Геннадіевской Библіи. Это остается задачею будущаго изслѣдователя. Равнымъ образомъ мы лишены возможности судить и о точномъ видѣ греческаго оригинала стараго перевода, заимствованнаго острожскимъ изданіемъ, т. е. меѳодіевскаго текста,

[1]) Славянскій переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся рукописямъ и Острожской Библіи, СПБ. 1890.

такъ какъ наблюденія г. Лебедева о соотвѣтствіи этого не геннадіевскаго слоя славянскаго перевода своему оригиналу очень общи и не точны. Заключенія г. Лебедева о греческомъ оригиналѣ геннадіевскаго перевода, по его представленію, древнѣйшаго—сводятся къ тому, что этотъ оригиналъ соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ греческимъ кодексамъ—Александрійскому и Ватиканскому; другой слой перевода въ Острожской Библіи, по его представленію, молодой, современный острожскому изданію, стоитъ въ связи съ греческимъ текстомъ комплютенскаго и альдинскаго изданій и частію съ какимъ-то неизвѣстнымъ текстомъ. Мы не раздѣляемъ взглядовъ г. Лебедева въ ихъ положительной формѣ, но придаемъ цѣну тому, что имъ подмѣчена разновременность и значительное отличіе двухъ основныхъ типовъ славянскаго перевода въ Острожской Библіи и различіе ихъ оригиналовъ. Признаемъ цѣннымъ также и то наблюденіе, что слой, не совпадающій съ геннадіевскимъ текстомъ, по нашему мнѣнію, меѳодіевскій переводъ, онъ ставитъ въ связь съ комплютенскимъ изданіемъ (297 стр.), сдѣланнымъ, какъ извѣстно, по позднимъ лукіановскимъ спискамъ [1]). Острожская Библія въ сравниваемыхъ въ особой таблицѣ текстахъ кн. Іисуса Навина, при нѣкоторомъ сходствѣ съ рукописнымъ доострожскимъ четьимъ текстомъ, постоянно удерживаетъ признаки сходства и съ паримійною редакціею, хотя съ нею вполнѣ не совпадаетъ. По составу текста острожское изданіе въ этой книгѣ представляетъ множество прибавленій, иногда въ размѣрѣ цѣлаго стиха и болѣе. Все это такіе признаки, какіе намъ извѣстны относительно кирилловскаго и меѳодіевскаго текстовъ съ одной стороны и симеоновскаго текста (IX—X в.) съ другой въ книгѣ пророка Даніила и другихъ книгахъ.

Эта сторона острожскаго текста — совпаденіе его съ комплютенскимъ и альдинскимъ изданіемъ греческаго текста—осложняется дальнѣйшимъ наблюденіемъ, по которому къ этимъ греческимъ текстамъ присоединяются другіе, еще неизвѣстные греческіе тексты, а равно также провѣрка славянскаго перевода по еврейскому оригиналу [2]). Все это побуждаетъ видѣть

[1]) Это—цѣнное наблюденіе уясняется сравнительною таблицею текстовъ, приложенною въ концѣ книги г. Лебедева, Іисуса Навина 3 гл. 7—17, 5 10—15 по двумъ паримійнымъ текстамъ, рукописямъ—Троице-Сергіевой Лавры № 2, XIV в., Публ. библіотеки Q. I № 2, XV в., Софійской библ. № 82, XVI в., и острожскому тексту.

[2]) Лебедевъ, указ. соч. 353 стр. Мы провѣрили наблюденія г. Лебедева по существующимъ источникамъ и, дѣйствительно, за рѣдкими

въ острожскомъ изданіи значительное смѣшеніе греческихъ текстовъ, при чемъ слѣдуетъ помнить, что, кромѣ упомянутыхъ текстовъ, въ книгѣ І. Навина, какъ и въ Бытіи, проявился несомнѣнно латинскій переводъ—Вульгата.

Относительно острожскаго текста слѣдующихъ за кн. Іисуса Навина библейскихъ книгъ мы не имѣемъ изслѣдованій, а только нѣсколько общихъ, отрывочныхъ наблюденій [1]), поэтому наши замѣчанія о ихъ составѣ и переработкѣ въ Острожской Библіи по необходимости будутъ носить общій характеръ. Книги Судей, Руѳь, а также и Царствъ въ Острожскомъ изданіи даютъ немного отличій отъ Геннадіевской Библіи: возстановленіе нѣсколькихъ пропусковъ, замѣна выраженій и т. п. Въ кн. Руѳь извѣстно два перевода—меѳодіевскій и симеоновскій. Меѳодіевскій сохранился въ глаголическомъ спискѣ [2]), симеоновскій—въ кирилловскихъ. Острожское изданіе, вслѣдъ за Геннадіевской Библіей, принимаетъ только симеоновскій текстъ. Изъ этого можно видѣть, что или подъ руками у острожскихъ исправителей не было меѳодіевскихъ текстовъ на эти книги, или не всѣ исправители отдѣльныхъ книгъ были одинаково внимательны къ своей работѣ и выискивали наиболѣе цѣнные славянскіе тексты для Острожской Библіи.

Переведенныя въ Геннадіевской Библіи съ Вульгаты книги 1 и 2 Паралипоменонъ, 1 и 2 Ездры и Нееміи острожскіе издатели правили по греческому тексту, въ мѣстахъ же, не представлявшихъ значительныхъ отличій отъ геннадіевскаго перевода, оставляли въ прежнемъ переводѣ съ латинскаго. Мы провѣрили поправки собственныхъ именъ въ первой главѣ I книги Паралиноменонъ, и вотъ получилась какая картина: 1 24 *арфаксадъ сале* Ген. = *арфаксадъ, каинанъ, сала* Остр.,

---

исключеніями (напр. 4 5), при современномъ нашемъ знаніи греческихъ текстовъ не оказалось возможности объяснить отступленія острожскаго изданія иначе, какъ предположеніемъ неизвѣстныхъ еще греческихъ текстовъ и вліянія еврейскаго текста.

[1]) Горскій и Невоструевъ, Описаніе слав. рукописей синод. библ., вып. I, Рождественскій, Книга Есѳирь; Благовѣщенскій, Книга Плачъ, Кіевъ, 1899.

[2]) Изд. Вайсомъ, Glagolitica, Liber Ruth. Veglae 1905; ср. проф. А. В. Михайловъ, Русск. Фил. Вѣстн. 1908, гдѣ кромѣ глаголическаго текста Руѳи, напечатаннаго русскимъ шрифтомъ, изданы и соотвѣтствующіе ему кирилловскіе тексты по рукоп. Ундольск. № 1, XV в., Севастьянова № 1431, XV в. и сп. Григоровича XVI в.

а также греческіе списки по изданію Холмза Парсонза: 19. 93. 108. 121. комплют. изд.; 1 30 *аддад* Ген. = *и ададъ* Остр., καὶ ἀδὰδ 93. 121. комплют., альд. изд.; другіе греческіе списки иначе: χονδὰν, χολδὰδ, καὶ αἰδὰμ, καὶ ἀδὰμ (19. 108), χοδὰδ, χοδδὰ. χοδδὰδ; 1 32 *маданъ* Ген.=*и мадама и мадіама* Остр., а также καὶ μαδὰμ καὶ μαδιὰμ 55. (93. 108). 56. 60. 64. 119. 121. альд. изд.; др. греч. списки иначе; 1 33 *елдаѧ* Ген. = *елдадъ* Остр., а также ἐλδὰδ 93. 108. 121. 158, альд. изд.; др. греч. списки иначе: ἐλδαδὰ, ἐλλάδα, ἐλδαὰ, ἐλδα; 1 36 *ѳаннà амалекъ* Ген.=*ѳамна же подложница елифазова роди ему амадика* Остр., а также Θαμνὰ δὲ ἡ παλλακὴ ἐλιφὰζ ἔτεκεν αὐτῷ τὸν ἀμαδήκ 121. альд. изд., тоже, но ἀμαλήκ XI. 60. 64. 71. 119. 158; 1 38 *дисанъ* = *и дисіонъ* Остр., καὶ δησίων альд. изд.; 1 38 *есеръ дисанъ* Ген. = *и асаръ и рисонъ* Остр., а также (XI). 56. 60. 64. 119. 121. альд. компл. изд. Изъ этихъ примѣровъ видно, что, какъ и въ книгѣ Іисуса Навина, острожскіе справщики руководились въ исправленіи геннадіевскаго текста альдинскимъ и комплютенскимъ изданіями. Нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы не было совпаденій съ какимъ-либо изъ этихъ изданій или съ обоими изданіями вмѣстѣ. Пользованіе греческими рукописями типа приведенныхъ здѣсь списковъ, при такомъ условіи, становится излишнимъ и сомнительнымъ: эти рукописи свидѣтельствуютъ о своемъ близкомъ отношеніи къ этимъ изданіямъ, а не къ острожскому тексту.

Книги Товитъ, Іудиѳь и 3-я книга Ездры въ Острожской Библіи исправлены по латинскому тексту, съ котораго сдѣланъ былъ переводъ этихъ книгъ въ Геннадіевской Библіи. Исправленія состояли въ замѣнѣ оставленныхъ безъ перевода латинскихъ словъ церковно-славянскими и въ послѣдовательномъ очищеніи языка Геннадіевской Библіи. Въ кн. Іудиѳь внесены исправленія изъ изданія Скорины (Владиміровъ, Фр. Скор., стр. 215—218). Вотъ начало 1-ой главы 3-ей книги Ездры:

Геннадіев. Библія.

Книга Ездры пророка вторая, сынове Сареи, сынове Азаре, сынове Ельхіе, сынове Саданіи, сынове Садокъ... отъ колѣна Леви, иже бысть плѣненъ отъ страны медескіе, отъ

Острожск. Библія.

Вторые книги Ездры пророка, сына Зараіева, сына Азаріева, сына Елихіева, сына Саданіева, сына Садокова... отъ колѣна Левіи, иже бысть юзникомъ въ земли Медскои, въ

царства Артаксерса, царя перскаго. И бысть слово Господне къ мнѣ рекущи: иди и возвѣсти людемъ моимъ прелести ихъ и сыновъ ихъ безаконїе, которїи на мя напустишѧ. Да возвѣстять сынове сыновомъ, иже грѣси племени ихъ отъ тѣхъ растошѧ. Забыша бо Мене: пожрошѧ бо бозѣх инѣх.

царство Артаксеркса, царя перьскаго. Бысть слово Господне къ мнѣ сице: иди и возвѣсти людемъ моимъ дѣла ихъ, и лукавствіе ихъ, еже сътвориша, да возвѣстѧтъ ихъ сыновомъ своимъ, яко грѣхи рожшихъ ихъ умножишасѧ. Понеже Мене оставиша, и жрѧху богомъ чюждимъ.

Въ книгѣ Есѳирь, въ Острожской Библіи, произведена значительная переработка, по сравненію съ Геннадіевскимъ текстомъ. Въ Геннадіевской Библіи эта книга представлена частію въ переводѣ съ еврейскаго (1—9 гл.), частію съ латинскаго (10—16 главы); острожскіе исправители перевели ее съ греческаго текста (гл. 1—9), но многое удержали изъ прежняго геннадіевскаго перевода.

Греческіе тексты книги Есѳирь у острожскихъ исправителей были опять того же типа, который представленъ комплютенскимъ и альдинскимъ изданіями, но были на ряду съ ними и другіе тексты. Начало книги, не отмѣчаемое въ изданіяхъ стихами, извѣстно намъ въ древнемъ переводѣ меѳодіевскаго типа [1]). Изъ сопоставленія этого мѣста съ острожскимъ чтеніемъ видно, что мѣсто это, а слѣдовательно, и весь текстъ этого меѳодіевскаго перевода, весьма вѣроятно, были извѣстны Острожскому изданію. Вотъ эти тексты: Меѳодіевскій: *и се гласъ и въпль мльвы, громи и трусъ и мльва на земли. И се два змия, еже приидоше братисе. И бысть гласъ... и уготови се въсакъ языкъ брати се... И бысть отъ источника мала вода многая и рѣка велика. Свѣтъ и слньце въсия и рѣкы* (ποταμοὶ) *възвысише се и пожърѣше славъныихъ.* Острожскій: *и се гласъ ужасныи, и громныи трусъ и смятеніе на земли. И се два зміа велики готови пріидоша между собою борющеся. И бысть гласъ ихъ великъ, и гласомъ ихъ уготовася всякъ языкъ на брань... Бысть знаменіе, аки отъ малаго источника рѣка велія вода многа. И свѣтъ и слънце возсія и смиренніи* (ταπεινοὶ) *возне-*

[1]) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ 1898, VIII, № 5 стр. 343—344.

сошася и поядоша славныхъ. Острожскіе справщики руководились особымъ оригиналомъ, но тамъ, гдѣ этотъ оригиналъ совпадалъ съ старымъ меѳодіевскимъ переводомъ, совпаденіе между древнимъ текстомъ и новымъ, острожскимъ переводомъ въ особенностяхъ слововаженія весьма значительно. Эти особенности слововаженія проходятъ чрезъ всю книгу Есѳирь (*евнухъ, идолъ, алтарь, скипетръ, языкъ, наслѣдіе, сего ради, сѣтвори пиръ вельможамъ своимъ, и годъ бысть, и посла книги*, но при *книги* есть синонимы: *писаніе, посланіе, епистолія, грамота*), за исключеніемъ епистоліи Артаксеркса. Указъ Артаксеркса, помѣщенный въ восьмой главѣ, подъ названіемъ *писаніе епистоліи*, намъ представляется не древнимъ по переводу, не современнымъ остальному тексту и едва ли не заимствованнымъ съ чешскаго текста. Въ общемъ, въ книгѣ Есѳирь, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ признать въ основѣ острожскаго текста тотъ же меѳодіевскій текстъ, какой мы видѣли въ кн. Бытія и кн. Іисуса Навина.

Острожскіе исправители книгъ Іова, Притчъ, Екклисіаста и Премудрости Сираха внесли очень немного измѣненій въ текстъ Геннадіевской Библіи. Почти безъ всякихъ исправленій внесенъ въ острожское изданіе геннадіевскій текстъ Псалтири.

Книга Пѣснь Пѣсней въ острожскомъ изданіи заимствована не изъ геннадіевскаго списка Библіи, гдѣ читается редакція славянскаго перевода, извлеченная изъ перевода толкованія Филона Карпафійскаго. Острожскій текстъ ея представляетъ переводъ съ греческаго, и мы имѣемъ возможность указать его происхожденіе. Въ нашемъ собраніи рукописей есть толкованіе на Пѣснь Пѣсней блаженнаго Ѳеодорита, епископа Кирскаго, въ рукописяхъ очень рѣдкое: намъ извѣстенъ, кромѣ этого, только одинъ списокъ болгарскаго Рыльскаго монастыря, XVI вѣка. Нашъ списокъ поздній—1781 года, происходитъ изъ школы Паисія Величковскаго, на поляхъ обильно снабженъ редакторскими примѣчаніями, по примѣру всѣхъ паисіевскихъ рукописей. Паисіемъ для его обработки взятъ былъ старый переводъ. Намъ старый переводъ, въ рыльскомъ спискѣ, недоступенъ, и мы произвели свѣрку острожскаго текста съ Ѳеодоритовымъ толкованіемъ только по нашему списку 1781 года въ убѣжденіи, что въ существенномъ поздній списокъ всетаки можетъ дать достаточное понятіе о переводѣ этого толкованія, тѣмъ болѣе, что чтенія библейскаго текста закрѣплены въ толкованіяхъ. О заимствованіи въ толкованіе

острожскаго текста не можетъ быть рѣчи: это переводъ старый. И вотъ сопоставленіе геннадіевскаго, острожскаго и ѳеодоритовскаго текстовъ изъ первой главы Пѣсни Пѣсней: 1 ⁸ *Ген.* да не буду яко одѣвающися по стадѣ унецъ твоихъ = *Остр.* да не когда буду яко облагающася по стадехъ друговъ твоихъ = *Ѳеод.* да не когда буду яко облагающаяся над стады (в стадахъ) друговъ твоихъ. 1 ⁷ *Ген.* аще не увѣдѣ тебе добры в женахъ = *Остр.* Аще не увѣде самую тебе добру въ женахъ, изыиди ты въ пятахъ паствъ, и паси козлища твоя у кущеи пастырскихъ = *Ѳеод.* Аще не увѣси самую тебе добрая въ женахъ, изыде ты въ пятахъ (*на полѣ*: въ слѣды) паствъ и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ. 1 ⁸ *Ген.* Кони мои въ колесници фараоновѣ, уподобих тя близъ мене = *Остр.* Кони мои в колесницы фараоновѣ уподобих тя близъ мене = *Ѳеод.* Коню моему въ колесницахъ фараоновыхъ уподобихъ тя, ближняя моя. 1 ¹⁰ *Ген.* Подобіа злата створилъ ти с пестротами сребра и бисера многоцѣнна = *Остр.* Подобіе злата створим ти съ пестротами сребра. 11. Дондеже царь на въсклоненіи его = *Ѳеод.* Подобія злата сотворим ти съ пестротами сребра. 11. Дондеже царь на восклоненіи своемъ. 1, ¹¹—¹² *Ген.* Надра моя дасть воню свою. Истеченіе брата моего истакти = *Остр.* Масть драгая дасть воню свою. Вязаніе стакти сестры моея = *Ѳеод.* Нардъ мои даде воню свою. Вязаніе стакти сестричищъ мои мнѣ. 1 ¹³ *Ген.* Грезнъ зрѣлъ братъ мои мнѣ въ виноградѣ гаддовѣ = *Остр.* Грезнъ отъ Кипра сестра моя мнѣ въ виноградѣ гаддовѣ = *Ѳеод.* Грезнъ кипровъ, сестричищъ мой мнѣ въ виноградѣхъ еггадовыхъ. 1 ¹⁶ *Ген. нѣтъ. Остр.* Преклади дому нашего кедровыя и столя кипарисная = *Ѳеод.* Преклади домовъ нашихъ (*на полѣ*: *слав. библ.*: дому нашего) кедровыя, дски нашы кѵпарісныя.— Здѣсь мы еще разъ убѣждаемся, что у Острожскаго князя были собраны не только общедоступные славянскіе библейскіе переводы того времени, но и тексты весьма рѣдкіе, почти совершенно исчезнувшіе. Покамѣстъ, для насъ выяснилась наличность у его ученыхъ исправителей двухъ, неизвѣстныхъ наукѣ, славянскихъ текстовъ—меѳодіевскаго и въ настоящемъ случаѣ толкованія на Пѣснь Пѣсней блаж. Ѳеодорита.

Книга Премудрости Соломона въ острожскомъ изданіи представляетъ другой текстъ по сравненію съ Геннадіевской Библіей. Геннадіевскій текстъ, переведенный съ вульгаты, только въ отдѣльныхъ случаяхъ повліялъ на трудъ острож-

скихъ исправителей, въ существенномъ же острожскій текстъ воспроизводитъ греческій оригиналъ. Паримійныя мѣста обнаруживаютъ старый славянскій переводъ. Остальной текстъ производитъ смѣшанное впечатлѣніе: есть слѣды древняго происхожденія, есть новая обработка. Стараго, до геннадіевскаго текста этой книги въ цѣлости мы не знаемъ.

Пророческимъ книгамъ въ острожскомъ изданіи мало посчастливилось. Изъ возможныхъ текстовъ въ изданіе попали обычные тексты, усвоенные и пущенные въ оборотъ Геннадіевской Библіей. Впрочемъ, это не значитъ, что геннадіевскіе пророческіе тексты цѣликомъ перенесены въ острожское изданіе. Тексты этого типа имѣли въ своей исторіи нѣкоторую переработку, и геннадіевскіе исправители заимствовали этотъ переработанный видъ пророческихъ чтеній. Описатели рукописей Синодальной Библіотеки указываютъ совпаденіе Острожской Библіи не съ полными списками Геннадіевской Библіи, а съ отдѣльнымъ спискомъ пророковъ XVI вѣка № 117 (18), откуда, впрочемъ, не всѣ особенности списка заимствованы въ изданіе. Переработка списка типа Синод. № 117 (18) стоитъ въ связи съ тѣмъ же затерянымъ меѳодіевскимъ текстомъ, какой мы видѣли въ другихъ книгахъ [1]). Приходится пожалѣть, что въ пророческихъ книгахъ не было проявлено такого широкаго пользованія меѳодіевскими текстами, какъ это сдѣлано было въ книгахъ Бытія, Іисуса Навина, Есѳирь. Теперь почти для всѣхъ пророческихъ книгъ, въ большей или меньшей полнотѣ, открытъ неизвѣстный ранѣе, совершенно затерянный меѳодіевскій текстъ. Доступность этого текста эпохѣ Острожской Библіи едва ли можно оспаривать: дошедшіе до насъ части этого перевода извѣстны въ рукописяхъ XV—XVI столѣтія. Книга Плачъ измѣнена, сравнительно съ Геннадіевской Библіей, подъ вліяніемъ вульгаты, изданія Скорины и греческаго текста. Судя по слововыраженію замѣны геннадіевскаго текста этой книги (іудея, вм. жидовскаа, плачь, вм. желя и т. п.), и здѣсь мы наблюдаемъ отраженіе меѳодіевской традиціи [2]).

[1]) Ср. Описаніе рукоп. Синод. библ. I, стр. 204—205.

[2]) Книга Плачъ изслѣдована Благовѣщенскимъ, Кіевъ, 1899. Славянскому тексту удѣлены стр. 249—293, но авторъ знаетъ славянскій текстъ Плача только въ изданіяхъ Острожскомъ, Московскомъ 1663 г. и Елизаветинскомъ 1751 г. Мы свѣрили острожскій текстъ съ геннадіевскимъ. О вліяніи на текстъ кн. Плачъ изданія Скорины—см. Владиміровъ, Фр. Скор., стр. 211 сл.

Первая и вторая книги Маккавейскія, переведенныя у Геннадія съ вульгаты, у острожскихъ исправителей значительно поправлены по греческому тексту. Переведена ими и *третья книга Маккавейская*. Языкъ этого, спеціально острожскаго перевода тяжелый, не сходный съ языкомъ старыхъ переводовъ. Побужденіе къ переводу этой книги острожскіе исправители могли находить съ одной стороны въ естественномъ въ ихъ положеніи стремленіи къ библейской полнотѣ, а съ другой стороны также въ комплютенскомъ изданіи, впервые пустившемъ въ широкій оборотъ эту книгу и бывшемъ у нихъ однимъ изъ главныхъ источниковъ. Въ концѣ книги переводчики сдѣлали замѣчаніе: «Сіи третіи книги Маккавейскіи въ прочіихъ Библіахъ не обрѣтаются, ниже въ самои тои славенъскои, и ни в латинъскихъ а ни в лятскихъ, точію въ греческои и ческои, но и мы ихъ не оставихомъ». Дѣйствительно, не только геннадіевскій сводъ не зналъ этой книги, но и латинская Библія знаетъ въ изданіяхъ эту книгу только съ 1532 года. Польскія изданія Библіи предъ самымъ 1581 годомъ относились къ 3-ей Маккавейской книгѣ отрицательно. Такъ польская Библія 1577 года, послѣ второй Маккавейской книги, дѣлаетъ замѣчаніе, что встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Библіи 3-я Маккавейская книга не принята Христовою Церковію, не была переведена Іеронимомъ на латинскій языкъ и потому не признается справедливымъ вносить ее въ польскую Библію. Въ Чешской Библіи 3-я Маккавейская книга встрѣчается съ изданія 1549 г., Praga, но это переводъ не близкій къ славянскому переводу Острожской Библіи. Другой чешскій переводъ 3-ей Маккавейской книги, подъ именемъ 1-ой Маккавейской, намъ извѣстенъ въ Чешской Библіи 1579—88 г.г. (можетъ быть, были изданія раньше). Этотъ чешскій переводъ сдѣланъ съ изданія Бенедикта Арія, Антверпенъ, 1572 г. Онъ совершенно сходенъ съ текстомъ Острожской Библіи и былъ оригиналомъ для острожскаго изданія. Для сопоставленія приводимъ первые два стиха первой главы по чешскому изданію 1579—1588 и по Острожской Библіи:

1 1. Zwěděw pak Filopator od těch kteriż se byli nawratili, żeby ta mista kteráż on držel Antyoch wzaldal wěděti wssechněm wogskům swým pèssim y gizdným; 2. A wzaw s sebau sestru swau Arsinoe, táhk aż na ta mista kteráż gsau v Raffian, kdežto se byli położili Antyochowi = Остр. Б. *Филопатор же*

внегда оувѣдев от възвращшихсѧ бывшее отнѧтїе дръжимых от него мѣстъ Антіохомъ, и заповѣда всѣмъ воемъ своим пѣшцемъ и конникомъ събратисѧ. Взѧтъ же и сестру свою Арсиною, і изыиде въскорѣ до рафіискихъ мѣстъ, идѣже ополчишасѧ вои иже от Антіоха.

Въ Новомъ Завѣтѣ Острожская Библія близко воспроизводитъ Геннадіевскую Библію. Исправленія сравнительно съ геннадіевскимъ чтеніемъ не систематичны и незначительны и при томъ замѣтнѣе въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ апостольскихъ, чѣмъ въ Евангеліяхъ. Напр. Евангеліе Матѳея, гл. 3 11 Ген. *Духомъ Святымъ*, Остр. *Духомъ Святымъ и огнемъ.* 3 16 Ген. *и видѣ духъ сходящь*, Остр. *и видѣ Духъ Божїи сходящь.* Подобныя исправленія не вводятъ въ Острожскую Библію новой редакціи. Описатели Синодальной библіотеки указали для Евангелій родство Острожской Библіи съ №№ 1 и 2 полныхъ списковъ Геннадіевской Библіи. Это—поздняя четья редакція евангельскаго и апостольскаго текста, которая удостоилась внесенія въ Геннадіевскую Библію съ отмѣтками церковныхъ зачалъ и указаніями дневныхъ чтеній и чрезъ это положила начало вытѣсненію изъ церковнаго употребленія богослужебнаго евангельскаго и апостольскаго текста. Закрѣпленіе этой редакціи въ печатномъ изданіи окончательно предрѣшило судьбу богослужебной редакціи. Она самой судьбой была намѣчена къ вымиранію, что и случилось позднѣе. Чѣмъ объяснить невнимательность редактора новозавѣтнаго текста Острожской Библіи къ чтеніямъ богослужебной славянской редакціи, столь уважавшимся въ ветхозавѣтной части Библіи, сказать трудно: можетъ быть, это—дѣло личнаго вкуса редактора, а, можетъ быть, это—проявленіе особаго почтенія къ богослужебному тексту, которому надлежало быть только въ церковномъ употребленіи, а не въ составѣ четьей Библіи. По крайней мѣрѣ, такъ мы понимаемъ отношеніе къ чтенію Евангелія—апракоса у современнаго острожскому изданію, уже упомянутаго ранѣе редактора-переводчика Евангелія—Василія Тяпинскаго. Этотъ трудолюбивый редакторъ въ основу своего изданія положилъ четій славянскій текстъ, а о чтеніи апракоса дѣлалъ замѣчанія на поляхъ [1]): напр., Мѳ. 2 гл. къ чтенію—

[1]) Въ Евангеліи Тяпинскаго дано на ряду два параллельныхъ текста обычный—церковно славянскій и западно-русское переложеніе. Ученыя свѣрки Тяпинскимъ сдѣланы для перваго, т. е. церковно-славянскаго текста.

(Иродъ) *повелѣ избити дѣти* на полѣ замѣчено: «въ апракосѣ *младенца*, что с иными згажается»; 4 гл. *отъ Галилеи и десяти градъ*—на полѣ: «в апракосе греческое слово оставлено *декаполья*»; 5 гл. *не будете яко лицемѣри*—на полѣ: «въ апракосе *ѵпокрити*»; 7 гл. *ко еже вождѣлѣти*—на полѣ: «въ апрак. *с помышленьемъ*». Такое замалчиваніе или устраненіе богослужебнаго текста изъ изданій Библіи или отдѣльныхъ ея частей подрывало авторитетъ богослужебнаго текста и подготовляло замѣну его четьимъ текстомъ въ церковно-богослужебномъ употребленіи.

Въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ апостольскихъ исправленія острожскихъ издателей проявляются чаще и значительнѣе. Онѣ обнаруживаютъ болѣе тщательное сличеніе славянскихъ рукописей не только полныхъ списковъ Библіи, но и отдѣльныхъ списковъ апостольскаго текста, и не только позднихъ, а и древнѣйшихъ. Изъ списковъ Синодальной библіотеки наибольшую близость къ Острожскому изданію проявляетъ Апостолъ XVI в. № 725 (53) [1]).

Апокалипсисъ внесенъ въ Острожскую Библію послѣ значительнаго исправленія, или вѣрнѣе—съ значительно исправленныхъ и разнящихся отъ Геннадіевской Библіи отдѣльныхъ списковъ, хотя несомнѣнно и пользованіе Геннадіевской Библіей [2]).

Вообще, значеніе Геннадіевской Библіи, какъ основы Острожской Библіи, приходится значительно ослабить. Острожскими исправителями проявлены были значительныя самостоятельныя поиски текстовъ и самостоятельныя ихъ свѣрки.

Историческія обстоятельства, сопутствовавшія изданію Острожской Библіи, таковы.

Юго-западная Русь, при полномъ упадкѣ православной іерархіи, въ концѣ третьей четверти XVI-го вѣка увлекалась социніанствомъ и, въ лицѣ своей интеллигенціи, въ значительной мѣрѣ измѣнила вѣрѣ своихъ отцовъ. Противъ этого увлеченія дѣйствовалъ, какъ мы видѣли, въ своемъ ковельскомъ помѣстьѣ знаменитый московскій выходецъ—князь Андрей Курбскій [3]). На ту же опасность обратилъ свое вниманіе и свои

[1]) Описаніе рукоп. Синод. Библ. I, стр. 337.

[2]) Тамъ же, стр. 159—160.

[3]) Въ дополненіе къ сказанному нами ранѣе о дѣятельности кн. Курбскаго на стр. 194—198 можно добавить, что съ его именемъ связана почти вся русская библейская экзегетическая литература XVI в. Кромѣ капиталь-

силы и другой ревнитель народныхъ завѣтовъ—другъ Курбскаго, владѣлецъ Острога и воевода кіевскій, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, одинъ изъ самыхъ родовитыхъ представителей юго-западныхъ вельможъ [1]). Такъ какъ ученіе соцініанства, какъ ранѣе его лютеранства и кальвинизма, основывалось на Библіи, то естественно борьба съ нимъ побуждала противника прежде всего озаботиться пріобрѣтеніемъ того же самого оружія. На Библіи соцініанство укрѣпляло не только свою вѣроисповѣдную систему, но основывало и идею и стимулы народнаго просвѣщенія въ его начальной духовно-нравственной формѣ, какъ это мы ранѣе указывали въ міровоззрѣніи идейнаго соцініанина того времени Василія Тяпинскаго. Это еще болѣе рѣшительно выдвигало необходимость для защитника православія имѣть въ рукахъ главное оружіе противника. Изданіе Библіи для князя Острожскаго въ цѣляхъ борьбы съ соцініанствомъ и поднятія исконныхъ народныхъ основъ становилось необходимостью: объ этомъ нѣсколько разъ заявляетъ въ предисловіи къ Острожской Библіи сотрудникъ издателя—Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій [2]).

ныхъ трудовъ по толкованію Псалтири и Апостола, ему принадлежитъ восполненіе переводовъ Максима Грека: въ толкованіяхъ Іоанна Златоустаго на Евангеліе Матѳея князь Курбскій перевелъ (можетъ быть, случайно не доставившую или затерянную) 45-ю бесѣду; въ толкованіи І. Златоустаго на Евангеліе Іоанна—бесѣды 22, 44—47. Повидимому, князю же Курбскому принадлежатъ полемическія толкованія пророчествъ, приписываемыя Максиму Греку (ср. выше). Вообще, князь Курбскій въ XVI в. представляетъ единственное лицо, которое по личному сознанію и расположенію прилежало къ истолкованію Библіи и отмѣчало свою руку въ обличеніяхъ современныхъ религіозныхъ уклоненій, связанныхъ съ юго-западною Русью.

[1]) Обзоръ свѣдѣній о происхожденіи князей Острожскихъ — см. въ ст. Е. И. Де-Витте въ Чтен. въ историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XXII, вып. III, Кіевъ 1912, стр. 48 и дал.

[2]) Въ литературныхъ обозрѣніяхъ относительно Острожской Библіи выражается мысль, что ея появленіе вызвано было борьбой съ католичествомъ (ср. И. А. Шляпкинъ, Древняя и Новая Россія, 1881 г., стр. 180—184; Максимовичъ, Книжная старина южнорусская, Временникъ, I, стр. 6, Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи проф. В. Н. Перетца въ Житоміръ. Кіевъ, 1911, стр. 113, и др.). Помимо свидѣтельства предисловія къ Остр. Библіи, а также историческаго совпаденія изданія Библіи именно съ натискомъ на юго-западную Русь соцініанства, а не католичества, нельзя не признать, что, какъ полемическое орудіе, Библія была пригодна именно въ борьбѣ съ соцініанами, а не католиками. Пріемы

Приготовленія къ изданію Острожской Библіи, какъ мы видѣли, поставлены были очень широко: источники и пособія для изданія текста Библіи, въ видѣ различныхъ славянскихъ списковъ, греческихъ рукописей и изданій, а также латинскаго, чешскаго и польскаго перевода были доставлены въ Острогъ посланцами князя Острожскаго въ весьма значительномъ подборѣ. Мѣстныя изданія, какъ Библія Франциска Скорины, а также другія печатныя и рукописныя библейскіе переводы и переложенія несомнѣнно были извѣстны острожскимъ труженикамъ: одни изъ нихъ нашли себѣ косвенное отраженіе въ Острожскомъ изданіи въ томъ, что въ нѣкоторой мѣрѣ послужили поводомъ къ этому изданію, другіе, какъ Библія Скорины, непосредственно отразились на страницахъ Острожской Библіи. Съ такою же тщательностью произведенъ былъ княземъ Острожскимъ и подборъ непосредственныхъ исполнителей его въ дѣлѣ изданія Библіи. Всѣхъ сотрудниковъ князя Острожскаго въ этомъ дѣлѣ мы указать не можемъ, но нѣкоторые извѣстны: первый извѣстный изъ этихъ сотрудниковъ Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, отецъ Мелетія Смотрицкаго; его сотрудничество удостовѣрено его подписью подъ обширнымъ предисловіемъ къ Библіи [1]). И по предисловію Герасима Смотрицкаго и по слѣдамъ значительной и разнообразной работы надъ переводами и свѣрками текстовъ, въ дѣлѣ подготовки изданія принимали участіе люди опытные въ писаніяхъ греческихъ и славянскихъ. Къ небольшему числу намъ извѣстныхъ исправителей необходимо присоединить и главнаго печатника Библіи— дьякона Ивана Ѳедорова Москвитина, несомнѣнно очень опыт-

и доводы католической пропаганды способны были вызвать и съ теченіемъ времени вызвали — въ томъ же Острогѣ другія изданія, соотвѣтствующія католическому натиску.

[1]) О Герасимѣ Даниловичѣ Смотрицкомъ см. упомянутый Отчетъ проф. В. Н. Перетца объ экскурсіи въ Житоміръ, въ ст. С. А. Щегловой. Подробныя свѣдѣнія о Смотрицкомъ, равно какъ и о другихъ дѣятеляхъ острожской школы, приведены въ книгѣ К. В. Харламповича „Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношенія ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви", Казань 1898, стр. 240—241, 262—276. Въ числѣ способствовавшихъ пріобрѣтенію текста Геннадіевской Библіи въ Москвѣ извѣстны: литовскій писарь Михаилъ Гарабурда, бывшій съ посольствомъ въ Москвѣ въ 1570, 1572, 1573 годахъ; кіевскій іерод. Іоакимъ, списывавшій Библію въ Москвѣ, въ цѣляхъ изданія ея въ Литвѣ (Чт. О. И. и Др. Р. 1883. I отд. V).

наго въ славянскихъ текстахъ, вращавшихся тогда въ московской и западной Руси. Ему, повидимому, какъ самому чистому москвичу, Острожская Библія обязана своимъ великорусскимъ подборомъ церковно-славянскихъ текстовъ, или вѣрнѣе великорусскимъ обликомъ славянской грамматики, принятой и послѣдовательно выдержанной острожскими исправителями въ Библіи. Испытанность Ивана Ѳедорова въ славянскихъ священныхъ текстахъ, какъ перваго печатника на Москвѣ и въ западной Руси была исключительная. Онъ стоялъ въ центрѣ движенія этихъ текстовъ того времени, былъ душею первопечатныхъ московскихъ и западно-русскихъ изданій Новаго Завѣта, и его участіе въ предпріятіи князя Острожскаго по изданію Библіи вносило въ это дѣло весь тогдашній опытъ, все знаніе.

Въ Москвѣ первый печатникъ вовлеченъ былъ въ область библейскихъ интересовъ того времени тогдашнею жизненною потребностью—имѣть для церковнаго употребленія исправленные тексты. Еще со времени Стоглаваго Собора 1551 года московское правительство было озабочено задачею остановить порчу богослужебныхъ книгъ. Рѣшеніе собора по этому дѣлу сводилось къ приказанію протопопамъ и избраннымъ священникамъ «дозирати священныхъ книгъ, святыхъ Евангелій, и Апостолъ и прочихъ святыхъ книгъ, ихъ же Соборная Церковь пріемлетъ и которыя обрящутся не правлены и описьливы, тѣ всѣ съ добрыхъ переводовъ исправливати соборнѣ». Когда подобныя мѣры ничему не помогли, тогда, въ 1553 году Іоаннъ Грозный рѣшился завести типографію. У печатнаго дѣла стали дьяконъ Николо-Гостунской церкви, въ Кремлѣ, Иванъ Ѳедоровъ, Петръ Мстиславцевъ (съ 1556 г.) и датчанинъ Миссингеймъ. Около десяти лѣтъ готовился Иванъ Ѳедоровъ къ печатанію и изданію первой книги въ устроенной имъ типографіи, и труды и настойчивость его, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. Первенцемъ его печатнаго станка была *священная книга*. Какая это была книга, точно сказать трудно. Ранѣе такою книгою почитался богослужебный *Апостолъ* (Дѣянія и посланія св. апостоловъ), изданный въ 1564 году. Но затѣмъ ученые библіографы находили возможнымъ предоставить первенство другимъ книгамъ. Были указаны какъ болѣе раннія изданія, чѣмъ Апостолъ 1564 г., дестевая Псалтирь, напечатанная въ Москвѣ между 1553 и 1560 годами, и два «безвыходныхъ» Евангелія. Честь выхода въ 1564 году,

одновременно съ Евангеліемъ, приписывалась также еще одному «безвыходному» Евангелію [1]). Печатная дѣятельность Ивана Ѳедорова продолжалась недолго: въ 1565 году нѣкоторые начальные люди, «хотячи благое во зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити», обвинили печатниковъ Ивана Ѳедорова да Петра Мстиславцова «въ небытной ереси» и принудили ихъ бѣжать изъ Москвы въ Литву, гдѣ ихъ принялъ просвѣщенный гетманъ литовскій Г. А. Ходкевичъ. Ходкевичъ помѣстилъ ихъ въ городѣ Заблудовѣ (Гродненской губ.), и здѣсь они напечатали Учительное Евангеліе (1569 г.) и Псалтирь 1570 г. По смерти Ходкевича (1569 г.), Петръ Мстиславцевъ перешелъ изъ Заблудова въ Вильну, тамъ въ типографіи у братьевъ Мамоничей напечаталъ Евангеліе 1575 г., а Иванъ Ѳедоровъ удалился во Львовъ, гдѣ также занимался печатаніемъ священныхъ книгъ; между прочимъ, здѣсь въ 1574 году онъ издалъ Апостолъ, болѣе полный по подбору статей предъ текстомъ, чѣмъ первопечатный, и потому сдѣлавшійся образцемъ для послѣдующихъ московскихъ изданій. Отъ этой дѣятельности Иванъ Ѳедоровъ отозванъ былъ въ Острогъ, къ князю Острожскому, для изданія задуманной княземъ полной славянской Библіи. И по предшествующей подготовкѣ и по испытанной преданности дѣлу, Иванъ Ѳедоровъ былъ въ это время единственнымъ и незамѣнимымъ человѣкомъ для осуществленія предпріятія Острожскаго князя. Другого, болѣе лучшаго выбора просвѣщенный издатель сдѣлать не могъ: онъ обезпечилъ свое изданіе самой лучшей силой въ области печатнаго дѣла. Можно полагать, что и вообще сотрудниковъ для своего изданія Библіи князь Острожскій подобралъ изъ самыхъ лучшихъ книжныхъ силъ своего времени.

Первымъ опытомъ трудовъ подготовленной такимъ образомъ острожской книжной дружины, предъ изданіемъ Острожской Библіи, было изданіе Псалтири и Новаго Завѣта, 1580 года. Въ томъ же году выпущена была справочная книжка къ Новому Завѣту, подъ заглавіемъ: «Книжка собраніе вещеи нужнѣишихъ въ кратцѣ, скораго ради обрѣтенія въ книзѣ Новаго Завѣта по словесамъ азбуки». Въ томъ же 1580 году вышла

---

[1]) Викторовъ, А. Е. Отчетъ Моск. Публ. и Рум. Муз. за 1870—1872 гг., 1873—1875. Архим. Леонидъ, Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ въ 1564—1568 гг. (Памятн. древн. письм.), СПБ. 1882.

и знаменитая, первая печатная славянская Острожская Библія. Въ виду спѣшности печатанія или по другой причинѣ, изданіе Библіи носитъ не сплошной счетъ листовъ, а шесть отдѣльныхъ нумерацій: 8, 276, 180, 30, 56 и 78 листовъ. Можно предполагать, что печатаніе производилось сразу на нѣсколькихъ станкахъ. Съ этимъ совпадаетъ и подмѣченное библіографами пользованіе въ изданіи шестью различными шрифтами, изъ которыхъ два были отлиты по матрицамъ первопечатныхъ московскихъ и виленскихъ книгъ [1]). Повидимому, первое изданіе Острожской Библіи 1580 г. скоро разошлось. Это можно видѣть изъ того, что уже въ 1581 г. сдѣлано было второе изданіе этой Библіи. Разница между ними незначительная: послѣдній, 78 листъ, въ однихъ экземплярахъ носитъ выходъ: *1580, іюля 12* (такіе экземпляры весьма рѣдки), въ другихъ: *1581, мѣсяца августа 12 дня;* кромѣ этого, въ экземплярахъ 1581 г., тотъ же 78 листъ содержитъ небольшое молитвенное воззваніе отъ Ивана Ѳедорова на славянскомъ и греческомъ языкахъ, а въ изданіи 1580 года этого воззванія нѣтъ. Указываютъ библіографы и еще нѣкоторыя разности въ орнаментахъ и шрифтѣ [2]). Внѣшній видъ и техническая отдѣлка текста Острожской Библіи 1580 и 1581 годовъ весьма внушительны: большое листовое изданіе, съ разнообразнымъ шрифтомъ, орнаментами и киноварными заголовками (въ четырехъ мѣстахъ), параллельныя мѣста на поляхъ—по всему этому Острожское изданіе рѣшительно ничѣмъ не уступаетъ лучшимъ тогдашнимъ чешскимъ, польскимъ и латинскимъ изданіямъ Библій, за исключеніемъ развѣ рисунковъ, которыми украшены нѣкоторыя изъ этихъ иноязычныхъ изданій.

Со стороны объема библейскихъ текстовъ, въ ряду всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ переводовъ, переложеній и изданій священнаго библейскаго текста XVI вѣка, назначенныхъ для русскаго народа, Острожская Библія 1580—1581 гг. занимаетъ по праву самое первое мѣсто. По своей полнотѣ въ

---

[1]) Гатцукъ, Русск. Вѣстн. 1872 г., т. 99.

[2]) Каратаевъ, Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1878 г. I, стр. 94. (†) Родосскій, А. С. Описаніе старопечатныхъ и церковно-славянскихъ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ Спб. Духовной Академіи, вып. I, Спб. 1891, стр. 34—35. Конспективный обзоръ литературы объ Острожской Библіи—у С. А. Щегловой въ Отчетѣ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи въ Житомірѣ, Кіевъ 1911, стр. 111—119 (изъ Унив. Изв. 1911 г.).

воспроизведеніи библейскихъ писаній, Острожская Библія стоитъ не только выше всѣхъ многочисленныхъ юго-западно-русскихъ указанныхъ выше изводовъ, но, какъ мы видѣли, выше польской Библіи, служившей образцомъ для русскихъ библейскихъ переложеній того времени. Ни одно изъ изданій обращавшихся въ то время въ западной и юго-западной Руси, не обнимало въ такомъ исчерпывающемъ составѣ всѣхъ каноническихъ и неканоническихъ библейскихъ книгъ, какъ это изданіе.

Ни одно изданіе и переложеніе не имѣли за собою такой давней испытанной жизни, какъ тексты Острожской Библіи. Не даромъ въ предисловіи къ этой Библіи съ особеннымъ благоговѣніемъ подчеркивается болѣе чѣмъ полутысячелѣтняя давность библейскихъ текстовъ Острожской Библіи, появившихся еще до Владиміра. На нихъ покоились думы, переживанія и лучшія чувства множества поколѣній. Они были освящены многовѣковою предшествующею жизнью въ качествѣ носителей самыхъ лучшихъ духовныхъ упованій. Во всемъ этомъ не могло не заключаться ихъ нравственнаго преимущества, ихъ права на признаніе и долговѣчность предъ всѣми другими новыми библейскими переложеніями.

По языку Острожская Библія охватывала въ громадномъ большинствѣ тексты, издавна вращавшіеся въ краѣ и извѣстные народу на обще-литературномъ языкѣ того времени, т. е. церковно-славянскомъ языкѣ русскаго извода. Конечно, не всегда эти тексты были одинаково доступны народу, многое оставалось въ нихъ непонятнымъ, но это зависѣло не только отъ языка, но и отъ трудности усвоенія библейскаго повѣствованія. По сравненію съ этимъ свойствомъ языка, тотъ новый искусственный языкъ, какимъ писались народныя западно-русскія переложенія и переводы библейскихъ текстовъ, едва ли представлялъ больше преимуществъ по своей доступности. Религіозно-просвѣтительныя достоинства того и другого вида текстовъ несомнѣнно внимательно были взвѣшены княземъ Острожскимъ и старый, традиціонный текстъ Библіи получилъ въ его глазахъ перевѣсъ не безъ достаточныхъ основаній. Въ немъ охранитель и защитникъ православія, князь Острожскій, могъ видѣть не только простое средство библейскаго ученія, но и залогъ связи своего народа съ другою, большею вѣтвью этого народа, сохранявшею свою отеческую вѣру въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при томъ же искон-

номъ церковно-славянскомъ языкѣ въ богослуженіи и въ письменности. Выработка новаго, западно-русскаго и южно-русскаго языка, при подавляющемъ вліяніи польскаго языка, соединялась въ представленіи князя Острожскаго съ противо-православными теченіями, вызывавшими новые библейскіе переводы. Все это самымъ явнымъ образомъ угрожало и русской народности и православной вѣрѣ и, естественно, не могло найти себѣ сочувствія въ князѣ-патріотѣ *).

И. Евсѣевъ.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

О дѣйствительности англиканской іерархіи.

(Рефератъ, читанный въ „Обществѣ ревнителей сближенія англиканской церкви съ православною“ 24 апрѣля 1912 г.) *).

ОТНОШЕНІЕ къ англиканской іерархіи православнаго Востока можно кратко охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: въ личныхъ сношеніяхъ православныхъ іерарховъ съ англиканскими дружественное братское обращеніе, какъ съ епископами, въ теоріи—за немногими исключеніями—признаніе, что вопросъ не рѣшенъ еще церковью, и что дѣйствительность англиканской іерархіи вызываетъ серьезныя сомнѣнія, въ канонической практикѣ—воспрещеніе, опять за рѣдкими исключеніями, взаимообщенія съ англиканами и вторичное рукоположеніе переходящихъ въ православіе духовныхъ лицъ. Я приведу нѣсколько отзывовъ объ англиканской іерархіи представителей православной церкви и православной богословской науки. Начну съ великаго святителя русской Церкви, митрополита московскаго Филарета. Когда въ началѣ 1860-хъ гг. обнаружилось въ Англіи и Америкѣ движеніе къ сближенію съ восточною церковію, и въ Россію пріѣхалъ секретарь греко-русскаго комитета, американскій пасторъ Юнгъ, то митрополитъ въ числѣ другихъ пунктовъ, разъясненіе которыхъ онъ считалъ желательнымъ въ цѣляхъ сближенія, предложилъ и вопросъ о томъ, «вполнѣ ли доказана непрерывность апостольскаго іерархическаго рукоположенія въ американской церкви» [1]), а когда ему доставлено было написанное съ цѣлію такого разъясненія письмо извѣстнаго ученаго Вилль-

*) Окончаніе. См. февраль.

[1]) Правосл. богосл. энциклопедія. Изд. п. р. проф. *А. П. Лопухина*, т. I, ст. 748.

яма Стэббса, впослѣдствіи епископа оксфордскаго, онъ напечаталъ на него свои замѣчанія въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1866 г. Въ этихъ замѣчаніяхъ преосв. Филаретъ проявилъ и присущую ему чрезвычайную осторожность въ критикѣ и въ выводахъ и въ то же время рѣдкую готовность примѣнить до послѣднихъ предѣловъ христіанское снисхожденіе. Онъ высказывается по поводу каждаго довода Стэббса въ защиту своей іерархіи, при чемъ къ опровергаемымъ англійскимъ апологетомъ возраженіямъ присоединяетъ еще и свое, то именно, что англійская церковь, отдѣляясь отъ римской, лишила епископское и пресвитерское рукоположеніе названія таинства, и выражаетъ «немалое сомнѣніе», «не пресѣклось ли съ прекращеніемъ вѣры въ дѣйствительную силу апостольскаго рукоположенія и внутреннее дѣйствіе сего рукоположенія, хотя и сохранился видъ рукоположенія». По поводу взглядовъ Кранмера и Барлоу, не признававшихъ особенной благодати епископства и актъ посвященія не почитавшихъ дѣломъ необходимости, митрополитъ опять высказываетъ сомнѣніе, можно ли въ такомъ случаѣ найти здѣсь продолженіе благодатнаго тока апостольскаго епископскаго рукоположенія, не прегражденъ ли онъ и пресѣченъ. Подвергнувъ разбору письмо Стэббса, преосвященный авторъ говоритъ въ заключеніе: «По симъ свѣдѣніямъ и соображеніямъ какое мнѣніе сынъ православной церкви можетъ имѣть о непрерывности апостольскаго епископскаго рукоположенія въ Англійской церкви? Судя строго, не приметъ ли отрицательной стороны вопроса? Даже умѣряя по возможности строгость сужденія желаніемъ удовлетворить любви къ миру и единенію церквей, можетъ ли достигнуть утвердительной стороны вопроса? Не будетъ ли припужденъ остановиться между отрицаніемъ и утвержденіемъ въ неразрѣшенномъ сомнѣніи? Отъ неразрѣшеннаго же сомнѣнія, какой можетъ быть путь англійскому епископству къ общенію съ православною церковью? При невозможности разрѣшить сомнѣніе, дѣйствительно ли совершилось крещеніе кого-либо, правило церковное повелѣваетъ совершить крещеніе условно, аще не крещенъ есть. Съ симъ сообразно было бы, при невозможности разрѣшить сомнѣніе, дѣйствительно ли совершилось посвященіе епископа, совершить посвященіе въ епископа условно, аще не посвященъ есть. Не трудно понять, что на сіе трудно согласиться епископу англійской церкви. Кто можетъ, кому даруетъ Богъ, да откроетъ болѣе удобный путь

желаннаго общенія и единенія церквей» [1]). Каноникъ Лиддонъ на Боннской конференціи 1874 г. сообщалъ, будто митрополитъ Филаретъ за годъ до своей кончины говорилъ ему, что не изучалъ самъ историческихъ источниковъ и свое заявленіе о сомнительной дѣйствительности англиканской іерархіи основалъ исключительно на показаніяхъ р.-католическихъ писателей [2]). Изъ приведеннаго отзыва митрополита видно, однако, что не устранили у него сомнѣній и доводы англиканскаго писателя.

Съ сомнѣніемъ, граничащимъ съ отрицаніемъ, отзывался объ апостольскомъ преемствѣ въ англиканской іерархіи въ 1870 г. протоіерей лондонской посольской церкви Е. И. Поповъ [3]). Сомнительнымъ признавалъ «священноначаліе» англиканской церкви архіепископъ владимірскій Сергій [4]). У того и другого автора на первомъ мѣстѣ въ числѣ возраженій противъ дѣйствительности іерархіи стоитъ отрицаніе англиканскою церковью за священствомъ значенія таинства, а у преосв. Сергія еще и неправое ученіе о другихъ таинствахъ, особенно о миропомазаніи; не устраненными при этомъ оставались и сомнѣнія въ самомъ фактѣ посвященія Паркера. Протоіерей русской посольской церкви въ Берлинѣ А. П. Мальцевъ существенное препятствіе къ признанію апостольскаго преемства у англиканъ видитъ также въ томъ, что англиканская церковь не признаетъ въ XXXIX членахъ священства таинствомъ и слѣд. непогрѣшимымъ средствомъ передачи первосвященства отъ апостоловъ епископамъ, но къ этому присоединяетъ еще и то соображеніе, что, отрицая сакраментальное значеніе и за другими таинствами, кромѣ священства, англиканскіе епископы въ силу этого не имѣютъ намѣренія передавать своимъ преемникамъ такую существенную для первосвященства власть, какъ власть совершать всѣ семь таинствъ, а также власть приносить божественную жертву за живыхъ и умершихъ. Церковь,—говоритъ въ заключеніе объ англи-

---

[1]) О непрерывности епіскопскаго рукоположенія въ Англійской церкви („Прав. Обозр." 1866, т. 19, стр. 94).

[2]) Сборникъ протоколовъ Общ. люб. дух. просв. Спб. отд., годъ третій (1874—1875). Спб. 1875, стр. 53.

[3]) *П. Е. П.*, Нѣчто о преемствѣ апостольскаго рукоположенія въ Англиканской церкви („Христ. Чтеніе" 1870, т. I, стр. 188—198).

[4]) *Сергій*, архіеп. владим., Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры. Москва 1893, стр. 249—257.

канской іерархіи прот. А. П. Мальцевъ, — которая признала бы дѣйствительность англиканскихъ посвященій, тѣмъ самымъ поставила бы подъ сомнѣніе дѣйствительность своего собственнаго священства [1]).

Какъ можно видѣть, въ русской православной литературѣ при разборѣ съ богословской стороны вопроса объ англиканской іерархіи съ самаго начала наблюдается тенденція выдвигать въ качествѣ главнаго препятствія къ признанію этой іерархіи отрицаніе англиканскою церковью за священствомъ значенія таинства. Отрицаніе жертвенной власти, служащее главнымъ препятствіемъ для католиковъ, отмѣчается въ качествѣ препятствія едва ли не впервые у прот. А. П. Мальцева, пользующагося и католическимъ понятіемъ намѣренія. Но всѣ приведенные отзывы даны были въ небольшихъ статьяхъ или краткихъ замѣткахъ. Въ 1897 г. вышло у насъ первое спеціальное изслѣдованіе объ англиканской іерархіи, принадлежащее лучшему у насъ знатоку англиканства, профессору московской духовной академіи В. А. Соколову. Впервые здѣсь вопросъ рѣшенъ былъ сравнительно въ благопріятномъ для англиканъ смыслѣ [2]). Разсмотрѣвъ католическія возраженія противъ факта рукоположенія Паркера и Барлоу, противъ матеріи, формы и намѣренія англиканскихъ посвященій, авторъ всѣ эти возраженія признаетъ неосновательными. Единственное препятствіе, или, лучше сказать, затрудненіе къ признанію англиканской іерархіи онъ находитъ только въ ученіи англиканской церкви о таинствѣ священства, на которомъ сосредоточено было вниманіе и предшествующихъ русскихъ авторовъ. Въ этомъ пунктѣ авторъ усматриваетъ противорѣчіе между двумя оффиціальными вѣроизложеніями англиканской

---

[1]) *A. v. Maltzew,* Die Sakramente der Orthodox-Katholischen Kirche des Morgenlandes. Berlin 1898, S. CIV—CVIII; ср. Dogmatische Erörterungen zur Einführung in das Verständnis der orthodox-katholischen Auffassung in ihrem Verhältniss zur römischen und protestantischen. Von einem Geistlichen der orthodox-katholischen Kirche. Berlin 1893, S. 36—40.

[2]) Проф. *В. А. Соколовъ,* Іерархія англиканской епископальной церкви. Серг. Посадъ 1897. За означенное сочиненіе авторъ былъ удостоенъ Московскою Духовною Академіею степени доктора богословія и утвержденъ въ этой степени Св. Синодомъ, но, въ своемъ опредѣленіи Св. Синодъ сдѣлалъ при этомъ оговорку, что онъ „не касается" „вопроса о правильности сужденій, высказанныхъ профессоромъ Соколовымъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи". Указъ Св. Синода отъ 30 іюля 1898 г. за № 4096 (Журн. Сов. Московск. Дух. Академіи за 1898 г., стр. 200).

церкви: Книгою Общихъ Молитвъ и XXXIX членами вѣры. Первое въ чинѣ посвященій приписываетъ рукоположенію всѣ признаки таинства, послѣднее же въ XXV членѣ заявляетъ, что священство таинствомъ считать не должно. Такъ какъ тотъ и другой документъ допускаетъ различныя толкованія, то необходимо, по его мнѣнію, чтобы сама церковь англиканская положила конецъ этой неопредѣленности. Если бы эта церковь заявила, что кромѣ крещенія и евхаристіи, она всегда признавала и признаетъ, что и остальныя пять, въ томъ числѣ и священство, суть тоже таинства, необходимо сообщающія божественную благодать, тогда было бы устранено единственное препятствіе къ признанію дѣйствительности англиканской іерархіи съ православной точки зрѣнія. Такимъ рѣшеніемъ вопроса объ іерархіи, авторъ думалъ открыть болѣе удобный путь общенія и единенія церквей, чѣмъ предложенный митрополитомъ Филаретомъ путь условнаго рукоположенія англиканскихъ епископовъ. Католическое возраженіе противъ англиканскаго пониманія священства, отрицающаго жертвенную власть священника, осталось въ этомъ сочиненіи неразсмотрѣннымъ.

Аналогичную въ сущности схему рѣшенія вопроса предложилъ и профессоръ кіевской духовной академіи А. И. Булгаковъ, тоже находящій противорѣчіе въ ученіи англиканъ о священствѣ, только усматривающій это противорѣчіе не между названными двумя оффиціальными вѣроизложеніями XVI в., а между ученіемъ этихъ вѣроизложеній и нынѣшняго протестантскаго направленія въ англиканскомъ богословіи съ одной стороны и между ученіемъ высокоцерковнаго направленія съ другой, и притомъ не только въ томъ, что касается собственно акта посвященія, но и въ томъ, что касается вообще священнаго служенія въ церкви. XXXIX членовъ,—полагаетъ этотъ авторъ,—отрицая священнотаинственный характеръ рукоположеній на служеніе въ церкви, даютъ основаніе видѣть въ англиканской іерархіи не древне-вселенское священство, а простое служеніе, подобное другимъ служеніямъ въ человѣческой общественной жизни; іерархія не представляется въ нихъ собственно учрежденіемъ божественнымъ, необходимымъ для церковной жизни. Не является она такою и съ точки зрѣнія книги рукоположеній. Такіе же взгляды развиваютъ и современные богословы протестантскаго направленія. Но въ XVII и особенно въ XIX в. у богослововъ высокоцерковнаго направленія наблюдается попытка приблизить англиканское уче-

ніе объ іерархіи къ ученію древней церкви. Если указанное противорѣчіе прекратится, если выяснится, что англиканство смотритъ на іерархію правильно, то и вопросъ о дѣйствительности рѣшится въ утвердительномъ смыслѣ. Подробнѣе развить своего взгляда авторъ не успѣлъ, и его работа осталась неоконченною [1]). Не трудно, однако, замѣтить, что противорѣчіе въ ученіи англиканъ, указываемое имъ, оказывается гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ опытѣ проф. В. А. Соколова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предлагаемое имъ рѣшеніе способно вызвать болѣе сильныя возраженія противъ себя, поскольку и послѣ него остается мѣсто для сомнѣнія въ томъ, достаточно ли будетъ даже единодушнаго принятія современными англиканскими богословами истиннаго понятія о священствѣ и іерархіи для того, чтобы уврачевать такой важный недостатокъ въ прошломъ, какъ отрицаніе въ обоихъ оффиціальныхъ вѣроизложеніяхъ ученія о богоустановленности іерархическаго служенія. Профессоръ казанской духовной академіи В. А. Керенскій сущность вопроса объ англиканской іерархіи сводитъ къ тому, признаетъ или непризнаетъ англиканская церковь священство таинствомъ, и, находя, что всѣ вообще символическія книги англиканской церкви не признаютъ въ существѣ дѣла благодати священства, затрудняется признать англиканскія посвященія дѣйствительными [2]).

Я не буду останавливаться на не имѣющемъ серьезнаго значенія разсужденіи А. Рождественскаго, доказывающаго, что англиканская церковь признаетъ богоустановленною только одну пресвитерскую степень, и потому ея посвященія недѣйствительны [3]), и въ заключеніе своего обзора православной литературы объ англиканской іерархіи упомяну о сочиненіи по этому вопросу греческаго автора, профессора халкинской богословской школы Х. Андруцоса, печатавшемся въ

---

[1]) Проф. *А. Булгаковъ*, О законности и дѣйствительности англиканской іерархіи съ точки зрѣнія православной церкви. Вып. I. Кіевъ 1906; ср. статью того же автора: „Іерархія англиканская“ въ „Правосл. богосл. энциклопедіи“, т. VI, подъ ред. проф. *Н. Н. Глубоковскаго*, Спб. 1905, ст. 264—269.

[2]) Проф. *В. А. Керенскій*, Къ вопросу о дѣйствительности англиканскихъ посвященій (Отд. отт. изъ „Правосл. Собесѣдника“ 1897 г. № 5), стр. 20—22.

[3]) *А. Рождественскій*, Всѣ ли три степени церковной іерархіи признаются въ англиканствѣ богоустановленными? Кутаисъ 1901.

органѣ константинопольской патріархіи: «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» за 1903 г. [1]). У этого изслѣдователя есть одна заслуживающая вниманія особенность въ постановкѣ вопроса, свидѣтельствующая о чуткости его къ традиціямъ восточной церкви въ отношеніи къ хиротоніямъ инославныхъ обществъ. Андруцосъ отказывается ставить вопросъ о признаніи дѣйствительною англиканской іерархіи въ ея цѣломъ. Признать въ принципѣ дѣйствительность англиканскаго священства значитъ, по его мнѣнію, признать англійскую церковь частію истинной церкви, что противорѣчило бы началамъ православія, по которымъ общества, отдѣлившіяся отъ православія, не могутъ мыслиться входящими въ составъ церкви. Согласно съ этимъ, авторъ и изслѣдованіе ведетъ не о дѣйствительности англиканской іерархіи вообще, а о томъ, какъ относиться къ отдѣльнымъ лицамъ англиканскаго исповѣданія, имѣющимъ духовный санъ и присоединяющимся къ церкви, причемъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, при помощи принципа οἰκονομία, въ общемъ все-таки довольно благопріятно для англиканъ, допуская возможность признанія ихъ сана, полученнаго въ англиканствѣ [2]). Напротивъ другой гре-

---

[1]) Χ. Ἀνδρούτσος, Τὸ κῦρος τῶν ἀγγλικῶν χειροτονιῶν ἐξ ἐπόψεως ὀρθοδόξου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1903. Переведено на англійскій языкъ *F. W. Groves Campbell'ем* подъ заглавіемъ: *Chr. Androutsos*, The Validity of English Ordinations from an Orthodox Catholic Point of View. London 1909.

[2]) Андруцосъ находитъ, что неправое протестантское ученіе XXXIX членовъ о числѣ таинствъ, объ евхаристіи и о жертвѣ смягчается частію заявленіями англиканской богослужебной книги, частію болѣе близкимъ къ православному ученіемъ англиканскихъ богослововъ высокоцерковнаго направленія. „Поскольку,—говоритъ онъ въ заключеніе,—высокая церковь принимаетъ благодать, преподаваемую въ священствѣ, не держится кальвинистическаго ученія объ евхаристіи и не имѣетъ въ виду какъ либо иначе повреждать жреческую природу священства, догматическія затрудненія съ англиканскими хиротоніями съ православной точки зрѣнія... могутъ получить болѣе благопріятное рѣшеніе, нежели какое получили у папы и у голландскихъ старокатоликовъ". Но для окончательнаго устраненія этихъ затрудненій англиканская церковь, по мнѣнію Андруцоса, должна на общемъ соборѣ своихъ епископовъ принять за основаніе и начало, вмѣсто XXXIX членовъ, ученіе древней церкви. Въ особенности „высокая церковь" должна ясно и оффиціально опредѣлить свое ученіе относительно священства и связанныхъ съ нимъ другихъ догматовъ, а именно опредѣлить: 1) принимаетъ ли она семь таинствъ, 2) считаетъ ли исповѣдь необходимымъ условіемъ для отпущенія грѣховъ и признаетъ ли, что священникъ отпускаетъ грѣхи властію, данною ему отъ Господа, 3) признаетъ ли дѣйствительное присутствіе Господа въ евхаристіи и жертвенный характеръ евхаристіи и 4) прини-

ческій богословъ, профессоръ аѳинскаго университета І. Месолорасъ, рѣшительно признаетъ англиканскія рукоположенія недѣйствительными вслѣдствіе отрицанія англиканскою церковію за священствомъ значеніе таинства [1]).

Положительно высказался за дѣйствительность англиканской іерархіи въ 1910 г. новый архіепископъ смирнскій Хрисостомъ [2]). О патріархѣ іерусалимскомъ Герасимѣ сообщалось англиканами, что онъ, въ присутствіи архидіакона Даулинга, высказалъ епископу іерусалимскому Бляйзсу свою личную увѣренность въ томъ, что священство въ англиканской церкви дѣйствительно [3]). Въ 1907 г. названный епископъ іерусалим-

---

маетъ ли вселенскіе соборы, какъ непогрѣшимые органы истинной церкви, опредѣленія которыхъ тѣмъ самымъ обязательны для каждой частной церкви и для каждаго истинно вѣрующаго. „Если высокая церковь опредѣлитъ эти догматы и на законномъ соборѣ изложитъ православное ученіе и относительно другихъ пунктовъ, то этимъ она устранитъ всякое сомнѣніе относительно англиканской іерархіи“ (Τὸ κῦρος etc. о. 82—83; ср. The Validity etc. p. 113—114). Въ этихъ разсужденіяхъ нѣсколько сбивчивымъ является представленіе автора о „высокой церкви“, которая въ дѣйствительности никакихъ своихъ особыхъ соборовъ не имѣетъ и имѣть не можетъ.

[1]) Ἰ. Μεσολωρᾶς, Συμβολικὴ τῆς ὀρθοδόξου ἀνατολικῆς ἐκκλησίας, τ. Β′, ἐν Ἀθήναις 1904, σ. 336. Менѣе опредѣленны сужденія объ апостольскомъ преемствѣ въ англиканской церкви Н. Дамаласа. Онъ полагаетъ, что англиканская церковь, объявивъ въ XXI членѣ своего исповѣданія древнюю каѳолическую церковь погрѣшимою и погрѣшавшею на вселенскихъ соборахъ даже въ вопросахъ вѣры и измѣнивъ и отвергнувъ въ разныхъ пунктахъ ея ученіе, тѣмъ самымъ признала эту церковь лишившеюся самаго существеннаго признака апостольскаго достоинства, т. е. непогрѣшимаго храненія истины, и потерявшею апостольское преемство, а такъ какъ сама она съ апостольскою церковью связана была преемствомъ именно чрезъ древнюю каѳолическую церковь, то слѣдовательно она нанесла смертельный ударъ и своему собственному апостольскому преемству. Но если бы англиканскіе епископы на общемъ соборѣ своемъ (авторъ писалъ въ 1867 г., когда предстоялъ первый общій съѣздъ епископовъ англиканскаго исповѣданія, т. н. ламбетская конференція) приняли истинное „историческое“ опредѣленіе церкви, какъ непогрѣшимой хранительницы истины, представляемой вселенскими соборами, управляемой апостолами и ихъ преемниками, епископами, то, по мнѣнію названнаго греческаго богослова, этимъ самымъ опредѣленіемъ они прямо показали бы себя подлинными преемниками апостольскаго достоинства (Ν. Δαμαλᾶς, Περὶ τῆς σχέσεως τῆς ἀγγλικῆς ἐκκλησίας προς τὴν ὀρθόδοξον. Ἐν Λονδίνῳ 1867, σ. 67—72).

[2]) „*Eirene*“. The official Organ of the Anglican and Eastern-Orthodox Churches Union. 1910 august, № 4, p. 23, 24.

[3]) См. слѣд. примѣчаніе.

скій обращался къ патріарху іерусалимскому Даміану съ предложеніемъ высказаться по вопросу о формальномъ признаніи англиканскаго крещенія и священства, въ случаѣ какового признанія англиканская церковь могла бы вести переговоры о соединеніи. Патріархъ уклонился отъ отвѣта, объяснивъ, что его богословы убѣдились въ невозможности полнаго признанія дѣйствительности этихъ таинствъ, и что многоразличныя причины не дозволяютъ восточной православной церкви признать дѣйствительность ихъ, уступки же, дѣлавшіяся иногда въ этихъ пунктахъ, не означаютъ отнюдь полнаго признанія. Подобные вопросы, — прибавлялъ патріархъ,—могутъ быть рѣшены, когда будутъ предложены отъ всей англиканской церкви всей восточной церкви и вмѣстѣ со всѣми другими вопросами [1]).

Что касается практики православной церкви въ отношеніи къ англиканскимъ ординаціямъ, то она не расходится съ р.-католической, и тѣ немногія духовныя лица, которые переходили изъ англиканства въ православіе и допускались до священнослуженія, насколько мнѣ извѣстно, всѣ должны были быть предварительно рукоположены вновь. Такъ когда въ 1862 г. присоединился къ православію англиканскій священникъ Ричардсонъ и просилъ рукоположить его въ священный санъ, то Св. Синодъ поручилъ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому удовлетворить это его «благочестивое желаніе». До рукоположенія, впрочемъ, дѣло тогда не дошло, такъ какъ проситель тяжко заболѣлъ ревматизмомъ и, потерявъ почти совершенно способность ходить, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія служить церкви въ духовномъ званіи [2]). Въ 1904 г. преосв. Тихонъ, архіепископъ алеутскій, обращался въ Св. Синодъ съ просьбою о руководственныхъ указаніяхъ относительно того, какъ принимать духовныхъ лицъ американской епископальной церкви въ случаѣ ихъ присоединенія къ православію. Св. Синодъ предложилъ вопросъ на обсужденіе коммиссіи по старокатолическому и англиканскому вопросамъ, которая, имѣя въ виду извѣстное уже намъ мнѣніе митропо-

---

[1]) „The Guardian", 1907, 11 december № 3236, p. 2038; прот. *Е. Смирновъ*, Новая знаменательная ступень во взаимоотношеніи Церквей: англиканской и восточно-православной („Церк. Вѣдомости" 1908, № 3, стр. 141; № 4, стр. 188).

[2]) *П. Образцовъ*, О попыткахъ къ соединенію англійской епископальной церкви съ православною („Прав. Обозрѣніе", 1866, т. 19, стр. 248—249, 258).

лита Филарета, высказалась за совершеніе надъ такими лицами условнаго рукоположенія [1]). Св. Синодъ не одобрилъ однако такого рѣшенія, какъ кажется, въ виду неизвѣстности и неимѣнія въ православной церкви подобной формы рукоположенія, и предписалъ рукополагать присоединяющихся англиканскихъ пасторовъ безъ всякихъ условій. На основаніи указа Св. Синода преосв. Тихономъ рукоположенъ былъ въ 1905 г. священникъ американской епископальной церкви, впрочемъ низложенный въ своей церкви, д-ръ Ирвайнъ [2]). Въ 1907 г. въ Константинополѣ рукоположенъ былъ священникъ той же церкви Робертъ Морганъ [3]). При отрицательномъ взглядѣ константинопольской церкви на дѣйствительность крещенія въ западныхъ религіозныхъ обществахъ новое рукоположеніе англиканскихъ священниковъ и вообще должно представляться дѣломъ довольно естественнымъ, хотя и тутъ можетъ приходить на помощь англиканамъ οἰκονομία.

Обзоръ сужденій и отзывовъ православныхъ богослововъ по вопросу объ англиканской іерархіи приводитъ насъ къ заключенію, которое уже было высказано. Православная богословская мысль, разсматривая препятствія къ признанію этой іерархіи дѣйствительною, останавливается преимущественно на неправильномъ ученіи англиканской церкви о священствѣ, какъ таинствѣ. Можно сказать, что главное возраженіе съ православной стороны противъ англиканской іерархіи направлено именно на это ученіе. Мы знаемъ уже, что главное,—если не единственное теперь,—р.-католическое возраженіе противъ этой іерархіи имѣетъ своимъ предметомъ ученіе англиканской церкви о власти освящать и приносить въ жертву Тѣло и Кровь Христовы. На этихъ двухъ пунктахъ я и остановлюсь теперь, такъ какъ всѣ другія возраженія, извѣстныя въ литературѣ, частію уже разъяснены, частію не имѣютъ, по моему мнѣнію, безусловно рѣшающаго значенія для такого или иного сужденія объ англиканской іерархіи.

---

[1]) Замѣчанія объ американской „Книгѣ общихъ молитвъ“ („Христ Чтеніе“ 1904, декабрь, стр. 807).

[2]) „Церковн. Вѣстникъ“, 1905, № 51—52, ст. 1637—1638.

[3]) *Chr. Androutsos*, The Validity of English Ordinations, Preface by *F. W. Groves Campbell*, p. VII, n. 1. Въ книгѣ *F. G. Lee*, The Church under Queen Elizabeth. Vol. I (London 1880), p. 99, упоминается о перерукоположеніи архіепископомъ сиросско-тиносскимъ (Ликургомъ) священника американской епископальной церкви Джемса Кристаля (Chrystal).

Что касается, во-1-хъ, ученія англиканской церкви о посвященіи въ іерархическія степени, то большинство православныхъ авторовъ утверждаетъ, что англиканская церковь не признаетъ священство таинствомъ, и что поэтому ея рукоположенія по меньшей мѣрѣ сомнительны, и лишь очень немногіе держатся того мнѣнія, что ученіе англиканской церкви въ данномъ пунктѣ не вполнѣ опредѣленно и нѣсколько противорѣчиво, и потому для отрицательнаго приговора надъ англиканскою іерархіею не имѣется твердаго основанія. И то и другое мнѣніе основывается прежде всего на текстѣ XXV члена вѣры. Этотъ членъ вѣры въ той части, которая говоритъ о числѣ таинствъ, читается такъ: «Два таинства установлены Христомъ Господомъ нашимъ въ евангеліи, крещеніе и вечеря Господня. Тѣ пять, обычно называемыхъ таинствами, т. е. конфирмація, покаяніе, священство, бракъ и послѣднее помазаніе, не должны считаться таинствами евангельскими, такъ какъ частію возникли изъ неправаго подражанія апостоламъ, частію являются состояніями жизни, дозволенными въ св. писаніи, но не имѣютъ природы таинствъ, одинаковой съ крещеніемъ и евхаристіей, такъ какъ не имѣютъ какого-либо видимаго знака или церемоніи, установленной Богомъ». Англиканскіе комментаторы этого члена объясняютъ, что священство и другія таинства въ этомъ членѣ не исключаются совершенно изъ числа таинствъ, а только признаются таинствами особаго отъ первыхъ двухъ разряда, не такими, какъ тѣ, не евангельскими, но все-таки дѣйствительными таинствами [1]). Изъ текста члена однако можно видѣть, что «не должно считать таинствами евангельскими» означаетъ: «не должно считать истинными таинствами». Въ самомъ дѣлѣ эти неевангельскія таинства не только не имѣютъ установленнаго Богомъ видимаго знака, но и вообще представляются, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, не установленными Богомъ, поскольку признаются состояніями жизни, только дозволенными въ св. писаніи. Имъ не достаетъ слѣд. основнаго признака таинства, входящаго въ самое опредѣленіе таинства, данное въ томъ же членѣ: «таинства, установленныя Христомъ, суть не только знаки христіанскаго исповѣданія» и проч. Мало того, съ ними

[1]) *E. H. Browne*, An Exposition of the Thirty-Nine Articles. 13-th edition. London 1887, p. 582; *A. P. Forbes*, An Explanation of the Thirty-Nine Articles. 5-th edition. London 1887, p. 449—451.

уживается даже такой признакъ, какъ происхожденіе изъ неправаго подражанія апостоламъ, слѣд. происхожденіе чисто человѣческое, и какъ все неправое, какъ всякое злоупотребленіе, — неугодное Богу. Нельзя ничего извлечь въ пользу этой идеи «неевангельскихъ», въ смыслѣ не имѣющихъ установленнаго въ евангеліи знака, но все же истинныхъ, таинствъ и изъ выраженія члена о пяти таинствахъ, что они «обычно» (vulgo, commonly) называются таинствами: и Кальвинъ въ своемъ «Institutio» говоритъ объ этихъ таинствахъ, что они «обычно (vulgo) причисляются къ истиннымъ и подлиннымъ таинствамъ Господа», но здѣсь же самъ доказываетъ, что они ложно (falso) считались доселѣ за таинства [1]). Напрасно ссылаются также на слова оффиціально одобренной англиканскою церковью книги гомилій о пяти таинствахъ, что они суть «не такія таинства, какъ крещеніе и причащеніе», и пытаются доказать ими, что таинствами все таки эти пять признаются, только не въ томъ смыслѣ, какъ крещеніе и причащеніе. Стоитъ только прочесть, что говорится далѣе въ данной гомиліи, чтобы видѣть, что это за другой смыслъ. «Въ общемъ смыслѣ,—читаемъ здѣсь,—названіе таинствъ можно прилагать къ чему угодно, чрезъ что обозначается священная вещь», къ разнымъ обрядамъ, напр. къ помазанію елеемъ, омовенію ногъ и т. под. [2]). Ясно, что это такой смыслъ, который не только отдѣляетъ пять таинствъ отъ двухъ, но и совершенно выводитъ ихъ за предѣлы понятія таинства въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны и англиканскій чинъ посвященій въ степени вовсе не придаетъ священству всѣхъ признаковъ таинства. Онъ ничего не говоритъ о божественномъ установленіи акта посвященія, а только о божественномъ установленіи вообще священнаго служенія въ церкви. Богоустановленность же священнаго служенія въ этомъ смыслѣ открыто признавали и Меланхтонъ и Кальвинъ. Въ виду всего этого, приходится признать, что какой бы смыслъ ни влагали въ XXV членъ англиканскіе комментаторы, по прямому своему и буквальному смыслу этотъ членъ содержитъ ученіе о пяти таинствахъ, не отличающееся существенно отъ общепротестантскаго, т. е. не

---

[1]) *Calvinus*, Institutio christianae religionis, l. IV, c. XIX, 1 (ed. A. Tholuck, Berolini 1834, p. 454).

[2]) An Homily of Common Prayer and Sacraments (Certain Sermons or Homilies, London 1864, p. 377).

придаетъ этимъ таинствамъ достоинства таинствъ въ собственномъ смыслѣ.

Относительно ученія англиканской церкви объ евхаристической жертвѣ и о власти священника освящать и приносить эту жертву, послужившаго основаніемъ для отрицательнаго рѣшенія вопроса о дѣйствительности англиканской іерархіи въ церкви р.-католической, въ православной литературѣ, за исключеніемъ сочиненія Андруцоса, опытовъ разъясненія и оцѣнки англиканскихъ заблужденій мы не находимъ. Намъ извѣстно, что говоритъ папа Левъ XIII объ отношеніи къ власти священника освящать и приносить жертву англиканскаго чина посвященій. Онъ утверждаетъ, что во всемъ чинѣ нѣтъ никакого упоминанія объ этой власти и даже намека на нее, и что это опущеніе было сдѣлано намѣренно, такъ какъ составители чина отрицали эту власть. Въ доказательство папа ссылается на обстоятельства происхожденія чина и на образъ мыслей его составителей. Защитники папской буллы привлекаютъ сюда еще исторію реформы литургіи въ англиканской церкви и изложеніе ученія объ евхаристіи и жертвѣ въ XXXIX членахъ.

Я остановлюсь сначала на этихъ двухъ оффиціальныхъ документахъ англиканской церкви, на литургіи и на XXXIX членахъ, и отмѣчу, что они даютъ по интересующему насъ вопросу. Реформа литургіи въ Англіи совершилась въ существенномъ въ два пріема: сначала въ 1549 г. составленъ былъ новый чинъ литургіи взамѣнъ р.-католической мессы (въ 1-й «Книгѣ» Эдуарда VI), потомъ въ 1552 г. этотъ новый чинъ былъ подвергнутъ новой реформѣ (во 2-й «Книгѣ» Эдуарда VI). Если мы прослѣдимъ идейную сторону измѣненій, явившихся въ результатѣ той и другой реформы, то мы увидимъ, что первая реформа состояла въ устраненіи изъ литургіи идеи жертвы Тѣла и Крови Христовой въ истинномъ смыслѣ, а вторая въ устраненіи идеи и реальнаго объективнаго присутствія Тѣла и Крови Христовыхъ въ евхаристіи [1]).

---

[1]) *G. Constant.* La transformation du culte anglican sous Edouard VI („Revue d'Histoire Ecclésiastique" 1911, № 1, p. 38; № 2, p. 242; № 3, p. 474); *N. Dimock.* Papers on the Doctrine of the English Church. Vol II. London 1911, p. 283. Въ русской литературѣ обзоръ измѣненій въ англиканской литургіи данъ въ книгѣ *А. Рождественскаго,* Символическія и богослужебныя книги англиканской церкви, какъ выраженіе ея вѣросознанія. Кіевъ 1908, стр. 381—408.

Въ 1-й книгѣ Эдуарда VI литургія, вмѣсто по преимуществу жертвенной службы, какою она является въ церкви р.-католической, получила характеръ службы причастной, и идея литургической жертвы ослаблена была до мысли о жертвѣ молитвъ, благодарственныхъ, хвалебныхъ и просительныхъ; устранено было также все, что могло напоминать доктрину о пресуществленіи, хотя вѣра въ реальное присутствіе Тѣла и Крови Христовыхъ въ евхаристіи еще не исключалась. При новой реформѣ сдѣланы были новыя и очень рѣшительныя измѣненія въ реформатскомъ духѣ. Они направлялись къ тому, чтобы устранить всякую мысль о какой бы то ни было перемѣнѣ, происходящей съ самыми св. дарами, и всю силу священнодѣйствія чисто по-кальвинистски положить въ однихъ голько спасительныхъ слѣдствіяхъ причащенія для вѣрующихъ. Такъ изъ молитвы освященія опущено было призываніе Слова и Св. Духа; опущено было благословеніе св. даровъ и вмѣсто словъ молитвы: «благоволи благословить и освятить эти твои дары и созданія, хлѣбъ и вино, чтобы они были намъ Тѣломъ и Кровію возлюбленнаго Сына Твоего Іисуса Христа» поставлено: «даруй, чтобы мы, принимая эти твои созданія, хлѣбъ и вино, по святому установленію Сына Твоего, Спасителя нашего Іисуса Христа, въ воспоминаніе Его смерти и страданія были причастниками Его преблагословеннаго Тѣла и Крови». Послѣ молитвы освященія сразу поставлено причащеніе съ явною цѣлію не дать мѣста приношенію св. даровъ, вслѣдствіе чего молитва приношенія оказалась помѣщенною уже послѣ причащенія и получила смыслъ скорѣе благодарственной молитвы; прошеніе о томъ, чтобы всѣ пріобщающіеся «достойно приняли драгоцѣннѣйшее Тѣло и Кровь Іусуса Христа» изъ ней было опущено. Въ молитвѣ передъ причащеніемъ въ 1-й книгѣ говорилось: «даруй намъ вкушать плоть Твоего Сына и пить кровь Его въ этихъ св. тайнахъ». Теперь слова: «въ этихъ св. тайнахъ» опущены. Разъясненіе, что въ каждой части евхаристическаго хлѣба принимается все Тѣло Христово, опущено. Вездѣ видимъ какую-то боязнь и нежеланіе мыслить, что подъ видами хлѣба и вина присутствуютъ Тѣло и Кровь Христовы. Тщательно изглажены были при ревизіи 1552 г. и послѣдніе слѣды усвоенія евхаристіи умилостивительно-жертвеннаго значенія: въ заглавіи уничтожено названіе литургіи «мессою»; вмѣсто слова «алтарь» вездѣ поставлено «столъ»; этотъ столъ предписано ставить посреди церкви,

а священнику стоять не передъ нимъ, а съ сѣверной стороны, чтобы не походить на жертвоприносителя, посредника между народомъ и Богомъ. Формула преподанія св. даровъ въ 1-й книгѣ была слѣдующая: «Тѣло (или: Кровь) Господа нашего Іисуса Христа, преданное (или: излитая) за тебя, да сохранитъ твое тѣло и душу въ жизнь вѣчную». Теперь она была замѣнена новою: «пріими и вкуси (или: пей) *это* въ воспоминаніе о томъ, что Іисусъ Христосъ умеръ за тебя, и питайся Имъ въ сердцѣ своемъ вѣрою съ благодареніемъ». Наконецъ по поводу предписанія принимать причащеніе колѣнопреклоненно сдѣлано было въ знаменитой «черной рубрикѣ» объясненіе, что «преклоненіемъ колѣнъ не имѣется въ виду воздавать поклоненіе реальному и существенному присутствію естественной Плоти и Крови Христовыхъ, но сакраментальные хлѣбъ и вино остаются, какъ и были, съ тѣми же реальными субстанціями, а естественное тѣло Христово находится на небѣ, а не здѣсь», т. е. прямо отвергнуто реальное присутствіе Тѣла Христова. Въ первый годъ царствованія Елизаветы (1559), сдѣланы были, правда кое-какія смягченія, но общій характеръ службы остался въ существенномъ безъ измѣненія. И я думаю, что кто читалъ критику 2-й книги Эдуарда даже въ нынѣшнемъ ея видѣ самими высокоцерковниками по поводу начатаго нынѣ дѣла о пересмотрѣ ея [1]), тотъ не найдетъ сдѣланнаго выше изображенія недостатковъ этой книги особенно пристрастнымъ или преувеличеннымъ. Устанавливаемое сравненіемъ двухъ книгъ Эдуарда общее направленіе мысли руководящихъ церковныхъ дѣятелей того времени въ отношеніи къ евхаристіи бросаетъ достаточный свѣтъ и на измѣненія, сдѣланныя при пересмотрѣ католическихъ чиновъ посвященій въ степени. Англиканскіе архіепископы въ своемъ отвѣтѣ на буллу «Apostolicae curae» увѣряютъ, что измѣненія сдѣланы были съ цѣлію приблизить чины къ древней простотѣ, и что опущены были только части несущественныя, составляющія въ самихъ католическихъ чинахъ позднѣйшія прибавленія [2]). Въ виду неизмѣнно получавшихся въ результатѣ литургическихъ реформъ измѣненій самаго содержанія понятія евхаристіи, трудно однако было бы отрицать,

---

[1]) См. напр., заявленіе лорда Галифакса, „Церк. Вѣстн." 1911, № 49, стр. 1550—1551.

[2]) Responsio Archiepiscoporum Angliae ad litteras apostolicas Leonis Papae XIII De ordinationibus Anglicanis, § 18—19 (London 1897), p. 28—34.

что составителями новыхъ чиновъ преслѣдовались и доктринальныя цѣли приспособленія богослуженія къ новымъ вѣрованіямъ [1]).

Если мы обратимся теперь къ XXXIX членамъ, то увидимъ, что и здѣсь изложеніе ученія объ евхаристіи наклонено въ ту же сторону, къ представленію присутствія Тѣла и Крови Христовыхъ не реальнымъ и объективнымъ, а только виртуальнымъ, т. е. къ мысли объ усвоеніи причащающимися лишь силы и благодати Тѣла и Крови Христовыхъ, а не къ признанію дѣйствительнаго вкушенія ими этого Тѣла и Крови. По крайней мѣрѣ мысль о реальномъ и объективномъ присутствіи Тѣла и Крови Христовыхъ не находитъ для себя въ данномъ вѣроизложеніи сколько-нибудь достаточнаго выраженія. Въ XXVIII членѣ говорится, что «правильно, достойно и съ вѣрою принимающимъ хлѣбъ, который преломляемъ, есть пріобщеніе Тѣла Христова, а чаша благословенія пріобщеніе Крови Христовой». И здѣсь слѣд. въ символическомъ опредѣленіи таинства такъ же, какъ и въ литургіи, мысль останавливается не на вкушаемомъ, а на слѣдствіи вкушенія. А что «пріобщеніе» Тѣла и Крови Христовыхъ не предполагаетъ еще дѣйствительнаго присутствія послѣднихъ въ евхаристіи, это ясно видно изъ того, что въ редакціи 1553 г. (XXIX членъ въ 42-хъ членахъ) за означенными словами слѣдовалъ параграфъ въ которомъ прямо говорилось, что «никто не долженъ вѣрить или исповѣдывать реальное и тѣлесное присутствіе Плоти и Крови Христовыхъ въ евхаристіи». Правда, въ 1563 г. этотъ параграфъ былъ опущенъ и вмѣсто него мы теперь читаемъ, что «Тѣло Христово дается, принимается и вкушается на вечери только небеснымъ и духовнымъ образомъ; средство же, которымъ Тѣло Христово дается, принимается и вкушается на вечери, есть вѣра». Но и тутъ опять имѣется въ виду только слѣдствіе вкушенія, такъ какъ именно для него, т. е. для спасительности вкушенія, необходимымъ средствомъ является вѣра, и при столь явномъ логическомъ удареніи на слѣдствіи вкушенія теряетъ свою силу и то различеніе между «дается» «принимается» и «вкушается» [2]), въ которомъ хотятъ иногда найти

[1]) *G. Constant*, La transformation du culte anglican sous Edouard VI („Rev. d'Hist. Eccl." 1911 № 3, p. 479). *N. Dimock*, Papers on the Doctrine of the English Church concerning the Eucharistic Presence. Vol. II, p. 356.

[2]) *N. Dimock*, Papers on the Doctrine of the English Church concerning the Eucharistic Presence, vol. II, p. 404 ff.

моментъ признанія объективнаго присутствія Тѣла Христова [1]), хотя на самомъ дѣлѣ подобные обороты, какъ показываетъ Димокъ, вполнѣ свойственны и чисто кальвинистическому языку. Менѣе твердое основаніе къ возраженіямъ противъ ученія XXXIX членовъ объ евхаристіи даетъ содержащееся въ томъ же XXVIII членѣ прямое отрицаніе пресуществленія хлѣба и вина въ евхаристіи, такъ какъ возможно, что это отрицаніе имѣетъ въ виду не столько самую идею истиннаго и дѣйствительнаго присутствія Тѣла Христова, сколько философскій элементъ, безспорно присущій этой доктринѣ, особенно въ схоластическомъ ея выраженіи, но тенденція къ рецепціонизму въ ученіи объ евхаристіи заявляетъ себя и въ XXIX членѣ: «о томъ, что нечестивые не вкушаютъ Тѣла Христова», хотя собственно въ текстѣ этого члена (въ отличіе отъ заглавія) прямо утверждается лишь то, что нечестивые и лишенные живой вѣры «не дѣлаются причастниками Христа».

Наконецъ въ XXXI членѣ англиканскаго исповѣданія отвергается католическое ученіе о жертвоприношеніи мессы. «Приношеніе Христа, однажды совершенное,—читаемъ здѣсь,—есть полное искупленіе, умилостивленіе и удовлетвореніе за всѣ грѣхи всего міра, какъ первородный, такъ и актуальные. И кромѣ этой единственной жертвы нѣтъ никакого другаго искупленія за грѣхи. Поэтому жертвоприношенія мессъ, въ которыхъ, какъ обычно говорилось, священникъ приноситъ въ жертву Христа во отпущеніе наказанія или вины за живыхъ и умершихъ, суть богохульныя выдумки и пагубные обманы». Первая половина члена выражаетъ вполнѣ правильную мысль о единомъ приношеніи Христовомъ. Изъ этой мысли слѣдовало, что жертва, приносимая священникомъ, не должна считаться повтореніемъ или восполненіемъ жертвы Христовой, а имѣетъ свою силу, поскольку составляетъ едино съ жертвою голгоѳскою. Вмѣсто этого мы видимъ осужденіе въ рѣзкихъ выраженіяхъ вообще жертвоприношенія мессы. Англиканскіе комментаторы даннаго члена увѣряютъ, что отрицаніе здѣсь относится собственно къ ходячимъ въ то время среди католиковъ неправымъ представленіямъ объ евхаристической жертвѣ,

[1]) *A. P. Forbes*, An Explanation of the Thirty-Nine Articles, p. 559—560; *E. C. S. Gibson*, The Thirty-Nine Articles of the Church of England, p. 661; *C. C. Grafton*, The Reunion of Oriental and Anglican Churches. Milwaukee 1904, p. 15—16.

напр. къ такому пониманію ея, по которому Христосъ принесъ себя въ жертву для освобожденія людей отъ одного лишь первороднаго грѣха, для очищенія же отъ грѣховъ собственныхъ или произвольныхъ установилъ жертвоприношенія мессы [1]). Существованіе ложныхъ взглядовъ этого рода отрицать, конечно, невозможно [2]). Но нельзя не признать, что составители члена, желая осудить католическое заблужденіе, пошли слишкомъ далеко и употребили такія выраженія, которыя даютъ основаніе думать, что они отвергаютъ самую мысль объ евхаристіи, какъ истинной умилостивительной жертвѣ. Такое предположеніе имѣетъ для себя достаточное оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ литургическое и символическое выраженіе англиканскаго ученія объ евхаристіи не даетъ мысли о реальномъ объективномъ присутствіи Тѣла и Крови Христовыхъ въ евхаристіи и объективномъ вкушеніи ихъ причающимися и, какъ можно видѣть изъ приводившихся измѣненій въ литургіи, намѣренно ослабляетъ содержаніе этого таинства до идеи причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ въ сердцѣ вѣрою. При такомъ пониманіи евхаристіи не оставалось, конечно, мѣста и для идеи принесенія въ жертву на литургіи истиннаго Тѣла и Крови Христовыхъ, и идея евхаристической жертвы должна была подвергнуться соотвѣтствующему преобразованію. Въ англиканской литургіи дѣйствительно говорится лишь о «жертвѣ хвалы и благодаренія», о приношеніи нами самихъ себя, нашихъ душъ и тѣлесъ въ «разумную, святую и живую жертву Богу», о жертвѣ наконецъ «нашего священнаго долга и служенія». И англиканскіе архіепископы, вызванные буллою Льва XIII на объясненіе относительно пониманія жертвы въ англиканской церкви, своимъ отвѣтомъ также подтверждаютъ сдѣланное выше заключеніе, что жертвы Тѣла и Крови Христовыхъ въ собственномъ смыслѣ англиканская церковь не знаетъ. «Сначала,—говорятъ въ своемъ отвѣтѣ архіепископы,—мы приносимъ жертву хвалы и благодаренія, затѣмъ напоминаемъ Отцу о крестной жертвѣ и съ дерзновеніемъ просимъ отпущенія грѣховъ, а также всѣхъ другихъ благодѣяній отъ страданій Господа для всей вселенской церкви; наконецъ, мы приносимъ въ жертву самихъ себя

[1]) *E. C. S. Gibson*, The Thirty-Nine Articles of the Church of England, p. 692.

[2]) *B. J. Kidd*, The Later Mediaeval Doctrine of the Eucharistic Sacrifice. London 1898.

Творцу всего, жертву, которую мы уже выразили возношеніемъ Его твореній. Все это дѣйствіе, въ которомъ народъ необходимо долженъ принимать участіе вмѣстѣ со священниками, мы обыкновенно называемъ евхаристическою жертвою» [1]). Ясно, что это не та умилостивительная жертва истиннаго Тѣла и Крови Христовыхъ, приносимыхъ на литургіи, о которой учитъ православная церковь.

Предложенное толкованіе оффиціальнаго ученія англиканской церкви объ евхаристіи и евхаристической жертвѣ не является, нужно сказать, совершенно безспорнымъ. Англиканскіе богословы высокоцерковнаго направленія, какъ уже замѣчалось выше, всячески стараются доказать, что текстъ англиканскихъ «формуляровъ ученія» вовсе не исключаетъ вѣры ни въ реальное присутствіе Тѣла Христова въ евхаристіи, ни даже въ пресуществленіе въ извѣстномъ смыслѣ и въ жертвенное значеніе евхаристіи. Такъ, одинъ изъ представителей оксфордскаго движенія Вилльямъ Пальмеръ (Ворчест. Колл.) увѣрялъ, что XXXIX членовъ, отрицая пресуществленіе, не осуждаютъ безусловно всякое измѣненіе субстанціи въ какомъ бы то ни было смыслѣ, но только то измѣненіе, которое разумѣютъ романисты; также осуждая «жертвоприношенія мессъ», не высказываются противъ ученія объ евхаристической жертвѣ, правильно понимаемой [2]). Пьюзи, считавшій ученіе о реальномъ присутствіи Тѣла и Крови Господа въ евхаристіи ученіемъ англійской церкви, не видѣлъ существеннаго различія въ вопросѣ о пресуществленіи между ученіемъ англійской церкви и между ученіемъ церкви римской, какъ оно изложено Тридентскимъ соборомъ [3]). По мнѣнію высокоцерковныхъ богослововъ, церковное правительство намѣренно придало въ свое время изложенію ученія объ евхаристіи общую, не вполнѣ опредѣленную, форму въ цѣляхъ объединенія (comprehension) въ установленной церкви протестантовъ разнаго образа мыслей относительно евхаристіи. Архіепископъ кэнтерберійскій Темпль въ своемъ пастырскомъ поученіи объ евхаристіи въ 1898 г. говорилъ, что англійская церковь учитъ, что таинство это сообщаетъ принимающимъ его

---

[1]) Responsio Archiepiscoporum Angliae ad litteras apostolicas Leonis Papae XIII, § 11, p. 17.

[2]) *W. Palmer*, A Treatise on the Church of Christ. Vol. I, 3-rd edit. London 1842, p. 399—400.

[3]) *E. B. Pusey*, An Eirenicon, in a Letter to the Author of „The Christian Year". London 1865, p. 24—25, 229.

таинственный даръ, соединяющій особымъ образомъ и въ особой степени со Христомъ, но не даетъ отвѣта на вопросъ о томъ, когда именно община, въ которой совершается евхаристія, получаетъ этотъ даръ; церковь принимаетъ ученіе Гукера, который утверждалъ, что реальное присутствіе нужно находить не въ веществѣ евхаристическомъ, а въ принимающихъ таинство, но не запрещаетъ и того ученія, что есть реальное присутствіе, присоединяемое нѣкоторымъ образомъ къ евхаристическому веществу при освященіи еще до принятія таинства [1]). Тенденція англійскихъ Членовъ религіи 1563 и 1571 гг. и Гомилій 1563 г., по мнѣнію Дарвеля Стона, состояла въ томъ, чтобы отвергнуть какъ пресуществленіе, такъ и цвингліанство, признать принятіе Тѣла и Крови Христовыхъ и оставить открытымъ вопросъ, присутствуютъ ли Тѣло и Кровь при освященіи или же только при причащеніи [2]). Въ исторіи англиканской богословской мысли мы дѣйствительно видимъ теченіе, допускающее въ той или иной степени мысль о реальномъ объективномъ присутствіи и сознающее себя при этомъ вѣрнымъ ученію своей церкви. Это теченіе уже самымъ существованіемъ своимъ свидѣтельствуетъ до извѣстной степени, кромѣ отсутствія дисциплины въ ученіи, еще и о томъ, что очертанія и границы оффиціальнаго ученія англиканской церкви не имѣютъ надлежащей рѣзкости и исключительности.

Но всѣ эти ссылки на общій, неопредѣленный характеръ изложенія ученія объ евхаристіи въ «образцахъ ученія» англійской церкви, оставляющій будто бы мѣсто для вѣры въ реальное присутствіе, не въ силахъ устранить тотъ фактъ, что прямо о реальномъ присутствіи эти «образцы» во всякомъ случаѣ *не учатъ*, и что предпринятое приспособленіе ихъ къ объединительной политикѣ правительства при Елизаветѣ состояло лишь въ смягченіи выраженія для отрицательнаго отношенія ихъ въ ихъ первоначальной формѣ къ ученію о реальномъ объективномъ присутствіи, безъ всякой попытки положительнаго выраженія этого ученія. Что главные дѣятели реформы при Эдуардѣ VI, Кранмеръ и Ридли, не признавали реальнаго присутствія, и что этотъ ихъ образъ мыслей отразился во второй «Книгѣ» Эдуарда и въ XLII членахъ, съ этимъ приходится согласиться

---

[1]) *Darwell Stone*, A History of the Doctrine of the Holy Eucharist. Vol. II. London 1909, p. 581—582.

[2]) *Darwell Stone*, Vol. II, p. 249—250.

и высокоцерковнымъ англиканскимъ богословамъ [1]). Главныя измѣненія въ «Книгѣ» при Елизаветѣ — объединеніе въ одну формулу формулъ преподанія евхаристіи первой и второй «Книгъ» и исключеніе «черной рубрики» — не могли, конечно, лишить силы идейныхъ результатовъ переработки «Книги», произведенной въ 1552 г. А о главномъ измѣненіи въ XXVIII членѣ, о новомъ параграфѣ, внесенномъ въ него, гдѣ говорится, что «Тѣло Христово дается, принимается и вкушается *только* небеснымъ и духовнымъ образомъ», самъ авторъ его, Гестъ, епископъ рочестерскій, сообщалъ, что въ приведенныхъ словахъ видѣли отрицаніе реальнаго присутствія (на самомъ дѣлѣ имъ не предполагавшееся) и считалъ желательнымъ дополнить стоящія далѣе слова: «средство же, которымъ Тѣло Христово дается, принимается и вкушается на вечери, есть вѣра», словомъ: «profitably», т. е. «съ пользою» [2]). И исторія ученія объ евхаристіи въ англиканской церкви свидѣтельствуетъ, что теоріи рецепціонизма и виртуализма были болѣе принятыми среди ея богослововъ и духовныхъ лицъ, чѣмъ ученіе о реальномъ объективномъ присутствіи. Богатый матеріалъ для доказательства этого положенія данъ въ изданномъ въ 1911 г. съ краткимъ введеніемъ епископа дургамскаго трудѣ англиканскаго священника *Н. Димока*: Papers on the Doctrine of the English Church concerning the Eucharistic Presence. 2 vols. Авторъ обозрѣваетъ здѣсь воззрѣнія на евхаристію англійскихъ реформаторовъ, авторитетныхъ англиканскихъ книгъ и документовъ, гомилій, катихизиса, литургіи и членовъ религіи, и приходитъ къ самому твердому убѣжденію, что «ученіе о реальномъ объективномъ присутствіи не было ученіемъ англійскихъ реформаторовъ и не есть ученіе англійской церкви» (Vol. I, p. VII—VIII).

Изъ ученія англиканской церкви объ евхаристіи и евхаристической жертвѣ, изложеннаго выше, и для ученія этой церкви о священствѣ получается то слѣдствіе, что содержаніе священной власти не мыслится тамъ заключающимъ въ себѣ полномочіе освящать и приносить въ жертву Тѣло и Кровь Христовы въ собственномъ смыслѣ, а развѣ лишь полномочіе приносить такую жертву, какая возможна безъ дѣйствительнаго присутствія Тѣла и Крови Христовыхъ на жертвен-

[1]) *Darwell Stone*, Vol. II, p. 125, 127—128, 140.
[2]) *Darwell Stone*, Vol. II, p. 210—212.

никѣ, т. е. жертву хвалы и благодаренія или жертву воспоминанія о крестной смерти Господа.

Такимъ образомъ и въ томъ и въ другомъ изъ двухъ пунктовъ, выдвинутыхъ исторіею вопроса о дѣйствительности англиканской іерархіи на Западѣ и на Востокѣ, англиканское ученіе представляетъ уклоненія отъ православнаго ученія: въ своихъ оффиціальныхъ вѣроизложеніяхъ англиканская церковь не признаетъ священство таинствомъ и не учитъ о приношеніи на евхаристіи истинной умилостивительной жертвы. Оба эти уклоненія при всей недоговоренности въ изложеніи засвидѣтельствованы настолько достаточно, что поддерживать принятую у насъ формулу отвѣта на вопросъ объ англиканской іерархіи, т. е. ту, что ученіе англиканской церкви о священствѣ неопредѣленно, и потому рѣшеніе вопроса зависитъ отъ того, какъ выскажется окончательно англиканская церковь, по моему мнѣнію, было бы трудно. Вопросъ объ англиканской іерархіи есть вопросъ о томъ, какія слѣдствія должны были имѣть эти заблужденія для дѣйствительности посвященій этой церкви; другими словами, о томъ, совмѣстимо ли съ ними сохраненіе въ англиканскомъ исповѣданіи подлиннаго іерархическаго строя въ томъ смыслѣ, въ какомъ его вообще можно допускать за предѣлами православной церкви. Для рѣшенія этого вопроса мы не найдемъ готовыхъ образцовъ или указаній въ правилахъ или практикѣ древней церкви относительно способа принятія приходящихъ изъ инославныхъ обществъ, такъ какъ и аналогичныхъ указаннымъ заблужденій христіанская древность не знала. Изслѣдователь предоставленъ здѣсь лишь общимъ соображеніямъ объ условіяхъ дѣйствительности таинствъ по православному ученію — области, въ богословіи недостаточно разработанной—и о важности поврежденія ученія о священствѣ въ англиканствѣ.

Указанныя догматическія заблужденія англиканской церкви, касающіяся священства являются, вообще говоря, очень серьезными и дѣлаютъ дѣйствительность англиканской іерархіи сомнительною. Рѣшеніе вопроса можетъ принадлежать, разумѣется, только Церкви. Я не предпринимаю здѣсь полнаго отвѣта на поставленный вопросъ, а позволю себѣ высказать лишь нѣсколько соображеній, которыя, по моему мнѣнію, оставляютъ нѣкоторую возможность думать, что указанныя неправыя ученія англиканской церкви касательно священства не уничтожаютъ совершенно таинство священства въ этой церкви и не

исключаютъ безусловно возможности признанія англиканскихъ посвященій дѣйствительными.

Обратимся прежде всего къ неправому ученію англиканской церкви объ евхаристическо-жертвоприносительной власти священства. Намъ извѣстна р.-католическая оцѣнка этого англиканскаго заблужденія. Въ глазахъ католиковъ такое пониманіе священства равносильно отрицанію истиннаго священства. Такой взглядъ стоитъ въ связи съ ихъ ученіемъ о сущности священства, которая у нихъ полагается прежде всего и болѣе всего въ евхаристическо-жертвоприносительной власти. Съ рѣдкою прямолинейностію это воззрѣніе на священство выражено въ посланіи кардинала Вогана, архіепископа вестминстерскаго, съ 15 епископами этой провинціи въ защиту буллы Льва XIII объ англиканскихъ посвященіяхъ. «Нашъ священникъ,—говорится здѣсь,—это тотъ, кто назначенъ и уполномоченъ приносить литургическую жертву, слѣд. тотъ, кто получилъ отъ Бога власть посредствомъ словъ освященія производить присутствіе Тѣла и Крови Христовыхъ подъ видомъ хлѣба и вина и приносить ихъ въ жертву. Онъ можетъ имѣть другія полномочія, присоединенныя къ его служенію, напр. власть прощать грѣхи; на него можетъ быть возложена также обязанность проповѣдывать слово Божіе и нести пастырское служеніе. Но эти другія полномочія и обязанности суть придаточныя.., не относятся къ его существу» [1]). Православное пониманіе священства не совпадаетъ съ католическимъ въ такой его формулировкѣ. Православная церковь вѣруетъ въ преложеніе св. даровъ и въ умилостивительное значеніе евхаристической жертвы и власть приносить эту жертву считаетъ существеннымъ полномочіемъ священника. Устами восточныхъ патріарховъ она исповѣдуетъ, что «Христосъ установилъ священство, когда установилъ жертву и сказалъ: сіе творите въ мое воспоминаніе, и когда далъ власть отпускать и удерживать грѣхи» [2]). Устами вселенскаго учителя, св. Іоанна Златоуста, она признаетъ, что въ совершеніи

---

[1]) A Vindication of the Bull „Apostolicae curae". A Letter on Anglican Orders. By the Cardinal Archbishop and Bishops of the Province of Westminster, § 13 (2-nd edit. London 1898, p. 26—27).

[2]) Посланіе патріарховъ Восточно-Каѳолической Церкви о Православной Вѣрѣ. Чл. 15 (Царская и патріаршія грамоты о учрежд. Свят. Синода, Москва 1899, стр. 29).

безкровной жертвы выражается высшая честь священства и открывается его небесное чиноположеніе [1]). Самую цѣль установленія степеней священнослуженія она видитъ въ томъ, чтобы «служити и литургисати честнымъ и пречистымъ тайнамъ» (т. е. евхаристіи). Священникъ и въ православной церкви «жрецъ и приноситель божественныхъ таинъ» [2]). Однако въ догматическомъ своемъ выраженіи православное ученіе о священствѣ не сводитъ въ такой степени, какъ католическое, сущность священства къ освященію св. даровъ и приношенію ихъ въ жертву. Обычное школьное описаніе священной власти здѣсь то, что она есть власть учить, священнодѣйствовать и управлять, и хотя власть священнодѣйствовать въ извѣстномъ смыслѣ можетъ считаться основною властію, а въ ряду полномочій этой власти власть совершать евхаристію занимаетъ настолько выдающееся мѣсто, насколько евхаристія возвышается надъ прочими св. таинствами, однако нѣтъ основанія дѣлать эту евхаристическую власть исключительною носительницей всего существа священнослуженія. Рядомъ съ нею существенною частію іерархическихъ полномочій, относящихся къ священнослуженію, должна быть признана власть отпускать и удерживать грѣхи, особо и торжественно данная Спасителемъ апостоламъ, какъ и въ самой р.-католической церкви въ оффиціальномъ изложеніи ученія о священствѣ, когда говорится объ установленіи священства, указывается на преподаніе апостоламъ той и другой власти. Это даетъ основаніе думать, что англиканская церковь, не уча о дѣйствительномъ присутствіи Тѣла и Крови Христовыхъ въ евхаристіи и ослабляя тѣмъ содержаніе и силу евхаристической жертвы, повреждаетъ ученіе объ очень существенной части власти священства, но все же только о части, и что это поврежденіе не означаетъ еще безусловно полнаго уничтоженія священной власти. Въ ученіи англиканской церкви о священствѣ, какъ богоустановленномъ служеніи, и въ ясно преподаваемой при поставленіи въ пресвитера власти отпускать и удерживать грѣхи, проповѣдывать слово Божіе и совершать таинства можно усматривать такія условія, которыя оставляютъ нѣкоторую возможность сохраненія въ англиканской церкви іерархическаго строя и при указан-

---

[1]) *Св. Іоанна Златоуста*, О священствѣ, слово III, 4 (Творен. въ русск. пер. т. I, изд. 2, Спб. 1898, стр. 425).

[2]) Стихира въ чинѣ погребенія священниковъ.

номъ отклоненіи отъ истины въ пониманіи содержанія священной власти.

Еще болѣе серьезнымъ препятствіемъ къ признанію дѣйствительности англиканской іерархіи представляется неправое ученіе англиканской церкви о посвященіи, какъ не составляющемъ будто бы таинства. На первый взглядъ это заблужденіе кажется рѣшающимъ дѣло. Если англиканская церковь не признаетъ священства таинствомъ, то и посвященія ея не имѣютъ силы таинства, слѣд. не дѣйствительны. Прежде чѣмъ произносить такой безповоротный приговоръ, нужно, однако, точно уяснить смыслъ этого невключенія священства въ число таинствъ въ англиканской системѣ. По общей схемѣ своей оффиціальное англиканское ученіе о числѣ таинствъ,—въ этомъ нужно сознаться,—носитъ всѣ признаки общаго протестантскаго ученія объ этомъ предметѣ. Въ протестантствѣ же, какъ извѣстно, ограниченіе числа таинствъ двумя съ матеріальной стороны было слѣдствіемъ принятаго въ немъ новаго понятія о назначеніи таинствъ въ экономіи спасенія. Въ чрезмѣрномъ увлеченіи желаніемъ обезпечить себѣ увѣренность въ прощеніи грѣховъ, или оправданіи, реформаторы и благодать поняли преимущественно, какъ благоволеніе Божіе, прощающее грѣхи, и таинства свели исключительно къ средствамъ, сообщающимъ такое прощеніе, или лучше предлагающимъ обѣтованіе прощенія грѣховъ. Авторитетная въ англиканствѣ Книга гомилій говоритъ, что съ таинствами непремѣнно должно быть соединено обѣтованіе прощенія нашихъ грѣховъ и нашей святости и соединенія во Христѣ [1]). Для священнодѣйствій, не служащихъ прямо къ полученію благодати прощенія грѣховъ, въ ряду таинствъ не оказалось мѣста. Такова была судьба и таинства священства во всѣхъ обществахъ, отдѣлившихся отъ римской церкви въ XVI в., въ томъ числѣ и въ англиканской церкви. Оно было исключено изъ числа таинствъ, при чемъ съ формальной стороны непринятіе его въ число таинствъ мотивировано было тѣмъ, что оно не имѣетъ видимаго знака, установленнаго Богомъ. Сущность разсматриваемаго англиканскаго заблужденія относительно таинства священства состоитъ такимъ образомъ въ томъ, что священство не включается и по самому существу дѣла не мо-

[1]) An Homily of Common Prayer and Sacraments (Certain Sermons or Homilies, p. 376).

жетъ включаться тамъ въ разрядъ установленныхъ самимъ Богомъ необходимыхъ посредствъ для полученія прощенія грѣховъ. Это лишеніе священства его прежняго положенія, какъ особаго установленнаго Богомъ средства освященія, безъ сомнѣнія, означаетъ умаленіе его достоинства, такъ какъ священство теперь низводится на степень лишь вспомогательнаго обряда поставленія служителей, состоящихъ при таинствахъ. Однако, новое ученіе о священствѣ не отразилось такъ сильно, какъ можно было ожидать, на внутреннемъ содержаніи обряда посвященія въ англиканствѣ. Епископальный строй, удержанный въ англиканской церкви, и, можетъ быть, въ связи съ этимъ большее уваженіе къ іерархіи вообще предохранили лишенное сакраментальнаго характера священнодѣйствіе отъ полнаго превращенія въ простую обрядовую церемонію. Англиканская церковь видитъ въ посвященіи нѣчто большее, чѣмъ простой обрядъ. Въ молитвахъ и формулахъ англиканскаго чина посвященія предполагается и прямо выражается дарованіе посвящаемому благодати или Св. Духа, какъ и въ католическомъ чинѣ, съ тою только существенною разницею, что въ немъ не говорится объ евхаристической и жертвенной власти священнослужителей. Конечно, обозначеніе сообщаемой въ ординаціи благодати, какъ именно священнической (жреческой), всего болѣе способно было бы выразить превосходство получаемаго дара и высокое достоинство самаго акта посвященія. Но отсутствіе указанія на такой характеръ благодати посвященія, хотя бы оно было даже результатомъ отрицательнаго отношенія англиканъ къ ученію объ евхаристической умилостивительной жертвѣ, не можетъ во всякомъ случаѣ совершенно лишить силы высокихъ преимуществъ благодатнаго дара, предлагаемаго въ ординаціи, которыя достаточны для того, чтобы возвысить ее надъ простыми обрядовыми дѣйствіями. Въ содержаніе этого дара входитъ власть отпускать и удерживать грѣхи и быть раздаятелемъ слова Божія и Его святыхъ таинствъ. По внутреннему своему содержанію, съ какимъ оно является въ англиканскомъ чинѣ посвященія въ степени, священство занимаетъ, можно сказать, нѣкоторое среднее положеніе между таинствомъ и обрядомъ. Въ протестантскую схему вдвинутъ обрядъ, довольно близкій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по содержанію къ православному и р.-католическому. Эти-то сохранившіяся въ чинопослѣдованіяхъ посвященія черты правильнаго пониманія священства,

свидѣтельствующія о томъ, что англиканская церковь и послѣ своего уклоненія къ протестантскимъ вѣрованіямъ хотѣла продолжать у себя чрезъ преемственное епископское рукоположеніе священство, какъ благодатное служеніе, обладающее властію отпускать и удерживать грѣхи и совершать таинства, въ связи съ засвидѣтельствованнымъ съ достаточною достовѣрностью фактомъ сохраненія внѣшняго преемства рукоположенія, и могутъ подавать нѣкоторую надежду на то, что заблужденіями англиканской церкви касательно таинства священства, сколь ни существенно повреждаютъ они истинное ученіе объ этомъ таинствѣ, не уничтожены совершенно всѣ условія для сохраненія въ ней дѣйствительнаго іерархическаго строя, и что если бы церковь православная признала за благо примѣнить къ англиканской іерархіи снисхожденіе (οἰκονομία), она могла бы найти по крайней мѣрѣ нѣкоторыя точки опоры для благопріятнаго приговора о дѣйствительности этой іерархіи.

Было бы преждевременно теперь разсуждать о томъ, при какихъ обстоятельствахъ могло бы быть примѣнено это снисхожденіе. Очень вѣроятно, что обстоятельства потребовались бы чрезвычайныя, какъ и мѣра самаго снисхожденія. Возможно, что и приговоръ церкви получилъ бы форму собственно приговора объ отдѣльномъ лицѣ или отдѣльныхъ лицахъ, а не о цѣлой іерархіи. Въ настоящее время я хотѣлъ бы ограничиться лишь выраженіемъ надежды на то, что условіями происхожденія и существованія англиканской іерархіи не исключена съ полною очевидностью самая возможность примѣненія снисхожденія, и что то, въ чемъ отказалъ англиканамъ стоящій на почвѣ схоластическаго ученія о дѣйствительности таинствъ католическій Западъ, можетъ дать имъ, примѣняя принципъ οἰκονομία, православный Востокъ.

И. П. Соколовъ.

Каноническое достоинство Апокалипсиса Св. Апостола Іоанна Богослова по свидѣтельству церковнаго преданія I—II вѣка *).

С О второй половины II вѣка слѣды употребленія Апокалипсиса въ церкви, свидѣтельства и ссылки на него, какъ каноническій авторитетъ, мало-по-малу становятся чаще и опредѣленнѣе, точнѣе и выразительнѣе. Это вполнѣ естественно. Съ половины II христіанскаго вѣка каѳолическая церковь начинаетъ вести упорную борьбу съ ересями; потребность въ новозавѣтномъ священномъ канонѣ наряду съ ветхозавѣтнымъ, необходимость объяснять, защищать и доказывать его подлинность и неповрежденность противъ еретическаго скептицизма и сектантскаго злоупотребленія становятся все болѣе и болѣе ощутительными. По мѣрѣ того, какъ христіанская жизнь и параллельно съ нею богословская мысль раскрывались въ новыхъ и новыхъ противоположностяхъ,—необходимость собрать въ одно цѣлое всѣ произведенія христіанской письменности, гдѣ были бы указаны общія нормы и дано авторитетно-апостольское разрѣшеніе главнѣйшихъ проблемъ христіанской мысли и жизни,—сознавалась все отчетливѣе и яснѣе. Такимъ образомъ начинается коллективная работа церкви надъ выработкой понятія и установленіемъ точныхъ границъ священнаго канона христіанской истины.

Что касается въ частности Апокалипсиса, то усиленію вниманія къ нему много и существенно содѣйствовало хи-

---

*) Окончаніе. См. февраль.

ліастическое и монтанистическое движеніе, съ которымъ церковь вела упорную борьбу, начиная со 2-й половины II-го вѣка. Уже у Іустина Философа его хиліазмъ не остался безъ вліянія на повышенный интересъ его къ Апокалипсису. Еще съ большей интенсивностью обнаруживается интересъ къ нему, когда благодаря монтанизму обостряется вопросъ о благодатныхъ и пророческихъ дарованіяхъ въ христіанской церкви. Все чаще и чаще прибѣгаютъ къ Апокалипсису за справками и разъясненіями, причемъ обѣ полемизирующія стороны стараются использовать его въ своихъ интересахъ. Благодаря этому, церковная традиція объ Апокалипсисѣ, сравнительно съ другими новозавѣтными писаніями, является болѣе интересной и поучительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе запутанной и нерѣдко представляетъ значительныя трудности для исторической критики.

На родинѣ Апокалипсиса—въ Малой Азіи—онъ во второй половинѣ II вѣка пользуется всеобщимъ уваженіемъ и непререкаемымъ авторитетомъ и особенно у монтанистовъ [43]).

Свидѣтельство Мелитона Сардійскаго. Къ этому же времени, т. е. ко второй половинѣ II-го вѣка, нужно отнести свидѣтельство объ Апокалипсисѣ извѣстнаго христіанскаго апологета и предстоятеля одной изъ 7 апокалипсическихъ церквей—Мелитона Сардійскаго († ок. 185 г.) [44]). Въ своемъ посланіи къ римскому епископу Виктору Поликратъ Ефесскій упоминаетъ о выдающемся мужѣ Мелитонѣ, который „во всемъ своемъ хожденіи былъ полонъ Духа Святаго и лежитъ въ Сардахъ, ожидая посѣщенія небесъ и воскресенія мертвыхъ". По свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго (Церк. Ист. IV, 26), Мелитонъ Сардійскій былъ не только плодовитымъ писателемъ, чуткимъ къ господствующимъ интересамъ и запросамъ своего времени, но и принадлежалъ къ числу самыхъ пытливыхъ изслѣдователей своего вѣка. Но мы напрасно ожидали бы отъ него яснаго и опредѣленнаго свидѣтельства за Апокалипсисъ. Все, что мы имѣемъ отъ него по данному вопросу, ограничивается извѣстіемъ Евсе-

---

[43]) См. Bousset, op. cit. S. 13, Anmerk.; ср. Zahn, Gesch. des Kanons, I, S. 205.

[44]) Съ именемъ Мелитона Сард. связано сочиненіе: „τὰ περὶ τοῦ διαβόλου καὶ ἀποκαλύψεως Ἰωάννου". Bonwetsch (Gesch. des Montanismus, s. 20 f.) догадывается, что вмѣсто „διαβόλου" нужно читать „εὐαγγελίου" По бл. Іерониму это два вполнѣ самостоятельныхъ сочиненія.

вія Кесарійскаго (Церк. Ист. IV, 26) и несомнѣнно слѣдующаго за нимъ бл. Іеронима (De vir. illustr. cap. XXIV), что Мелитонъ написалъ книгу объ Апокалипсисѣ [45]). Но они ничего нѣ говорятъ намъ о содержаніи данной книги и о томъ, что говорилось въ ней о писателѣ Апокалипсиса. Изъ приведенной краткой замѣтки, однако, слѣдуетъ, что если Мелитонъ приписываетъ Апокалипсисъ *Іоанну*, безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій [46]), то, несомнѣнно, подъ Іоанномъ Апокалипсиса онъ, по обычаю своего времени и своей церкви, подразумѣваетъ апостола Іоанна, а не другого Іоанна—пресвитера. Если бы составителемъ Апокалипсиса Мелитонъ признавалъ этого послѣдняго, то долженъ былъ бы выразиться опредѣленнѣе и точнѣе; кромѣ того, это не ускользнуло бы отъ наблюдательнаго взора кесарійскаго историка, особенно чуткаго и внимательнаго ко всему тому, что хотя отчасти касается миѳической личности пресвитера Іоанна; между тѣмъ у Евсевія мы не находимъ по этому поводу ни малѣйшаго намека. Такъ какъ по своему богословскому образованію и направленію Мелитонъ принадлежалъ къ кругу учениковъ Папія и Поликарпа, то, несомнѣнно, онъ уже по одному этому долженъ былъ смотрѣть на Апокалипсисъ съ уваженіемъ и пользовался имъ, какъ каноническимъ авторитетомъ.

Св. Ѳеофилъ Антіохійскій. По свидѣтельству Евсевія (Церк. Ист. IV, 24), приблизительно къ концу II вѣка написалъ свое полемическое сочиненіе противъ ереси Гермогена Антіохійскій епископъ—св. Ѳеофилъ (168—181 гг.). Сочиненіе св. Ѳеофила въ настоящее время утрачено, но читавшій его Евсевій передаетъ, что въ немъ Ѳеофилъ пользовался свидѣтельствами изъ Апокалипсиса Іоанна (ἐν ᾧ ἐκ τῆς ἀποκαλύψεως Ἰωάννου κέχρηται μαρτυρίαις). Выраженіе „Апокалипсисъ Іоанна“ употреблено здѣсь Евсевіемъ, конечно, въ смыслѣ Ѳеофила и предполагаетъ, что послѣдній подъ Іоанномъ разумѣлъ ап. Іоанна, потому что въ противномъ случаѣ онъ опредѣлилъ бы его точнѣе.

Изъ факта употребленія Апокалипсиса въ полемическомъ

---

[45]) „De diabolo librum unum, de apocalypsi Johannis librum unum“...

[46]) Даже самъ писатель Апокалипсиса называетъ себя просто „Іоаннъ“, въ полной увѣренности, что читатели поймутъ его, какъ слѣдуетъ (Апок. 1, 1. 4. 9; 21, 2; 22, 8).

сочиненіи противъ еретика, который, по всей вѣроятности, былъ противникомъ монтанистовъ, мы вправѣ сдѣлать выводъ, что самъ Θеофилъ предполагалъ уже его широкое, если не повсемѣстное, признаніе, какъ новозавѣтнаго авторитета. Ссылки на Апокалипсисъ въ полемическомъ трактатѣ, кромѣ того говорятъ о томъ увиженіи, какимъ пользовалась наша книга даже въ еретическихъ кругахъ того времени, что также предполагаетъ господствовавшее тамъ убѣжденіе въ авторствѣ ап. Іоанна. Голосъ св. Θеофила, какъ голосъ оффиціальнаго представителя и выразителя церковнаго мнѣнія, во всякомъ случаѣ, ручается намъ за то, что самъ Θеофилъ и Антіохійская церковь его времени уважали Апокалипсисъ и пользовались имъ, какъ священнымъ писаніемъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что у Θеофила Антіохійскаго, какъ и у Іустина Мученика, это уваженіе и пользованіе Апокалипсисомъ было неразрывно связано съ увѣренностью въ авторствѣ ап. Іоанна. Если справедливо, что въ посланіи къ Автолику (II, гл. 28) св. Θеофилъ дѣлаетъ намекъ на Апок. 12, 3 и 9, то это лишь новое доказательство широкаго распространенія Апокалипсиса и того вліянія, какое онъ сталъ оказывать на богословскій языкъ и христіанскій образъ мыслей.

Свидѣтельство Аполлонія Малоазійскаго. Еще важнѣе для насъ свидѣтельство младшаго современника Θеофила Антіохійскаго — Аполлонія, который, по Евсевію Кесарійскому (Церк. Ист. V, 18), жилъ въ Малой Азіи въ концѣ II-го и началѣ III-го вѣка и оставилъ послѣ себя полемическое сочиненіе антимонтанистическаго характера [47]). Здѣсь онъ приводитъ свидѣтельство изъ Апокалипсиса и передаетъ о составителѣ его – ап. Іоаннѣ, что въ Ефесѣ онъ пробуждалъ мертвыхъ божественною силою. Въ приведенномъ извѣстіи важно, что Аполлоній не боится ссылаться на Апокалипсисъ въ сочиненіи противъ монтанистовъ, которые, какъ извѣстно, злоупотребляли таинственнымъ содержаніемъ нашей книги въ своихъ сектантскихъ интересахъ. Отсюда вытекаетъ, что Аполлоній, несомнѣнно, признавалъ Апокалипсисъ божественнымъ писаніемъ и приписывалъ его ап. Іоанну, о которомъ говорится дальше въ приведенной у Евсевія Кеса-

[47]) Lücke (Einleit. 2 Aufl. S. 567) ссылается на „liber praedestinatus“ (26) и утверждаетъ, что Аполлоній былъ Ефесскимъ пресвитеромъ.

рійскаго выдержкѣ изъ сочиненія Аполлонія. Вообще нужно замѣтить, что свидѣтельства изъ новозавѣтныхъ писаній въ то время приводились лишь въ случаѣ признанія ихъ подлинными и священными. Если бы Аполлоній признавалъ писателемъ Апокалипсиса какого-либо другого Іоанна, кромѣ Апостола, то Евсевій Кесарійскій, несомнѣнно, отмѣтилъ бы въ своей церковной исторіи.

Свидѣтельство св. Иринея еп. Ліонскаго. Самымъ важнымъ и авторитетнымъ свидѣтелемъ II-го вѣка по вопросу объ апостольскомъ происхожденіи и каноническомъ достоинствѣ Апокалипсиса, безспорно, является св. Ириней, еп. Ліонскій († 202 г.), преемникъ по епископской каѳедрѣ св. Поѳина. Какъ ближайшій ученикъ св. Поликарпа, онъ стоялъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ малоазійскимъ церквамъ и принадлежалъ къ старшему поколѣнію учениковъ мужей апостольскихъ (Евс., Церк. Ист. V, 20). Во время своихъ частыхъ путешествій съ востока на западъ онъ видѣлъ добрую половину христіанскаго міра и потому его голосъ имѣетъ для насъ особенную цѣнность и значеніе.

Иринеи Ліонскій, несомнѣнно, признавалъ Апокалипсисъ боговдохновеннымъ произведеніемъ ап. Іоанна; такъ, внимательно прислушиваясь къ голосу церковной традиціи, онъ не знаетъ еще никакихъ возраженій противъ подлинности нашей книги. Кромѣ Апокалипсиса, онъ приписываетъ ап. Іоанну 4-е евангеліе и соборныя посланія (Adv. haer II, 22; III, 1, 1; III, 3, 4; 11, 1; V, 30, 1. 3). Въ своемъ сочиненіи „Adversus haereses“ (ср. Евсевій, Церк. Ист. V, 18) Иринеи очень часто ссылается на Апокалипсисъ и приводитъ изъ него цѣликомъ длинныя мѣста [48]). Изъ самаго характера употребленія Апокалипсиса у св. Иринея слѣдуетъ, что онъ весьма уважаетъ эту книгу и въ кругу своихъ ближайшихъ читателей предполагаетъ несомнѣннымъ ея каноническое достоинство.

Въ IV, 20 гл. своего вышеназваннаго сочиненія св. Иринеи между прочимъ говоритъ, что слово Божіе уже раньше часто открывалось достойнымъ мужамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ ветхозавѣтныя книги (Второзаконіе, Исходъ,

---

[48]) Op. cit. IV, 37. 50; V, 30. 35. „Johannes vidit in Apocalypsi“.— „Johannes ait“... такъ обычно начинаются цитаты изъ Апок. Ср. Zahn, Gesch. d. Kanons. I, S. 202, Anm. 2.

III Царствъ, Іезекіиль, Даніилъ). „Но, — говоритъ онъ далѣе, — Іоаннъ, ученикъ Господа, который въ Откровеніи видѣлъ славное наступленіе Его царства, говоритъ: "я обратился„... (далѣе слѣдуетъ ссылка на Апок. 1, 17 д.).—Іоаннъ, составитель Апокалипсиса, и Евангелистъ Іоаннъ у св. Иринея одно и то же лицо, что явствуетъ изъ частнаго употребленія имени Іоаннъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій.

Для насъ особенно важно то мѣсто въ сочиненіи Иринея „Adversus haereses" (V, 30), гдѣ онъ говоритъ объ апокалипсическомъ числѣ антихриста — 666. На это мѣсто обратилъ свое вниманіе уже кесарійскій историкъ (Церк. ист. V, 18). Здѣсь Ириней защищаетъ число 666 и доказываетъ его полное соотвѣтствіе съ ветхозавѣтными аналогіями; другое же число—616, стоящее въ нѣкоторыхъ спискахъ нашей книги, признается имъ неподлиннымъ. Онъ увѣряетъ, что число 666 находится во всѣхъ достовѣрныхъ и древнихъ рукописяхъ и имѣетъ за себя свидѣтельство тѣхъ, „которые еще въ лицѣ знали Іоанна [49]). Съ своей стороны онъ не дерзаетъ утверждать что-либо категорически, потому что, если имя антихриста нужно было провозгласить во всеуслышаніе, то это, несомнѣно, было бы сдѣлано тѣмъ, кто видѣлъ откровеніе, т. е. самимъ Іоанномъ. Этотъ послѣдній созерцалъ данное ему отъ Бога откровеніе „незадолго предъ симъ", а именно—„къ концу царствованія Домитіана" [50]). Изъ приведеннаго мѣста прежде всего выходитъ, что ко времени Иринея существовало уже много рукописныхъ списковъ Апокалипсиса, между которыми можно было отличать древнѣйшіе и болѣе точные отъ позднѣйшихъ и менѣе точныхъ. Кромѣ того, очевидно, что многіе изъ современниковъ св. Иринея занимались толкованіемъ Апокалипсиса, и его таинственное, полное мистическихъ загадокъ содержаніе пріобрѣтало все бо́льшій и бо́льшій интересъ. Если въ пользу достовѣрности числа звѣря 666 св. Ириней ссылается на свидѣтельство тѣхъ, которые „лично знали Іоанна", то, конечно, этимъ онъ предполагаетъ апостольское происхожденіе Апокалипсиса. Въ тѣсномъ кругу первона-

---

[49]) „τῶν κατ' ὄψιν τὸν Ἰωάννην ἑωρακότων"... ср. Bousset, Offenb. Joh. 1896. S. 12.

[50]) „πρὸς τῷ τέλει τῆς Δομιτιανοῦ ἀρχῆς"...

чальныхъ читателей Апокалипсиса, т. е. въ малоазійскихъ церквахъ, подлинное значеніе таинственнаго числа имени антихриста, болѣе чѣмъ вѣроятно, было извѣстно. Самъ св. Иринеи стоялъ къ этому кругу въ весьма близкихъ отношеніяхъ. Родомъ онъ былъ изъ Малой Азіи, выросъ въ общеніи съ Поликарпомъ Смирнскимъ — непосредственнымъ слушателемъ ап. Іоанна; онъ прекрасно знаетъ малоазійскую традицію, такъ называемаго, Іоаннова круга; много и тщательно занимается изученіемъ новозавѣтныхъ писаній въ цѣляхъ защиты и огражденія священнаго христіанскаго канона отъ вторженія подложныхъ писаній и еретическихъ апокрифовъ; кромѣ того, обширный кругъ его знакомствъ въ церкви восточной и западной, широкая церковно-общественная дѣятельность, его глубокій интересъ къ отвлеченнымъ богословскимъ спорамъ и практическимъ противорѣчіямъ церковной жизни, — все это вмѣстѣ взятое уполномочиваетъ насъ предположить, что свидѣтельство св. Иринея объ апостольскомъ происхожденіи Апокалипсиса не есть лишь его субъективная увѣренность, но покоится на прочныхъ историческихъ основаніяхъ. Хотя онъ нигдѣ не даетъ намъ отчета въ этихъ основаніяхъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ данномъ случаѣ онъ слѣдовалъ общему голосу своего вѣка и примѣру мужей, въ родѣ Іустина Философа. Св. Иринеи не знаетъ еще никакихъ возраженій противъ подлинности и каноническаго достоинства Апокалипсиса, а потому у него не замѣтно особенной критической осторожности въ отношеніи къ церковной традиціи [51]). Но и помимо традиціонныхъ взглядовъ на Апокалипсисъ св. Иринеи могъ убѣдиться въ его апостольскомъ происхожденіи и на основаніи его экзегетическаго самосвидѣтельства.

Нерѣдко по адресу св. Иринея дѣлается несправедливый упрекъ, будто бы онъ, какъ другъ монтанистовъ, говоритъ за Апокалипсисъ лишь въ интересахъ этого сумасброднаго ученія. Но, во-первыхъ, св. Иринея нельзя назвать монтанистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ онъ, въ интересахъ церковнаго мира, стремится найти примирительную средину между основными и спорными тезисами строго-ортодоксальнаго и монтанистическаго ученія; во-вторыхъ, примѣры Аполлонія и св. Ѳеофила Антіохійскаго по-

[51]) См. Bousset, op. cit. S. 14.

казываютъ, что и полемика съ монтанизмомъ не препятствуетъ признавать въ Апокалипсисѣ каноническое достоинство, и что до появленія монтанизма Апокалипсисъ пользовался уже общимъ признаніемъ и уваженіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что св. Ириней могъ давать свои показанія въ пользу Апокалипсиса внѣ всякихъ своихъ отношеній къ монтанизму [52]).

Посланіе церкви Ліонской и Віеннской къ церквамъ Асіи и Фригіи. Къ числу свидѣтелей за Апокалипсисъ во второй половинѣ II вѣка можно отнести сохранившееся въ церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго (V, 1—3) посланіе церкви Ліонской и Віеннской къ церквамъ Асіи и Фригіи о бывшемъ въ Галліи при Маркѣ Авреліи гоненіи на христіанъ (177 г.). Отсюда мы ясно видимъ, что къ концу II вѣка Апокалипсисъ распространился уже среди Галльскихъ церквей и вообще имѣлъ важное значеніе въ церковной жизни того времени; отсюда навстрѣчу намъ выступаетъ не одно только досужее теоретическое убѣжденіе въ его подлинности, но и тотъ неоспоримый фактъ, что во времена жестокихъ гоненій Апокалипсисъ былъ центромъ, около котораго группировались всѣ силы гонимаго христіанства; что изъ нашей книги безчисленные сонмы мучениковъ почерпали непреодолимое мужество и презрѣніе къ нечеловѣчески-жестокимъ страданіямъ.

Авторъ посланія часто цитуетъ Апокалипсисъ, предполагая, конечно, что и его читатели смотрятъ на нашу книгу съ такимъ же уваженіемъ, какъ и онъ самъ, и видятъ въ ней пророчество, исполненія котораго слѣдуетъ ожидать въ переживаемое тяжелое время или въ недалекомъ будущемъ [53]). Весьма возможно, что въ составленіи посланія близкое участіе принималъ и св. Ириней, бывшій тогда Ліонскимъ пресвитеромъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что его именно вліянію, а равно вліянію многихъ грековъ-пришельцевъ изъ Малой Азіи, Апокалипсисъ обязанъ тѣмъ радушнымъ пріемомъ и почти всеобщимъ признаніемъ его каноническаго авторитета, какіе онъ встрѣтилъ на западѣ при первомъ уже появленіи тамъ.

---

[52]) См. Lücke, Einleit. 1832. S. 296—299.

[53]) „ἵνα ἡ γραφὴ πληρωθῇ: ὁ ἄνομος ἀνομησάτω ἔτι, καὶ δικαιωθήτω ἔτι... (Апок. 22, 11; ср. Евс. Церк. Ист. V, I, 58; Апок. 14, 4, ср. Евс. Цер. Ист. V, 1, 10).

Изъ многочисленныхъ цитатъ и ссылокъ автора посланія на Апосалипсисъ по своей ясности и опредѣленности особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія. Въ началѣ посланія „рабы Христовы“ говорятъ о „великомъ гнѣвѣ язычниковъ на святыхъ“ (ср. Апок. 11, 18)[54]. О Веттіи Епагетѣ здѣсь говорится: „онъ былъ истиннымъ ученикомъ Христа и слѣдовалъ за Агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ“ (ср. Апок. 14, 4). О язычникахъ авторъ посланія выражается, что они „озвѣрились“[55]. Сатана выставляется здѣсь главнымъ виновникомъ гоненій на христіанъ (ср. Апок. 2, 10) и подстрекателемъ къ богохуленію (ср. Апок. 13, 5. 6). Мученикъ Санктъ, по выраженію автора посланія, былъ „укрѣпленъ изъ небеснаго источника воды жизни, который исходитъ отъ Христа“ (ср. Апок, 7, 17; 21, 6; 22, 1. 17. съ Ев. Іоанн. 7, 38). Далѣе говорится о „вѣнцѣ безсмертія“, какъ наградѣ за подвигъ мученичества, съ яснымъ намекомъ на Апок. 2, 10 (στέφανος τῆς ζωῆς). Свв. мученики, пострадавшіе въ это гоненіе (Матуръ, Санктъ, Александръ, Аттало и Бландина), называются въ посланіи „принесенными въ жертву“ (ср. Апок. 6, 9), облеченными въ „одежду невѣсты“ (ср. Апок. 19, 7. 8.)[56]. Въ частности о Бландинѣ говорится, что она радовалась своей кончинѣ, какъ будто бы была приглашена на брачный пиръ (Апок. 3, 20; ср. Апок. 19, 7. 9). „Легатъ и народъ — говоритъ авторъ посланія—обнаружили по отношенію къ намъ подобно звѣрю (ср. Апок. 13, 1 д.), одинаковую ненависть, да исполнится писаніе“ — и дальше ссылка на Апок. 22, 11. Формула „да исполнится писаніе“ (ἵνα γραφὴ πληρωθῇ“) показываетъ, что признаніе полнаго каноническаго достоинства Апокалипсиса было общимъ въ церквахъ Галльскихъ и Асійскихъ.

Всѣ вышеприведенныя ссылки и указанія на Апокалипсисъ имѣютъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что позволяютъ заглянуть во внутреннее святилище церковной жизни и убѣдиться въ томъ высокомъ авторитетѣ, какимъ пользовался тогда Апокалипсисъ, какъ пророческая и утѣшительная книга κατ' ἐξοχήν.

Н. Гамолко.

---

[54]) См. Tiefenthal, op. cit. S. 18.

[55]) „ἀπεθηριώθησαν“—ср. Апок. 13, 1 и д., гдѣ говорится о звѣрѣ изъ моря, какъ символѣ боговраждебной міровой державы.

[56]) „ἔνδυμα νυμφικόν“—въ отличіе отъ „ἔνδυμα γάμου“ (Мѳ. 22, 12).

Святаго Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, „Каноническое посланіе".

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ св. Григорія Чудотворца въ санѣ епископа Неокесарійскаго въ похвальномъ словѣ св. Григорія Нисскаго и въ сирійскомъ житіи обрисовывается почти исключительно съ точки зрѣнія проявленія въ ней необычайной силы вѣры и духа святителя; но эти памятники почти не заключаютъ въ себѣ данныхъ для характеристики его собственно пастырской дѣятельности. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣетъ так. наз. «Каноническое посланіе» св. Григорія, въ которомъ наглядно обнаружилась, съ одной стороны, его ревность въ устраненіи непорядковъ въ церковной жизни и возстановленіи церковной дисциплины, съ другой стороны, сердечное вниманіе къ состоянію и нуждамъ паствы. Не менѣе интереса представляетъ посланіе и какъ памятникъ древне-церковной покаянной дисциплины на Востокѣ.

Посланіе написано по поводу вторженія въ Понтъ варваровъ—Ворадовъ и Готовъ—и имѣетъ цѣлью дать руководственныя указанія относительно того, какъ оцѣнить и устранить тѣ печальныя явленія въ жизни понтійскихъ христіанъ, которыя явились слѣдствіемъ этого бѣдствія. Не смотря на свою краткость, посланіе даетъ возможность живо и ясно представить событія тогдашней страшной дѣйствительности. Жители въ ужасѣ бѣжали отъ враговъ, бросая жилища и все имущество; многіе были умерщвлены, а еще больше взято въ плѣнъ, гдѣ плѣнниковъ принуждали вкушать пищу вмѣстѣ съ варварами. Женщины подверглись насилію. Имущество разграблено; но вслѣдствіе ли поспѣшности, или же вслѣдствіе обилія и тяжести добычи, много было оставлено въ опустѣв-

шихъ домахъ, разбросано на пути; повидимому, случалось и такъ, что варваръ уже съ добычею врывался въ домъ, находилъ здѣсь лучшее, поэтому оставлялъ прежде захваченное и бралъ новое. Скотъ, не взятый грабителями и оставшійся безъ присмотра, бродилъ по полямъ. Къ сожалѣнію, бѣдствіе не ограничивалось этими внѣшними лишеніями: обнаружились весьма печальныя явленія во внутренней жизни самого христіанскаго населенія. Такъ, нѣкоторые, прежде захваченные въ плѣнъ, быстро одичали, забыли, что они—понтійцы и христіане, и вмѣстѣ съ врагами участвовали въ нападеніяхъ на своихъ единоплеменниковъ, убивали ихъ и грабили. Они явились даже руководителями набѣга: въ горной странѣ Ворады и Готы не могли скоро оріентироваться и потому многаго, можетъ быть, не замѣтили, вообще же не могли бы быстро двигаться впередъ въ неизвѣстной мѣстности; но эти измѣнники и предатели показывали имъ дорогу и не замѣченныя ими поселенія. Послѣ удаленія враговъ многіе хотѣли воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ и общимъ смятеніемъ въ интересахъ самаго гнуснаго корыстолюбія: искали корысти отъ крови и погибели убѣжавшихъ или убитыхъ плѣнниковъ. Одни просто удерживали у себя найденную чужую собственность; другіе, по выраженію св. Григорія, сдѣлались для своихъ единоплеменниковъ Ворадами и Готами и наглымъ образомъ захватили чужое имущество на томъ основаніи, что во время нашествія они потеряли свое. Нѣкоторые дошли до такой «лютости и безчеловѣчія», что насильно удерживали въ неволѣ спасшихся изъ плѣна своихъ единоплеменниковъ и согражданъ или въ качествѣ рабовъ, или, можетъ быть, съ цѣлью при случаѣ продать ихъ.

Въ «Каноническомъ посланіи» варвары, вторгшіеся въ Понтъ, называются Ворадами и Готами; такъ какъ на первомъ мѣстѣ поставлены Ворады, то иниціатива набѣга и руководство, повидимому, принадлежали имъ. Такое соединеніе племенъ даетъ основаніе отожествлять это нашествіе съ тѣмъ, о которомъ сообщаетъ историкъ Зосима (конца IV или начала V вѣка), выписывающій въ данномъ случаѣ современника готскихъ набѣговъ на римскую имперію, историка Дексиппа. Зосима сообщаетъ (1, 31—34) [1]), что Вораны [2]), Готы, Карпы и Уругунды, племена, живущія по Истру, не оставили не опусто-

[1]) Zosimi comitis et exadvocati fisci. Historia nova. Ed. *Lud. Mendelssohn.* Lipsiae 1887, p. 22—24.

[2]) Несомнѣнно тождественны съ Ворадами посланія.

шенною ни одной части Италіи и Иллирика и всѣмъ овладѣвали безъ всякаго противодѣйствія. Вораны пытались даже проникнуть на малоазійское побережье Чернаго моря и дѣйствительно скоро осуществили свое намѣреніе при помощи жителей Воспорскаго царства [1]), которые изъ страха предъ ними дали имъ свои суда и указывали путь при переѣздѣ чрезъ море. Пока у нихъ были цари, получавшіе власть по правильному порядку наслѣдованія отъ отца къ сыну, они, вслѣдствіе дружбы съ Римлянами, выгоды торговыхъ сношеній и ежегодно посылаемыхъ имъ императорами даровъ, постоянно удерживали Скиѳовъ—что на языкѣ Зосимы равносильно—Готовъ. Когда же царскій родъ прекратился,—очевидно, Зосима хочетъ сказать, что вслѣдствіе возмущенія прежняя династія была низвергнута,—и во главѣ управленія стали люди недостойные, то они, какъ сказано, изъ боязни предоставили врагамъ Рима проходить чрезъ Воспоръ въ Азію и даже перевезли ихъ на собственныхъ судахъ, которыя взяли обратно и возвратились домой [2]). Вораны и Готы такимъ образомъ появились на восточномъ побережьи Чернаго моря, грабя и опустошая все на своемъ пути. Они достигли Питіунта (теперь Пицунда). Здѣсь они натолкнулись на сильное противодѣйствіе. Самый городъ былъ защищенъ крѣпкою стѣною, а во главѣ гарнизона стоялъ неустрашимый и опытный воинъ Сукцессіанъ, человѣкъ стараго римскаго склада. Всѣ нападенія враговъ были отбиты съ большимъ для нихъ урономъ. Варвары, опасаясь, чтобы не пришли

---

[1]) Воспоръ (Босфоръ) Киммерійскій—на Крымскомъ полуостровѣ и по берегамъ Мэотиды (Азовскаго моря). Объ этомъ царствѣ см. у академика *В. В. Латышева*, „Понтика. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и этнографикѣ Скиѳіи, Кавказа и греческихъ колоній на побережьяхъ Чернаго моря. Изд. Императ. Археологич. Коммиссіи. Спб. 1909“, стр. 50—128: „Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства“. Здѣсь на стр. 69—70, примѣч. 2, указана важнѣйшая литература по исторіи Воспорскаго царства.

[2]) Такъ какъ монеты Воспорскихъ царей непрерывно существуютъ за все третье столѣтіе и далѣе, то слова Зосимы объ истребленіи царскаго рода должно признать неточными, а только допустить внутреннія смуты и борьбу разныхъ претендентовъ, какъ это подтверждается существованіемъ монетъ съ именами двухъ разноименныхъ царей за одни и тѣ же годы въ пятомъ и шестомъ десятилѣтіяхъ III вѣка: см. у *В. Г. Васильевскаго*. Житіе Іоанна Готскаго, въ „Трудахъ *В. Г. Васильевскаго*“ Т. II, вып. 2. Спб. 1912. Издан. Императ. Академіи Наукъ, стр. 353, а также у *В. В. Латышева*, Понтика, стр. 119.

на помощь гарнизоны другихъ крѣпостей, захватили суда и съ большою опасностью возвратились домой.

Спасенные, благодаря храбрости и предусмотрительности Сукцессіана, обитатели побережья Евксинскаго Понта питали надежду, что Скиѳы, напуганные пораженіемъ при Питіунтѣ, не осмѣлятся снова сдѣлать нападеніе. Но императоръ Валеріанъ отозвалъ доблестнаго защитника Питіунта Сукцессіана въ Антіохію, назначилъ его praefectus praetorio и поручилъ возстановить и устроить Антіохію, разоренную Персами.

Едва только извѣстіе объ этомъ дошло до Готовъ, они предприняли на воспорскихъ судахъ новый походъ: но на этотъ разъ они задержали суда и не позволили своимъ провожатымъ уплыть обратно. Послѣ напрасной попытки овладѣть храмомъ Артемиды въ Фазисѣ (близъ нынѣшняго Поти), богатства котораго сильно прельщали ихъ, они снова направились на своихъ судахъ къ Питіунту. На этотъ разъ они очень легко овладѣли укрѣпленіемъ. Между тѣмъ наступило лѣто — самое благопріятное время для мореплаванія. Готы рѣшили продолжить свой набѣгъ. Для этого они имѣли достаточно судовъ, а изъ многочисленныхъ плѣнниковъ они выбрали самыхъ искусныхъ гребцами и поплыли къ Трапезунту, на каппадокійскомъ берегу Понта. Городъ былъ богатый и съ многочисленнымъ населеніемъ; со времени Адріана онъ сдѣлался центромъ управленія, имѣлъ хорошо устроенную гавань, былъ окруженъ двойнымъ кольцомъ стѣнъ и сильно укрѣпленъ. Онъ охранялся гарнизономъ, значительнымъ по числу, но крайне распущеннымъ и безпечнымъ. Жители окрестностей, устрашенные приближеніемъ варваровъ, бѣжали въ крѣпость, захвативъ съ собою все цѣнное. Гарнизонъ, увѣренный въ несокрушимости стѣнъ, не допускалъ и мысли, чтобы варвары могли взять городъ, и обнаружилъ преступную небрежность, не установивъ даже надлежащаго наблюденія за осаждавшими. Пользуясь этимъ, враги ночью стащили къ стѣнамъ заготовленныя раньше бревна, взошли на беззащитныя стѣны и незамѣтно небольшими отрядами проникли въ городъ. Гарнизонъ былъ объятъ ужасомъ; часть его бѣжала въ противоположныя ворота, прочіе были избиты. Тяжелая участь постигла и многочисленное населеніе города. Множество плѣнныхъ и всякаго рода сокровища достались въ добычу варварамъ. Храмы и другія богатыя зданія были разрушены, и ихъ развалины долго напоминали о страшномъ на-

шествіи. Не встрѣчая противодѣйствія, варвары прошли почти весь Понтъ, грабя, умерщвляя и опустошая. Можно думать, что главный потокъ этого разрушительнаго нашествія направлялся по красивымъ, плодороднымъ и густо населеннымъ долинамъ рѣки Лика и его притоковъ. До Неокесаріи, какъ можно заключать изъ посланія св. Григорія, враги не дошли. Затѣмъ, они такъ же быстро, какъ и появились, возвратились на своихъ корабляхъ домой, увозя громадное число плѣнниковъ и богатую добычу.

Таковы подробности нашествія варваровъ на Понтъ. Съ нимъ обычно и отожествляютъ то нашествіе Ворадовъ и Готовъ, которое послужило поводомъ для «Каноническаго посланія» св. Григорія Чудотворца. Должно, впрочемъ, оговориться, что это нашествіе не было единственнымъ: есть данныя, что и позднѣе—въ 264 г.—Готы были въ Каппадокіи, захватили города и оттуда направили свой путь въ Виѳинію [1]). Однако подробности нашествія, изображеннаго св. Григоріемъ, соединеніе Ворадовъ и Готовъ и вообще большая опредѣленность въ изложенномъ повѣствованіи Зосимы о набѣгѣ Ворановъ и Готовъ склоняютъ къ признанію, что именно оно было тѣмъ нашествіемъ, отъ котораго пострадали руководимыя св. Григоріемъ понтійскія церкви. Когда же было это нашествіе?

Joh. Draeseke, на основаніи анализа извѣстій Зосимы о нападеніяхъ готскихъ племенъ на римскую имперію, настойчиво доказываетъ, что первый—неудачный походъ Ворановъ и Готовъ на восточное побережье Чернаго моря былъ въ 253 г., а слѣдующій, закончившійся взятіемъ Трапезунта и разграбленіемъ Понта, лѣтомъ 254 г. [2]). Но другіе изслѣдователи, пользующіеся той же исторіей Зосимы, относятъ послѣдній побѣгъ къ 256 [3]), 257 [4]) и, наконецъ, къ 258 году [5]). Это объясняется тѣмъ, что у Зосимы нѣтъ точныхъ хронологическихъ датъ, и относительно набѣговъ Ворановъ и Готовъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, можно только утверждать, что они происхо-

---

[1]) См. у *В. Г. Васильевскаго*, Житіе Іоанна Готскаго, стрн. 257.

[2]) Der Brief an Diognetos. Nebst Beiträgen zur Geschichte des Lebens und der Schriften des Gregorios von Neocaesarea. Leipzig 1881, S. 186 ff.

[3]) *В. Г. Васильевскій*, Житіе Іоанна Готскаго, стрн. 354. Происхожденіе посланія В. Г. Васильевскій относитъ къ 264 г. (стрн. 365).

[4]) Напр., *Joh. Oberdieck*, Die Römerfeindlichen Bewegungen im Orient während der letzten Hälfte des 3 Jahrhunderts nach Christus (254—274). Berlin 1869.

[5]) *V. Ryssel*, Gregorius Thaumaturgus. Sein Leben und Seine Schriften. Leipzig 1880, S. 15—16. Послѣднее датированіе является наиболѣе распространеннымъ.

дили въ царствованіе Валеріана и его сына и соправителя Галліена. Другихъ основаній для хронологическихъ вычисленій, внѣ исторіи Зосимы, пока не найдено. Поэтому, если вѣрно обычное мнѣніе, что посланіе св. Григорія вызвано послѣдствіями того набѣга Врановъ и Готовъ, о которомъ сообщается въ исторіи Зосимы, то относительно времени происхожденія его можно только сказать, что оно написано въ царствованіе Валеріана (253—260 г.), но не раньше 254 г., такъ какъ за годъ до нашествія на Понтъ они совершили неудачный набѣгъ на Питіунтъ.

Послѣ тяжелаго матеріальнаго разоренія и нравственнаго упадка, причиненнаго варварскимъ нашествіемъ, предстояло выполнить трудную пастырскую задачу — осудить и покарать допустившихъ неслыханныя нарушенія требованій не только христіанской любви и милосердія, но и самаго обычнаго человѣколюбія, съ другой же стороны и не оттолкнуть совершенно отъ церкви еще мало культурныхъ понтійцевъ. Епископы понтійскихъ церквей испытывали большое затрудненіе и, какъ показываетъ посланіе, одинъ изъ нихъ (а можетъ быть и нѣсколько) обратился къ основателю понтійской церкви и авторитетному руководителю и истолкователю церковныхъ установленій, св. Григорію Неокесарійскому, съ просьбою дать разъясненія и указанія. Св. Григорій отвѣтилъ посланіемъ, которое отправилъ съ Евфросиномъ, можно думать, неокесарійскимъ пресвитеромъ; послѣдній долженъ былъ не только доставить посланіе, но и установить практику неокесарійской церкви и разсудить, отъ кого должно принимать обвиненія и кого отлучать отъ молитвы.

Посланіе не имѣетъ ни обычнаго для этого рода произведеній введенія, ни заключенія. Это можетъ давать основаніе для предположенія, что посланіе дошло до насъ не въ полномъ видѣ. Но болѣе вѣроятная причина этого заключается въ томъ, что посланіе, можетъ быть, было ἐπιστολὴ κυκλική, съ которымъ св. Григорій обратился ко всѣмъ епископамъ своего округа и сообщалъ его одному за другимъ чрезъ облеченнаго извѣстными полномочіями «состарца» Евфросина. Это предположеніе не встрѣчаетъ возраженій ни со стороны содержанія посланія, ни со стороны обстоятельствъ его происхожденія. Поэтому и въ началѣ посланія поставлено просто ἱερὲ πάπα. Какъ можно заключать изъ частаго употребленія множественнаго числа, особенно въ 5 и 6 правилахъ, посланіе написано съ согласія другихъ епископовъ или, по крайней мѣрѣ, неокесарійскаго клира.

Несомнѣнно, что первоначально так. наз. «Каноническое

посланіе» было обыкновеннымъ посланіемъ безъ раздѣленія на каноны, и теперешнее дѣленіе на правила возникло только тогда, когда отдѣльныя наставленія и предписанія посланія стали обособлять для цѣлей руководства въ церковной дисциплинѣ и христіанской нравственности [1]). Этою неизначальностью дѣленія на каноны объясняется и то, что въ различныхъ каноническихъ сборникахъ число ихъ различно: обычно считается десять, но дѣлятъ и на двѣнадцать (въ книгѣ Правилъ и въ Пидаліонѣ) и даже на тринадцать (въ Кормчей). Въ этотъ счетъ не включается то правило, которое у насъ въ переводѣ отмѣчено одиннадцатымъ. Послѣднее давно уже большинствомъ изслѣдователей признается позднѣйшей прибавкой къ посланію св. Григорія на томъ основаніи, что, во-первыхъ, его нѣтъ въ такъ наз. Синопсисѣ Аристина, не изъясняетъ его Зонара, написавшій толкованіе на всѣ остальныя правила (но оно уже было извѣстно канонисту XII в. Вальсамону), вообще его нѣтъ въ греческихъ каноническихъ сборникахъ, а въ нѣкоторыхъ рукописяхъ оно называется схоліей [2]). По характеру рѣчи—это не канонъ, а комментарій, изъясняющій термины, которыми пользовался св. Григорій въ предыдущихъ канонахъ и при томъ съ такою опредѣленностью, какой нѣтъ въ самомъ посланіи. Кромѣ того, въ текстѣ одиннадцатаго правила находится ясное указаніе на его источникъ. Въ немъ читаемъ: «ибо,—*говоритъ*,—слушающій Писанія и ученіе долженъ быть изгнанъ и не удостоиваться молитвы». Буквально то же находится въ 75 правилѣ св. Василія Великаго, въ его третьемъ каноническомъ посланіи къ св. Амфилохію Иконійскому.

Что касается подлинности «Каноническаго посланія» св. Григорія Чудотворца, то обычно она признается не подлежащею сомнѣнію, какъ въ виду свидѣтельствъ древнихъ каноническихъ собраній [3]), такъ и въ виду того, что въ содержаніи его нѣтъ

---

[1]) *Ad. Harnack* (Die Chronologie der altchristlichen Litteratur, II, 2, S. 99, Anm. 1) считаетъ почти неизбѣжнымъ, что при дѣленіи посланія на каноны могли быть утрачены нѣкоторыя части его.

[2]) *M. J. Routh*, Reliquiae Sacrae [2]. Vol. III, p. 281—283.

[3]) Отцы Трулльскаго собора говорятъ (2-е прав.): „Согласіемъ нашимъ запечатлѣваемъ и всѣ прочія священныя правила, изложенныя отъ святыхъ и блаженныхъ отецъ нашихъ, то-есть, трехъ сотъ осьмьнадцати богоносныхъ отецъ, собравшихся въ Никеѣ... Такожде правила Діонисія, архіепископа великаго града Александріи, Петра, александрійскаго архіепископа и мученика, Григорія, епископа Неокесарійскаго, чудотворца.

ничего, что противорѣчило бы условіямъ церковной жизни въ половинѣ III вѣка и исторіи покаянной дисциплины на Востокѣ [1]).

Славянскій переводъ «Каноническаго посланія» св. Григорія можно читать въ Кормчей, славяно-русскій въ Книгѣ правилъ и въ изданіи: «Правила (Κανονες) Православной Церкви съ толкованіями Никодима, епископа Далматинско-Истрійскаго. Переводъ съ сербскаго. Приложеніе къ журналамъ «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе». Т. II. Спб. 1912». Въ основу предлагаемаго русскаго перевода положенъ греческій текстъ въ изданіи *Mart. Jos. Routh*, Reliquiae Sacrae, sive auctorum fere jam perditorum secundi tertiique saeculi post Christum natum quae supersunt. Accedunt Synodi et epistolae canonicae, Nicaeno concilio antiquiores. Edit. altera. Vol. III, Oxonii 1846. p. 256—264; а для 11 правила текстъ взятъ у Миня, PG. t. X, col. 1048.

---

1. Не пища удручаетъ насъ, святый отецъ, если плѣнники ѣли то, что подавали имъ побѣдители ихъ, особенно, когда всѣ согласно утверждаютъ, что варвары, совершившіе набѣгъ на наши страны, не приносили жертвъ идоламъ. Апостолъ же говоритъ: пища для чрева и чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ и то и другое» [2]). Но и Спаситель, очищающій [3]) всякую пищу, говоритъ: «не то, что входитъ, сквернитъ человѣка, но то, что исходитъ» [4]). [Подобное] и относительнаго того, что плѣненныя женщины растлѣны, такъ какъ варвары надругались надъ ихъ тѣлами. Но если и прежде была зазорна жизнь какой-нибудь изъ нихъ, потому что она ходила въ слѣдъ очей блудодѣйствующихъ [5]), по написанному, то яспо, что любодѣйная наклонность подозрительна и во время плѣна, и таковыхъ не скоро слѣдуетъ допускать къ общенію въ молитвахъ. Если же какая жила въ

---

[1]) Ср. *E. Schwartz*, Busstufen und Katechumenatsklassen (Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg. 7 Heft). Strassburg 1911, S. 25 ff. *Achelis H.* Prof., Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten. 2 Bd. Leipzig 1912, S. 133—136.

[2]) 1 Кор. VI, 13. [3]) Объявляющій чистою всякую пищу.

[4]) Οὐ εἰςπορευόμενον, φησί, κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον, ἀλλὰ τὸ ἐκπορευόμενον; ср. Мѳ. XV, 11: οὐ τὸ εἰςρχόμενον εἰς τὸ στόμα κτλ.

[5]) Числ. XV, 39; Іезек. VI, 9.

совершенномъ цѣломудріи и на дѣлѣ доказала свою прежнюю жизнь чистою и внѣ всякаго подозрѣнія, а теперь подверглась поруганію по насилію и принужденію, то [относительно такого случая] имѣемъ примѣръ во Второзаконіи [1]) въ лицѣ отроковицы, которую человѣкъ встрѣтилъ въ полѣ и, принудивъ ее силою, преспалъ съ нею: отроковицѣ не дѣлайте, говоритъ, ничего; на отроковицѣ нѣтъ смертнаго грѣха, потому что [это то же], какъ если бы какой-либо человѣкъ возсталъ на своего ближняго и умертвилъ душу его,—такъ [и] это дѣло: откровица кричала, и не было помогающаго ей. Такъ [слѣдуетъ поступать] въ подобныхъ случаяхъ.

2. Но ужасно любостяжаніе, и невозможно въ одномъ посланіи привести мѣста божественныхъ писаній, въ которыхъ провозглашается, что отвратительно и гнусно не только грабить, но и вообще быть любостяжательнымъ и посягать на чужое ради постыднаго прибытка; и всякій таковой [т. е. виновный въ этомъ] долженъ быть публично объявленъ изгнаннымъ изъ Церкви Божіей. А что во время [вражескаго] нашествія, среди столь великаго стенанія и столь многихъ слезъ, нѣкоторые осмѣлились время, угрожающее всѣмъ гибелью, считать для себя временемъ корысти, то это свойственно людямъ нечестивымъ и богоненавистнымъ и такимъ, которыхъ низость не можетъ быть превзойдена. Поэтому мы рѣшили объявить всѣхъ таковыхъ отлученными, чтобы гнѣвъ не пришелъ на весь народъ и прежде всего на самихъ предстоятелей, потому что они не принимали рѣшительныхъ мѣръ. Ибо я боюсь, какъ говоритъ Писаніе, чтобы нечестивый не погубилъ вмѣстѣ съ собою праведнаго [2]). Ибо блудъ, говоритъ, и любостяжаніе,—ради нихъ приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія. Итакъ не будьте сообщниками ихъ. Ибо вы нѣкогда были тьма, а теперь свѣтъ въ Господѣ: какъ чада свѣта ходите,—ибо плодъ свѣта [состоитъ] во всякой благости, праведности и истинѣ,—испытывая, что благоугодно Господу. И не участвуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, напротивъ того, и обличайте, ибо о томъ, что происходитъ отъ нихъ тайно, стыдно и говорить; все же

[1]) XXII, 25—28. [2]) Быт. XVIII, 23.

обнаруживаемое свѣтомъ дѣлается явнымъ [1]). Это [говоритъ] апостолъ. Если же нѣкоторые, подвергшіеся наказанію за прежнее любостяжаніе, бывшее во время мира, въ самое время гнѣва снова обратились къ любостяжанію, ища корысти отъ крови и погибели людей изгнанныхъ, или плѣненныхъ, или убитыхъ, то чего иного нужно ожидать, кромѣ того, что подвизающіеся за любостяжаніе соберутъ гнѣвъ и самимъ себѣ и всему народу?

3. Вотъ, не Ахаръ ли, сынъ Зары, прегрѣшилъ [взявъ] отъ заклятаго, и не пришелъ ли гнѣвъ на все сонмище Израилево? Онъ одинъ только согрѣшилъ, [но] не одинъ только умеръ въ своемъ грѣхѣ. Но намъ подобаетъ въ это время почитать заклятымъ всякое стяжаніе, если оно составляетъ не нашу собственность, а чужую. Ибо какъ тотъ Ахаръ взялъ часть добычи, такъ и эти теперь [взяли] изъ добычи; но тотъ [взялъ] принадлежавшее врагамъ, а эти теперь [взяли] принадлежавшее братьямъ, ища выгоды въ погибельной корысти.

4. Никто пусть не обольщаетъ себя даже подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ нашелъ; ибо непозволительно, чтобы даже нашедшій получалъ корысть. Второзаконіе говоритъ [2]): если увидишь тельца брата твоего и овцу, блуждающую на пути, то не оставляй ихъ безъ вниманія, но поверни ихъ и направь къ брату твоему; если же братъ твой не приходитъ къ тебѣ, и если ты не знаешь его, то ты собери ихъ, и пусть они будутъ у тебя, пока не будетъ искать ихъ братъ твой, и возврати ихъ [ему], и такъ поступай и съ осломъ его, и такъ поступай съ одеждою его, и такъ поступай со всякой потерей брата твоего, что бы ни было потеряно имъ, и ты найдешь это. Такъ Второзаконіе. А въ книгѣ Исходъ [то же сказано] не только [относительно такого случая] если кто найдетъ принадлежащее брату, но и врагу: обративъ, говоритъ [3]), возврати его въ домъ господина его. Но если, такимъ образомъ, во время мира не позволительно искать выгоды отъ брата или врага, который ведетъ жизнь беззаботную и изнѣженную и не печется о своей собственности, то насколько больше въ томъ случаѣ,

[1]) Ефес. V, 3. 6—13. [2]) XXII, 1—3. [3]) XXIII, 4.

когда онъ находится въ несчастіи и убѣгаетъ отъ враговъ и по нуждѣ оставляетъ собственность.

5. Другіе же обольщаются, удерживая чужое, которое нашли, вмѣсто своей утраченной собственности, чтобы, послѣ того какъ Ворады и Готы причинили имъ то, что связано съ войною, имъ самимъ сдѣлаться Ворадами и Готами для другихъ. Итакъ, ради этого мы послали къ вамъ брата и сострарца Евфросина, чтобы онъ по здѣшнему образцу и тамъ установилъ подобнымъ образомъ, и чьи обвиненія должно принимать и кого объявить отлученныхъ отъ молитвъ.

6. Далѣе, возвѣщено намъ также нѣчто невѣроятное, происшедшее въ вашей странѣ, безъ сомнѣнія, отъ [людей] невѣрныхъ и нечестивыхъ и не познавшихъ даже имени Господа, именно, что нѣкоторые дошли до такого безчеловѣчія и жестокости, что насильно держатъ у себя нѣкоторыхъ убѣжавшихъ плѣнниковъ. Пошлите кого-нибудь въ страну [для разслѣдованія и устраненія этого], чтобы молнія не упала на совершающихъ таковое.

7. Тѣхъ же, которые примкнули къ варварамъ и съ ними, находясь въ плѣну, принимали участіе въ нападеніи, забывши что они были понтійцами и христіанами, и настолько одичали, что убивали единоплеменниковъ или деревомъ или удавленіемъ, и показывали не знающимъ [мѣстности] варварамъ или пути или жилища [христіанъ], этихъ должно удалить даже отъ слушанія, пока сошедшимся святымъ угодно будетъ вынести о нихъ какое-нибудь рѣшеніе и прежде нихъ Святому Духу.

8. Тѣхъ, которые отважились напасть на чужіе дома, если обвиненные будутъ изобличены, не должно удостоивать даже слушанія; но если они сами объявятъ о себѣ и возвратятъ [похищенное], то они должны въ чинѣ обращающихся припадать.

9. Тѣхъ, которые на полѣ или въ своихъ собственныхъ домахъ нашли что-нибудь, оставленное варварами, если обвиненные будутъ изобличены, подобнымъ образомъ [должно считать] среди припадающихъ; если же сами объявятъ о себѣ и отдадутъ, то должно удостоить ихъ и молитвы.

10. Но должно, чтобы исполняющіе эту заповѣдь, исполняли ее безъ всякой постыдной корысти, не требуя награды ни за указаніе вещи, ни за сохраненіе, ни за обрѣтеніе, ни [за что-либо подобное] какимъ бы именемъ оно ни называлось.

11. Плачъ бываетъ внѣ вратъ молитвеннаго дома, гдѣ стоя согрѣшающій долженъ просить входящихъ [въ храмъ] вѣрныхъ, чтобы помолились за него. Слушаніе—внутри вратъ въ притворѣ, гдѣ согрѣшившій долженъ стоять до молитвы объ оглашаемыхъ и затѣмъ уходить. Ибо,—говоритъ,—слушающій Писанія и ученіе долженъ быть изгнанъ и не удостоиваться молитвы. Припаданіе же [состоитъ въ томъ], чтобы стоящій внутри вратъ храма выходилъ вмѣстѣ съ оглашаемыми. Стояніе вмѣстѣ [состоитъ въ томъ], чтобы [согрѣшившій] стоялъ вмѣстѣ съ вѣрными и не выходилъ съ оглашаемыми. Въ концѣ—участіе въ святыхъ таинствахъ.

Н. Сагарда.

Новыя книги.

Карлъ Карловичъ Герцъ (1820—1883). Біографическій очеркъ, съ портретомъ и двумя приложеніями. Составилъ *А. Малеинъ*. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Герца. СПБ. 1912. (VIII и 244 стр.).

Авторъ этой превосходной біографіи покойнаго археолога и историка искусства, по поводу рефератовъ его на засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества, отмѣчаетъ поразительное разнообразіе темъ, которыхъ касался здѣсь Герцъ. Къ такому же наблюденію приводитъ и просмотръ приложеннаго къ книгѣ хронологическаго списка всѣхъ печатныхъ трудовъ Герца, насчитываемыхъ въ крупной цифрѣ 226 названій. Если изъ этого перечня исключить работы изъ ранняго періода жизни Герца, когда еще не опредѣлилось его научно-литературное призваніе, именно до времени его пятилѣтняго путешествія по Европѣ (1851—1856), то все же получится до 200 названій печатныхъ трудовъ на весьма различныя темы, притомъ не только по исторіи искусства и по археологіи, двумъ обширнѣйшимъ отраслямъ знанія, но и по вопросамъ современнаго искусства. Изъ первой группы трудовъ Герца выдѣляются три его работы, для того времени, въ особенности для развитія научнаго движенія въ Россіи, имѣвшія неоспоримо значительную цѣнность. Это 1) статья въ „Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія“ за 1859 годъ „О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи (IX и X стол.)“, которая, по заявленію самого автора, была составлена „по неописаннымъ и неизданнымъ

миніатюрамъ въ рукописяхъ, хранящихся въ церковныхъ, публичныхъ и частныхъ библіотекахъ въ Бельгіи и Германіи", и которая впослѣдствіи была положена имъ, хотя, къ сожалѣнію, безъ надлежащей переработки, провѣрки и дополненій, въ основаніе его докторской диссертаціи; 2) „Археологическая топографія Таманскаго полуострова", Москва, 1870, изданіе Московскаго Археологическаго Общества; 3) „Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII столѣтія до 1859 г., преимущественно по неизданнымъ источникамъ", изданіе того же Общества, 1876. Имѣли, конечно, свое значеніе и многочисленныя сообщенія Герца въ періодической печати объ археологическихъ открытіяхъ, отзывы о новыхъ изданіяхъ, рефераты и предложенія въ ученыхъ обществахъ, но собственно для популяризаціи добытыхъ наукою знаній. Наблюдаемая въ работахъ Герца, какъ и во всей вообще его дѣятельности, разбросанность и чрезмѣрная широта интересовъ была для чисто научной продуктивности самого Герца явно не полезна; но для распространенія научныхъ знаній и интересовъ въ Россіи эта дѣятельность была въ высокой степени важна и благотворна. Въ этомъ отношеніи немало была обязана покойному и новая въ Россіи наука церковной археологіи. Къ 1859 г. относится составленное имъ, совмѣстно съ Буслаевымъ, предисловіе къ сказанію „о созданіи великія Божія церкви св. Софіи"; къ 1861 году статьи—„Миніатюры Остромірова Евангелія" и „Памятники Византійскаго искусства на Аѳонской горѣ"; къ 1864 году сообщенія—„Новѣйшія открытія въ Іерусалимѣ" и „О различіи между древними синагогами и древне-христіанскимн церквами, по наблюденіямъ въ Палестинѣ французскаго путешественника Герена"; къ 1865 году—„Новая экспедиція на Аѳонскую гору" и „Эпиграфика Константинополя", а также сообщеніе о „Theologische Studien und Kritiken" и объясненіе въ Московскомъ Археол. Обществѣ слова базилика, какъ матеріалъ для археологическаго словаря Общества; къ 1866 году—„Открытіе древне-христіанской катакомбы въ Александріи, въ Египтѣ"; къ 1867—„Новѣйшія изслѣдованія Палестины", „Потиръ", отзывы о Weerth, Das Siegeskreuz der byzantinischer Kaiser Constantinus VII Porphyrogenitus und Romanus II und der Hirtenstab des Apostels Petrus, о Cahier, Caractéristiques des Saints dans l'art populaire, и друг. подобн. изданіяхъ;

къ 1870—отзывъ о статьѣ Бердникова въ „Правосл. Собес." о символическихъ знакахъ и изображеніяхъ на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ; къ 1871—„Описаніе развалинъ церкви св. Георгія въ Кубанской области"; къ 1873—сообщеніе Московскому Археол. Обществу „программы новаго изданія, предпринимаемаго въ Римѣ о. Гаруччи, по части исторіи христіанскаго искусства первыхъ VIII вѣковъ"; къ 1875—„Слѣды христіанства въ Помпеѣ"; къ 1878—доложенный тому же Обществу обзоръ изданія Унгера: „Источники для исторіи византійскаго искусства"; къ 1881—докладъ Обществу о словарѣ древне-христіанской археологіи Крауса, и статья въ „Москов. Вѣдомостяхъ": „Важное открытіе въ области древне-христіанскаго искусства", и друг. Исторіи древне-христіанскаго и вообще христіанскаго искусства касался Герцъ и въ своихъ чтеніяхъ въ московскомъ университетѣ (1874—75, 1878—79), хотя одна изъ задачъ, которыя поставилъ онъ для преподаванія, именно основательное изученіе исторіи византійскаго искусства, была имъ не достаточно выполнена.

Ученый авторъ біографіи Герца, профессоръ Историко-Филологическаго Института въ Петербургѣ, А. І. Малеинъ, которому Академіею Наукъ былъ порученъ этотъ трудъ, для выполненія его близко ознакомился, кромѣ печатныхъ трудовъ Герца, съ огромнымъ количествомъ его автографовъ, въ томъ числѣ съ нѣсколькими тетрадями дневника, и его переписки съ разными лицами, хранящихся въ академическомъ архивѣ, а также съ матеріалами, важными для біографа, находящимися въ архивахъ Московскаго Историческаго и Румянцовскаго Музеевъ, Московскаго Археологическаго Общества, Русскаго Археолог. Общества и Министерства Народнаго Просвѣщенія и нѣкоторыхъ частныхъ архивахъ, и, наконецъ, личными воспоминаніями о Герцѣ нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ своей книгѣ, потребовавшей долговременнаго и настойчиваго труда, который для автора только отчасти облегчался его собственной широкой освѣдомленностью въ области своей ученой спеціальности—классической филологіи и классической археологіи, онъ даетъ читателю сочиненій Герца превосходныя руководящія указанія для оцѣнки трудовъ покойнаго московскаго археолога. Богатая содержаніемъ и весьма живо написанная книга г. Малеина, вмѣстѣ съ примѣчаніями къ отдѣльнымъ главамъ ея, предста-

вляетъ интересъ не только для археологовъ, но отчасти и для историковъ и, въ частности, историковъ русской литературы и разныхъ теченій русской мысли въ прошломъ столѣтіи.

А. Садовъ.

Андреевъ, В. А. Сербскій іеромонахъ Софроній Младеновичъ въ Россіи. 1721—1760—1781 г. г. М. 1912. 90 стр.

Арнольдъ І.. Каковы были первые христіане? (Перев. съ нѣм.). Ч. 2. Сергіевъ Посадъ 1915. 156 стр.

Арсеній, архим., Свобода вѣры и сектантство. Харьковъ 1913. 32 стр.

Архангельскій, А. С., проф., Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература Московскаго государства (кон. XV—XVII вв.). Казань 1913. 526+LXXXVII стр. Ц. 4 р. 50 к.

Барятинскій, В. В, кн., Царственный мистикъ (Императоръ Александръ I-й—Ѳеодоръ Кузьмичъ). Спб. 1913. 144 стр. Ц .1 р. 25 к.

Борисовъ, В. А., свящ. Святитель Іосафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій; его жизнь и дѣятельность. Сергіевъ Посадъ 1912. XV+227+32 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Буткевичъ Т. И., проф.-прот., Высшее управленіе въ православныхъ автокефальныхъ церквахъ. Харьковъ 1913. 192 стр. Ц. 85 к.

Дорнеръ, І. А., проф., Система христіанскаго нравоученія. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. М. М. Тарѣева. М. 1913. XIII+626 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Ю. А. Колеминъ, Римскій духовный цезаризмъ передъ лицомъ соборной православной Церкви. Отвѣтъ православнаго христіанина итальянскому августинцу Аврелію Пальміери на его полемическій трудъ „Theologia dogmatica orthodoxa (Ecclesiae graecorussicae) ad lumen catholicae doctrinae examinata et discussa. Florentiae 1911". С.-Петербургъ 1913. Изд. Тузова. 330 стр. Ц. 1 р.

Мелиховъ, В. А., Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. Харьковъ 1912. 46 стр. Ц. 30 коп.

Мельниковъ, Ѳ. Е., Возможно ли объединеніе старообрядчества въ одну церковь. Изд. старообрядческаго братства Честнаго Креста. М. 1913. 309 стр. Ц. 60 к.

Мудролюбовъ, М. свящ., Записки по исторіи русской церкви, составленныя для казанскаго училища, согласно новыхъ программъ 1910 г. Казань 1913. 153 стр.

Отголоски славянской поэзіи. Переводы+проф. М. П. Петровскаго. Казань 1913. IV+215.

Памятники Синая, археологическіе и палеографическіе. Вып. II. 46 снимковъ изъ греческихъ синайскихъ рукописей подъ ред. проф. Вл. Н. Бенешевича. Спб. 1913. 52 стр.+32 таб. Ц. 3 р.

Религіозно-философскіе вечера. Вечера I—V. (Изъ книги М. Моравскаго „Abende am Seuser See). Религіозный вопросъ передъ судомъ современнаго человѣчества. Современная наука и религія. Богъ и

зло въ мірѣ. Христіанство среди другихъ религій. Христосъ. М. 1912. Изд. 2-е религіозно-философской библіотеки. 117+3 стр. Ц. 70 к.

Вл. П. Рыбинскій, проф. Кіевской Дух. Академіи. Самаряне. Обзоръ источниковъ для изученія самарянства. Исторія и религія самарянъ. Кіевъ 1913. XXII+550+30+V стр. Ц. 3 р. 50 к.

Суворовъ, Н. С.,+проф., Учебникъ церковнаго права. Изд. 5-е. М. 1913. 531 стр. Ц. 3 р.

Троицкій, С. В., Второбрачіе клириковъ. Историко-каноническое изслѣдованіе. Спб. 1912. VIII+282. Ц. 3 р.

Его же. Защита христіанства на Западѣ. Спб. 1913. X+291. Ц. 1 р.

Его же. Религіозное преслѣдованіе въ Галиціи (Австрійская Польша). В. Дж. Биркбека. Переводъ съ англійскаго С. Троицкаго. Спб. 1913. 69 стр. Ц. 30 к.

Δυοβουνιώτης, Κ. Ι., Τὰ μυστήρια τῆς ἀνατολικῆς ὀρθοδόξου ἐκκλησίας ἐξ ἀπόψεως δογματικῆς. Ἐν Ἀθήναις 1913. 200 σελ.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Чтеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

СОДЕРЖАНІЕ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

ЯНВАРЬ 1913.

Св. Максима Исповѣдника житіе. Переводъ, изданіе и примѣчаніе ***М. Д. Муретова.***

О богословствованіи мірянъ. ***К. Н. Леонтьева.***

Классицизмъ и духовная школа. (Письмо Михаила Никифоровича Каткова къ Высокопреосвященнѣйшему Іоанникію, Митрополиту Московскому).

Платонъ и Филаретъ, митрополиты Московскіе. (Сравнительная характеристика ихъ нравственнаго облика). ***В. П. Виноградова.***

Вопросъ о жизни на Марсѣ.

Три богослова: св. ап. Іоаннъ Богословъ, св. Григорій Богословъ и преп. Симеонъ Новый Богословъ. (Общія черты ихъ ученія вообще и теорія богопознанія въ частности). ***Іеромонаха Пантелеимона.***

Письма о христіанскомъ Римѣ. Письмо третье. Въ катакомбахъ св. Каллиста. ***В. Эрна.***

Кризисъ въ нѣмецкомъ протестантствѣ. (1910—1911 г.г.). *Священника Николая Сахарова.*

Предѣлы гносеологіи. (Основная антиномія теоріи знанія). *Священника Павла Флоренскаго.*

Критика. E. Sohn Winer.—Die Entwicklungsgeschichte der Stile in der bildenden Kunste. I. Von Altertum bis zur Gotik. Leipz. 1912. *Н. П.*

Списокъ книгъ, полученныхъ въ редакціи.

Врачебное шарлатанство.

Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Изъ лекцій по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, читанныхъ доцентомъ Московской Духовной Академіи А. А. Ждановымъ (съ сент. 1888 г. до сент. 1893 г.). *Подъ ред. Свящ. Д. В. Рождественскаго.*

Журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи за 1912 г.

Отчетъ о состояніи Братства Преподобнаго Сергія для вспомоществованія нуждающимся студентамъ и бывшимъ воспитанникамъ Московской Духовной Академіи за 1911 годъ.

Объявленія.

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА.

ЯНВАРЬ 1913.

О святой Троицѣ. Священника *Н. В. Петрова.*

Книга пророка Осіи. *П. А. Юнгерова.*

Слово на Новый годъ, сказанное въ Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ, предъ молебномъ, въ полночь на 1 января 1913 года. *Епископа Анастасія.*

Слово въ день Крещенія Господня. *Епископа Анастасія.*

Свидѣтельство Іисуса Христа о своемъ Божествѣ по первымъ тремъ евангеліямъ. *С. Песчанскаго.*

Вѣра и знаніе съ точки зрѣнія гносеологіи. *В. И. Несмѣлова.*

Русскія епархіи въ XVIII вѣкѣ, открытіе ихъ, составъ и предѣлы. *И. М. Покровскаго.*

Библіографія. *М. И.*

Отчетъ Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи за 1911—1912 г. (VI-й годъ его существованія).

Содержаніе: 1) Декабрьской книжки Богословскаго Вѣстника и 2) Январьской книжки Христіанскаго Чтенія за 1913 годъ.

Объявленіе объ изданіи въ 1913 г. журнала „Церковная Правда“.

Объявленіе о пріемѣ студентовъ въ Академію въ 1913—1914 учебномъ году.

Инородческое Обозрѣніе, приложеніе къ журналу „Православный Собесѣдникъ“ за декабрь 1912 года. Книга 1-ая.

Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной Академіи за 1911 годъ.

Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ въ 1913 году.

„Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“.

ФЕВРАЛЬ 1913.

I. Полемическія сочиненія Тертулліана. Переводъ ***Н. Н. Щеглова.***

II. Слово въ день поминовенія Кіевскою Академіей ея основателей, благотворителей и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся. ***Д. Горохова.***

III. Слово въ день Крещенія Господа нашего Іисуса Христа. (Объ обновленіи жизни). Свящ. ***Н. Фетисова.***

IV. Къ кому относится пророчество о рожденіи Еммануила. Свящ. ***А. Введенскаго.***

V. Библейскій греческій языкъ въ писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта. ***Н. Н. Глубоковскаго.***

VI. Православно-русское духовенство въ его служеніи церкви и государству въ эпоху Отечественной войны. ***С. И. Чернышева.***

VII Критика началъ нѣмецкой философіи школы Канта С. С. Хомякова. ***В. З. Завитневича.***

VIII. Письма кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова къ игумену (впосл. архимандриту) Серафиму Покровскому. Сообщ. ***Л. С. М.***

IX. Библіографическая замѣтка. ***Н. И. Петрова.***

X. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

X. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи за 1911—1912 учебный годъ.

---

1 марта 1913 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи епископъ *Георгій*.

Редакторъ, профессоръ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи *Николай Сагарда*.